

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

Фата на дереве

Блестящие отзывы Льва Аннинского
—
Книги переведены на японский язык

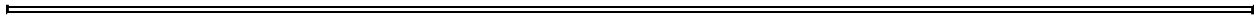
ЛАБИРИНТЫ ДУШИ

Annotation

Сана мечтала о тихом семейном счастье с самого детства. Казалось, ее желание близко к осуществлению, когда появился красавец-жених, и не какой-нибудь легкомысленный щеголь, а серьезный, успешный, основательный. Может, даже слишком серьезный для Саны, в которой живет душа вольной птицы. Шаг за шагом росла между ними стена непонимания. Даже фата, которая была для девушки олицетворением долгожданного счастья стала для ее мужа символом непонятных ему, а значит, глупых фантазий. Мечта при соприкосновении с реальностью лопнула, как лопаются мыльные пузыри, но что же делать Сане, как ей жить дальше?..

- [Галина Артемьева](#)
 - [Лучик](#)
 - [Вернулся](#)
 - [Сто штук блинов](#)
 - [Пора решаться!](#)
 - [А в это время...](#)
 - [Собраться с мыслями...](#)
 - [Взгляд с другой стороны](#)
 - [Габриэлла](#)
 - [А вот кому молочка?](#)
 - [Теленочек](#)
 - [Только бы Нельку дождаться](#)
 - [Господин самовар](#)
 - [Приятный ужин у воды](#)
 - [Ты за все ответишь, гад!](#)
 - [Птичка, помоги мне!](#)
 - [Звонки](#)
 - [Гости](#)
 - [Капля камень точит](#)
 - [Фестиваль](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- 4
- 5

Галина Артемьева
Фата на дeрeвe

Лучик

– Агу, – нежно пролепетала Викуся, широко улыбаясь. – А-гуууу, а-гуууууу.

Красиво у нее получалось. Песня.

Солнечный лучик заглядывал в чисто вымытое окно. Викуся потянулась, чтобы его поймать и рассмотреть как следует. Лучик не давался. Ну никак. Не убегал, не прятался, но не давался.

– Гу! – рассердилась Викуся и зажмурилась.

Нахальный лучик лез прямо в глаза.

Спать не дает и играть не хочет.

Викуся чихнула, удивилась, еще раз чихнула и принялась икать. Агукать она при этом не перестала.

– Аааа-ик-гууу-ик... ааа-ик-гууу-ик...

Ой-ой-ой... Уже ж утро! Эх, утро доброе! Чего ж ты такое раннее? Хотя – нет... Спасибо, конечно! Лето! Долгожданное! Свет – повсюду. Ясный, радостный. Вон и птички щебечут... И Викуся свою песню выводит... И чего ей не спится? Ведь сухая, сытая... Спала бы себе и росла во сне, сил набираясь. Икать взялась...

Сана, как сомнамбула, восстала со своего ложа и, не открывая глаз, направилась к детской кроватке.

Викуся стойко икала и столь же стойко агукала.

Сана склонилась над детской кроваткой, вытащила оттуда невесомое сокровище, прижала к себе маленькое беспомощное тельце.

Икота немедленно прекратилась.

– Солнышко мое! – обрадовалась Санка. – Рыбусик мой золотой! А, вот что тебе спать мешало!

Яркий лучик игриво подрагивал на белоснежной младенческой подушке с кружевными оборками. Ему было явно все равно, с кем играть, кого заставлять просыпаться и радоваться предстоящему долгому летнему дню. Его не интересовало, что взрослый человек вот уже вторую неделю один возится с грудничком и мечтает элементарно отоспаться. Тем более дачный свежий воздух действует опьяняюще. Спать бы и спать...

– Агуууу, – взялась за свое Викуся.

– Ага, – вздохнула Сана, – Слышу... Агу... Тебе веселиться час настал. А давай так? Давай я лягу, а ты своим пузом на меня, а? Я подремлю, а ты

разговаривай, пой – все, что захочешь... Давай?

– Агыыы! – восхитилась Викуся, улыбаясь так широко, что сил на то, чтобы держать голову прямо, у нее уже не осталось. Бум – и душистая головушка, пахнувшая солнышком и молочком, уткнулась в плечо Саны.

– Мы с тобой девчонки-молодцы! Мы с тобой подруги хоть куда! Нам с тобой не страшно ничего! Ни жара, ни холод, ни вода! – льстиво бормотала стихами, которые всегда лезли ей в голову, если надо было уговорить Викусию поспать еще чуток, невыспавшаяся Сана.

Она осторожно улеглась на свою широкую кровать, водрузила на себя бодрого и счастливого младенца.

– Ты не думай, я просто полежу, я ж всю ночь с тобой... Просто полежу... И ты рядышком погуляешь...

Санка мучительно зевнула...

Зевота – штука заразительная.

Викуся зевнула тоже.

– Баю-бай, – с надеждой попросила Сана. – Ты сытая, сухая... Баю-бай...

Хороший человек и надежный друг Викуся и правда закрыла глазки. Нагулялась, видно. Значит – счастье. Значит – выспаться сегодня все же получится.

Когда начнется настоящий день, хлопоты подступят...

Одно дело за другим...

Важные и неважные, вперемешку...

Но сейчас – о делах думать нельзя. Сейчас – только спать. Сколько позволит милостивая Виктория, ее повелительница двух месяцев от роду, которую она должна беречь и спасать от всего, что только может грозить маленькому беспомощному человечку.

Вернулся

В то время как замечательный девичий дуэт спал себе крепким утренним сном на даче у Саниных деда и бабушки, муж Саны возвратился домой, в их просторную московскую квартиру из командировки.

Прямо как в начале нескончаемой серии анекдотов... Муж вернулся из командировки, а жена...

Ростислав, уже столько лет благополучно женатый, никогда не имел реальных оснований для ревности. Но неустанно и болезненно ревновал.

Так выходило. Такой у него от природы характер. И все тут. Можно же просто принять это и постараться понять. У него и отец ревнивый, и дед, а может, даже и прадед. Скорее всего.

Мама Ростислава с гордостью повторяет, что такого тяжелого характера, как у ее мужа и, стало быть, Славочкиного отца, наверняка больше в целом свете не сыщешь. Что не по нему – мрачнее тучи. И поди разберись, что не так. На кого слишком тепло взглянула, кому напрасно улыбнулась... Бывает, ревность его возникает совсем нелогично. Например, если в воскресенье на обед не тот суп приготовила или не тот десерт. Ну, происходят такие кулинарные неудачи время от времени с каждой хозяйкой.

К чему тут ревновать?

Хы! Да как же? Вот: приготовила не то, стало быть, не чувствует желаний мужа, не помнит о его вкусовых пристрастиях.

А почему? Ну, тут все ясно: у нее другой! И из-за этого подлого грязного другого она и перестала думать о муже.

Разве не логично?

И по такому поводу можно и нужно несколько дней грозно и непримиримо хмуриться, а то и не разговаривать вообще с женой. Чтоб знала! Чтоб помнила! И предчувствовала, какая гроза разразится, если на самом деле хоть что-то промелькнет!

Конечно, ничего никогда не мелькало. Папочку в семье обожали. Как и маленького Славочку, оказавшегося тоже ревнивцем хоть куда.

И только попробуй вести себя иначе... Только рыпнись!

Недавно мать (так про себя называла Сана свекровь) на семейном празднике, посвященном очередной годовщине их с отцом семейного счастья, с какой-то даже торжествующей гордостью неожиданно поделилась впечатляющим воспоминанием времен ее молодости.

Славику тогда было шесть лет. Определили его в первый класс. Ждали Дня знаний всем дружным семейством. Костюм парню купили школьный, туфли – загляденье. Настоящие мужские. Все приготовили. До первого дня осени оставалась какая-то неделя.

Естественно, в конце августа семья находилась на даче.

Дача у них – сказка. Царские хоромы. Прадеду-генералу выделили после войны гектар подмосковного леса – стройся. И истосковавшийся по удобствам, красоте и домашнему уюту вояка отстроился на века. В умно спроектированном доме из бревен полуметрового диаметра могло с удобствами разместиться человек пятьдесят. Причем масштабы постройки становились понятны только тому, кто оказывался внутри, кто удостоился чести стать званым гостем чудо-замка. Снаружи глянешь – ничего особенного.

Но гости почему-то нечасто к ним выбирались. У всех свои дачи и свои на них дела и хлопоты. А тут, на излете лета, неожиданно образовалась группа давних студенческих друзей и подружек, решивших вспомнить юность и провести за городом выходные. Шашлыки, винцо грузинское... Песни под гитару. Ну, все как тогда полагалось. Все радовались друг другу, вдруг очутившись после скучных взрослых забот в собственном, полном ожидания счастья, не столь уж и давнем прошлом.

Славочку уложили спать в положенное ему время. Папа с мамой сидели у костерка в дальнем углу дачного участка и пели вместе со всеми. Наконец папе захотелось отправиться на боковую.

– Пошли, – велел он жене.

А та настолько увлеченно пела, что и не догадалась немедленно исполнить мужнин приказ.

– Ты иди, – беззаботно откликнулась она. – Я скоро... Еще чуть-чуть...

Папа встал и ушел, не произнеся ни слова.

Мама посидела у затухающего костра еще около часа – ну уж очень хорошо пелось и вспоминалось вместе... До слез хорошо.

Распрощалась с гостями до встречи в Москве: утром всем предстояло разъехаться очень рано, заглянула в детскую, проверить, как спит Славочка, улеглась рядом с мужем, прильнула, поцеловала. Тот крепко спал, не шевельнулся. И она уснула безмятежным сном, ничего не предчувствуя.

Утром проснулась – тишина. Никого не слышно. Ну, гости – понятно. Они так и собирались уехать ни свет ни заря.

А Славочка почему не прибежал к мамочке? Не разбудил, не попросил покушать...

О муже вообще говорить нечего...

Он обычно по утрам требовательно осуществлял свои супружеские права, не спрашивая, хочешь – не хочешь, устала-не устала, есть настроение – нет настроения. Про это она довольно быстро поняла, что лучше не прекословить, если хочешь, чтобы в семье царил мир. По представлениям мужа, хотеться ей должно было всегда, а если она отказывается проявлять свое чувство к своему единственному мужчине, отвергает его ласки, это означает только одно: у нее появился другой.

Естественно, она всячески старалась доказать обратное. Чтоб ни тучки не возникло на семейном небосклоне.

Но сегодня мужа рядом не было. Она вскочила и босиком побежала в Славкину комнату. Никого. И в столовой никого. Принялась звать мужа и сына. На крик спустилась со второго этажа свекровь и сообщила, что сын с внуком отбыли в город.

– Как в город? Почему? Мы же через три дня только собирались?

– Значит, у твоего мужа поменялись планы, – безмятежно установила свекровь.

И тут только маму Славика озарила догадка. Пронзила ее.

Он обиделся!

Она же не пошла спать вместе с ним! И как это ей в голову пришло? Расслабилась с друзьями юности, как под гипнозом оказалась. Это ведь что он мог подумать? Там же не только супружеские пары сидели в обнимку. Там и холостяки ночной романтикой наслаждались, о лесной любви пели, о звездочках. А ей и в голову не пришло почему-то, что муж звал ее не просто спать. Ему в ту пору доказательства ее любви требовались. Ее безусловной верности и принадлежности ему, отцу ее ребенка, между прочим.

Она, сообразив все это, немедленно помчалась в Москву. Помчалась – легко сказано. На машине-то уехал муж. Ей пришлось бежать на станцию, ждать электричку, потом трястись в полном вагоне рядом с теми несчастными, кто ежедневно ездил с дач на работу в город. Но в то утро, конечно же, самой несчастной среди подневольных загородных трудяг, забившихся в электропоезд, была она. Потому что последствия своего проступка предсказать абсолютно не могла. И в свое оправдание не находила слов. Ведь за семь лет могла бы уже привыкнуть к характеру мужа и его реакциям.

А тут вдруг такой сбой. Такая промашка.

Оказавшись у дверей их квартиры, мать дрожащими руками попыталась вставить ключ в замочную скважину.

Ключ не вставлялся.

Неужели муж успел замки в двери поменять?

Выходило, что успел.

Из глубины квартиры доносилась веселая детская музыка. Значит, муж и сын дома.

Она принялась звонить.

– Кто там? – послышался голос мужа.

– Это я, Боречка, открой, пожалуйста, – зарыдала несчастная женщина, припав к двери лицом.

– Ты здесь больше не живешь, – последовал равнодушный ответ.

Говорить так у мужа имелось полное юридическое право: прописана Зоя была у родителей, в коммуналке. И таким образом никакого отношения к кооперативной квартире, подаренной Боречке родителями перед свадьбой, иметь не могла.

Зоя умоляла пустить ее к Славику. Муж был совершенно непреклонен. Он хладнокровно объяснял этой почти уже посторонней женщине за дверь, что своим отвратительным эгоистичным поступком она сама навсегда перечеркнула все, доверия у него к ней больше нет и быть не может.

«Посторонняя женщина» рыдала и умоляла простить и поверить, что больше подобного не повторится. Рыдания матери услышал Славик и тоже заплакал в голос.

– Папа, пусть мама войдет, – слышала провинившаяся и непрощенная мать просьбы сыночка.

– Она раньше должна была думать о последствиях. Голова обычно дается, чтобы думать, а не для блуда и похабных мыслей, – пояснял Борис Леонидович сыну.

Он был непреклонен несколько дней.

Эти дни Зоя провела, почти не отходя от двери, за которыми скрывался неумолимый супруг с сыном, постепенно переходящим на сторону отца. Через пару дней Славик, уже не плача, объяснял маме, что она сама виновата и что он хочет жить с папой и только с папой. А она пусть им не мешает.

От двери женщина отходила только в туалет (пускали сердобольные соседи). Не ела ничего: кусок в горло все равно бы не полез. Спала, сидя на лестнице, прислонившись к холодной стене. Она очень боялась, что, если отлучится надолго, муж увезет Славика в неизвестном направлении и найти ребенка уже не получится. Сейчас по крайней мере она могла быть уверена, что находится рядом с сыном.

Наступило первое сентября. Предполагаемый и давно ожидаемый

праздник. Зоя очень надеялась, что муж смягчится перед этим днем и простит ее в последний раз.

Выглядела она просто ужасно: настоящим бомжом.

Человеку, оказывается, очень немного-то и надо, чтобы превратиться и внешне, и внутренне в неприкаянного бродягу: всего-то пару ночей без еды и надежного крова. Глаза гаснут, волосы сваливаются и повисают, как пакля, голос дрожит, руки трясутся... А если помыться нет возможности, то и запах идет... Она, правда, быстренько ополаскивалась у соседей просто по привычке к чистоплотности и на тот случай, если муж все-таки пустит ее к Славику, чтоб мальчик не испугался ее запаха.

Очень Зоя надеялась на День знаний. И поначалу казалось, что надежды ее оправдаются. Муж из-за двери объявил, что позволит ей сопровождать их с сыном в школу, но только на расстоянии. Зоя поклялась. Пусть на расстоянии. Все-таки это уже было какое-то послабление. Правда, Боречка потребовал, чтобы ее родители не вздумали приходить на торжественную линейку, иначе...

Пришлось позвонить родителям и взмолиться, чтобы они не приезжали в школу к единственному внуку-первокласснику. Она врала, что детей сразу разведут по классам, что никакой линейки перед школой не будет, что опасаются нового вируса, поэтому торжества свернули... Выкрутилась как-то.

Утром первого сентябрьского дня торчала у коврика перед квартирой, как побитая собачонка.

Наконец дверь приоткрылась. Зоя увидела сына в форме, с новеньким ранцем. Ребенок выглядел осунувшимся, бледным, под глазами синева. Чем отец кормил его все эти дни? Борис же прежде никогда не готовил. Даже яичницу сделать не умел.

– Славочка, – прошептала мама, словно боясь спугнуть чудесное виденье.

– Посмотрела? – жестко спросил отец. – Ну и все. Отдыхай теперь. В школу он не пойдет. Я передумал.

– Как же так? Ведь праздник же... – безвольно вымолвила несчастная Зоя.

– Вот себе и скажи большое человеческое спасибо, что навсегда лишила сына такого праздника, – холодно отчеканил Борис.

Да, первый раз в первый класс Славочка пошел не первого, а третьего сентября, когда отец все же сменил гнев на милость, даровав матери прощение, правда, твердо пообещав, что следующий прокол станет для Зои последним.

– Не было больше проколов, – смеясь, подытожила свекровь, гордо глядя на своих гостей. – Научил тогда на всю оставшуюся жизнь, да, Боречка?

Боречка, переживший полгода назад инсульт, но уже умеющий говорить, кивнул. Он, похоже, не совсем понял, о ком в рассказе жены шла речь, но на слово «да» реагировал кивком, то есть вполне адекватно.

Мать сейчас стала полноправной хозяйкой положения. Все ее страхи остались в далеком, безвозвратно ушедшем прошлом.

Да, есть о чем вспомнить, над чем посмеяться. Пусть другие поучатся!

Ростислав тогда, во время материнского повествования, внимательно вглядывался в лицо Саны: поняла ли она, в чем заключается настоящая женская любовь, настоящий женский героизм?

Вот его мать прочувствовала характер мужа, учла все тонкости обращения с ним. И пожинает сейчас плоды своих невероятных усилий, своего фантастического терпения.

У них по-прежнему крепкая надежная семья, Зоя теперь в ней самая главная. Сын успешный. Отец, подающий надежды на полное выздоровление.

Ведь можно же приспособиться? Можно учесть? Мать же смогла!

Правда, на мать у отца рычагов воздействия было поболее... Тут даже сравнивать нельзя. Мать от бати зависела надежно, крепко. Хотя и образование у них высшее – из одного института вышли, – но квартира, дача, машина были батянины... Другой общественный круг... Он, Славик, сыночек единственный, опять же... Все держало. И характер у матери другой. Более покладистый, что ли. Хотя... Не всегда. Упрямая она. Но отцу подчинялась. Старалась изо всех сил подладиться. Чего еще желать?

Ростислав поначалу, приглядываясь к красивой девчонке, к которой его жутко тянуло, составил о ней несколько иное мнение. По чисто внешним показателям.

Из многодетной семьи – это первый плюс.

Старшая сестра. Ну, не самая старшая, но вторая по старшинству. И три младших брата, о которых с детства всерьез заботилась. Баловать их с сестрой не баловали. Это серьезный и твердый плюс номер два!

Плюс третий: негуляющая и негулящая. Работающая всерьез и надолго, прекрасно понимающая, что такое долг и обязанности.

Плюс четвертый, вытекающий из предыдущих: некапризная и невздорная совершенно, хоть и цену себе понимает.

Пятый плюс, он же и возможный минус: красивая до невозможности, до того, что дыхание у Славы перехватывало в первый момент, как

встречался с ней. Каждый раз замирал и не верил глазам своим. Жаль только, что засматривался на девушку не он один. Далеко не он один. Ему не встречался ни один человек, который, мельком взглянув на Сабину Мухину, не начинал пялиться на нее во все глаза.

И, переходя к безоговорочным минусам, как ни странно, как ни удивительно было признать ему самому, первым он назвал бы ее финансовую независимость и известность. Она в ее юные годы была уже знаменитым дизайнером, надеждой, как не раз отмечали в прессе, отечественной моды. Семейству ее принадлежал популярный модный магазин. И не только...

Ее самостоятельность казалась ему чем-то угрожающим для их возможного совместного будущего. Он чувствовал, что из-за того, что Сабина твердо стоит на ногах, в его руках не оказывается никаких рычагов воздействия в том случае, если возникнут у нее мысли о расставании.

К тому же смущали Славика и слишком крепкие тылы красавицы: огромная дружная семья – старшая на год сестра Регина с мужем Петром, три брата и его же однокурсник Денис Давыдов, женившийся на матери Мухиных и опекавший братьев и сестер с отцовским рвением, несмотря на собственную молодость.

Как в этой ситуации стать полновластным главой семьи?

Как сделать, чтобы жена слушалась и повиновалась?

А ведь именно так представлял себе устройство своей будущей семьи Ростислав. Он глава. Он решает. А женщина подчиняется его воле. Прекрасная, нежная, беспомощная, верная и покорная. Вот его идеал.

И все-таки чувства и неотвязное, необоримое притяжение сделали свое дело: не сумел он отказаться от стремления взять в жены такое редкостное чудо, каким ему казалась Сабина Мухина.

Ладно – по ходу пьесы разберемся, кто в доме хозяин. Славик-то точно знал, что он и только он.

Сабинка же, похоже, ни о чем таком не задумывалась. Трудилась, рвалась на части, вызывая его невольное уважение, и явно, открыто, радостно принимала знаки его внимания.

Наконец он сообщил о своем намерении родителям.

– Хороша, – одобрил отец, тогда еще полный сил патриарх их небольшого семейства. – И на шее у тебя сидеть не будет. Ты только сразу все по полочкам разложи, ей легче будет приспособиться.

– Да вроде скромная, неиспорченная, – присоединилась к мнению супруга мама. – Только... знаешь, как в народе говорят... Красивая жена – чужая жена.

Мать знала, на какую болевую точку надавить.

У Славика аж сердце зашло, как только он представил Сабинку в объятиях другого.

– Ну, это не всегда, – хмыкнул отец. – Это у слабаков... Дети от вас пойдут хорошие, здоровые. А насчет гулянок с другими... Была она замечена в этом?

– Да не до того ей, – постарался рассуждать справедливо жених. – Она в своих проектах погрязла, крутится как заведенная.

– Ну а как родит, вообще не до того станет, – заключил глава семьи. – Да и ты на что? По сторонам глядеть не позволишь!

Слава видел, что его девушка отцу по-настоящему понравилась. А кому бы не понравилась?

Вопрос можно было считать решенным, несмотря на материнские опасения и предупреждения.

И правда – он-то на что? Объяснит сам что хорошо, а что плохо в случае чего.

Он, похоже, сам себя знал не особо досконально. Не представлял, какие волны ревности станут на него накатывать теперь по любому поводу.

Если на каком-то светском мероприятии, где Сабина должна была присутствовать как известная персона, к ним подсакивали фоторепортеры, Ростислав с трудом сдерживался, чтоб не вырвать у этих шакалов их камеры, не растоптать их в пыль, не плюнуть их обладателям в их наглые любопытные бесстыжие рожи.

До поры до времени утешало его то, что Сабина явно тяготилась вниманием представителей прессы и особо веселой во время фотографирования не выглядела. Он порой ощущал, что она даже пугалась, зажималась, когда начинались вокруг вспышки. Несколько раз непроизвольно пыталась спрятаться за его спину, как несчастный ребенок, попавший во враждебную среду.

Тогда он ее жалел. Чувствовал себя нужным, необходимым, незаменимым защитником. Это придавало огромную уверенность. К тому же она сама не раз говорила, что только с ним ощущает себя в безопасности. Для мужчины это высшая похвала.

Но имелись и другие раздражающие моменты, которые не давали покоя и чувства стабильности.

Например, ее деловые разговоры по телефону в самые неподходящие моменты. У него тоже шли дела, да еще какие. Ей и не снилось! Но если они отправлялись вместе поужинать, Слава отключал звук у мобильного и только краем глаза смотрел, кто там его вызванивает. Сабина же

откликалась на любой вызов, объясняя свои действия тем, что все держится исключительно на ней, положиться по-настоящему она может только на своих родных, а наемные работники в любой момент могут подвести, напортачить.

Ну да... ну да...

Однако ему хотелось, требовалось, чтобы принадлежала эта девушка только ему. И никому другому.

Родные – чужие, работа – отдых... Он хотел, чтобы все они катились к такой-то матери и оставили его навсегда единственным законным спутником любимой им женщины.

Он и детей поначалу не желал. Мечтал жениться, установить свои семейные порядки и долго-долго жить с женой вдвоем, непрестанно убеждаясь, что она принадлежит только ему. Его девочка. Его нежная красавица. Его лань.

Он изучил ее привычки, он баловал ее подарками, наслаждаясь при виде ее радости и изумления. Он посылал ей цветы. Из любой точки земного шара, куда приходилось летать по делам, ежедневно заказывал спецдоставку цветов. И каждое утро в любое время года получала его невеста корзину свежих роз, ирисов, лилий с приложенной к цветам запиской, в которой изливались на нее слова его любви.

– Какая же я счастливая! Не может быть! Неужели ты есть у меня? Неужели это все не сон? – спрашивала его любимая, когда они встречались после коротких разлук.

Он ей тогда верил. Верил и в ее любовь, и в искренность, и в надежность ее, верность.

Казалось бы, есть все основания для счастья. Живи и радуйся. Но радоваться не получалось. Что же мешало?

О! Мешало все!

Слава это отчетливо понял на свадьбе.

Как глаза внезапно открылись.

Увидел полное собрание ее родственников, весь выводок Мухиных – Давыдовых плюс деды с бабками, сгрудившихся вокруг его законной жены, обязанной отныне принадлежать и помыслами, и душой, и телом только ему, и сердце екнуло: сумеет ли он одолеть всю эту ораву, сумеет ли установить свое господство?

Ростислав отмечал каждую деталь, ревностно и мелочно: и как Сабина нежно гладила своих верзил-братьев по головам, ворковала с ними, вся светясь особой любовью, и как самозабвенно обнималась со старшей сестрой, похожей на нее, как две капли воды, и как бережно заботилась о

матери, деде и бабке, хотя у мамочки, прилетевшей из Швейцарии с молодым муженьком, был свой защитник, вполне способный и стул ей подставить, и угощение передать, и разговором занять.

Бесили Славика и нечеловеческие, идиотские имена, которыми члены его новой семьи величали друг друга. Ну, что это такое? Какой идиот выдумал? Рыся, Птича, Ор, Дай, Пик...

Это что за игры? Детство кончилось. Все взрослые люди, а между собой как члены преступной группировки, кличками общаются. Рысенька, Орик, Птичуша... Тьфу!

– Семейство не обидится, если я к вам по именам буду обращаться? – задал он важный для себя вопрос, которому никто, кроме него, и значения-то не предал.

– Конечно-конечно, как тебе удобно, дорогой! – послышалось со всех сторон. – Это в нас наше детство играет...

– Сабиночка теперь взрослая, замужняя дама, – поддержала новоиспеченного супруга его мать. – У нее такое прекрасное имя...

Слава знал, что его жена не любит свое имя, не привыкла к нему, считая его чужим. Птича – это да. Это – ее. А Сабина – для посторонних. Для внешнего мира. Ему же хотелось, чтобы внешним миром стали для нее все. Даже те, кто пока еще дорог. А единственным родным, незаменимым, как воздух, был бы он, ее муж, ее мужчина.

Он дал ей имя Сана.

Она привыкла. Имя очень быстро к ней прилепилось, будто всегда так и было.

И только родственнички жены продолжали упрямяться. Не получалось у них, видите ли, менять свои идиотские привычки.

Но он сдаваться не собирался, уверенный, что, если проводить свою линию четко и неуклонно, все в результате получится так, как задумал.

Слава стал применять к Мухиным их же оружие: давал им новые кликухи. Только наедине с Саной. Она отличалась чуткой реакцией на слова, это он заметил. Этим и воспользовался. Ирония – штука сильнодействующая, как медленный яд. Вот Ростислав и старался – вытравливал своими шутками прежние дурные привычки жены.

Хотите кличек? Пожалуйста!

Петр, муж старшенькой Мухиной, стал называться Саврасовым. Ну, был такой художник. И что тут, казалось бы, такого? Однако роль играла интонация, с которой это произносилось. Сразу становилось понятно, что никакой Петр не Саврасов, а так – жалкий мазилка.

Вместо имени любимой сестры, Рысеньки, Слава произносил, словно

оговариваясь каждый раз, Рыга... И лицо делал такое, словно стошнит его сейчас. И вроде не придерешься: оговаривается человек, и все тут. Такие у него ассоциации.

Маму Лялю он упорно именовал Примадонна. Вроде даже с почтением, торжественно. Но Сане почему-то делалось тоскливо и больно, хотелось закрыться, спрятаться. Она ощущала, что за этим шутливым именем кроется опять же иронический подтекст: разница в возрасте мамы и ее мужа, как у известных звезд отечественной эстрады.

И как будто ничего плохого и обидного... Кому-то даже лестным могло показаться. Но – задевало за живое, болезненно и глубоко.

Вообще-то, Сана до поры до времени легко шла на уступки.

Довольно быстро в присутствии мужа она перестала упоминать свою родню. А если уж приходилось это делать, то называла всех по именам. Тогда и Слава перешел на имена, давая понять, что так-то лучше.

Он ее любил!

Даже себе самому страшно было признаваться, насколько сильно он ее любил! Но почему-то эта любовь не радостью, а болью отзывалась в его сердце. Болью и страхом потери.

А чего он боялся? Мог ли он объяснить? Нет.

Все поведение жены, все поступки говорили о том, что нет оснований для ревности, подозрений, тревог. Он мог не сомневаться в ее верности, надежности, привязанности к нему.

К тому же – удивительное и невероятное: он был ее первым мужчиной! Это переполняло его нежностью и гордостью. И – почему-то – сожалением и страхом перед будущим. Иногда он говорил себе: да, до меня она была девицей, чувства ее только дремали. А сейчас – когда я сделал ее женщиной – что ей помешает найти кого-то на стороне? Теперь ведь не проверишь, появился у нее кто-то или пока нет...

А он знал, какой открыто-жаждущей бывает она в минуты их любовных объятий. Конечно, все понятно: он ее муж, они и должны доставлять друг другу радость и наслаждение. А если ей теперь захочется большего?

Глупые страхи – убеждал он сам себя. И все равно боялся. И, как мог, старался противодействовать.

Сана же, выйдя замуж, доверилась Славе полностью. Она, вообще-то, казалась простодушной и прямодушной. Откровенничала, подлаживалась, почти не обижалась ни на что. Легко с ней было ладить.

Но чем легче, казалось, с ней ладить, тем сильнее хотелось ему давить

на нее, завоеывая все новые и новые рубежи.

Первая серьезная ссора возникла примерно через полгода после свадьбы.

Сана долго продержалась, надо отметить.

Не замечала его придирок.

Может, слишком занята была своим творчеством, а к мужу припадала, как истомленные жаждой путники приникают к живительному источнику, не обращая внимания на колючки, камни и жалящих насекомых вокруг. Но он не рассчитал силу удара или – боль от укуса, смотря как смотреть на истоки тех давних событий.

Ну, в общем, Сана расслабилась, доверилась мужу полностью, как совсем своему. Нет, даже не так. Как самой себе. Она рассказывала мужу обо всем. Он предложил не иметь друг от друга никаких тайн. Она радостно согласилась. Он сообщил ей свой пароль от электронной почты. Она, естественно, выложила ему все свои пароли – и от делового, и от личного ящика. Наверное, Сана даже не догадывалась: Слава детально и внимательно каждый день прочитывал всю ее переписку. Ничего стоящего. Но он читал и читал. Вдумчиво и прилежно.

Они о многом болтали, обнявшись. Он слушал с неослабевающим интересом. Все ее рассказы о детстве, об их придумках, сказках. Убежище... Так, незаметно для себя самой, Сана все выболтала про отца, про его пагубное пристрастие в выпивке, про их детские страхи и беды.

Муж жалел, ласкал, сочувствовал.

Ей нравилось делиться с ним самым сокровенным. Он старался ее утешить как мог. И часто очередная ее печальная повесть заканчивалась поцелуями, нежными словами, прикосновениями, которые никогда не становились привычными, а, напротив, вели к вспышке чувств и жажде близости. Все плохое, прошедшее давным-давно, забывалось, стиралось из памяти, когда муж согревал Сану своим теплом.

Та, первая ссора, получилась так.

Славик вернулся с работы домой чуть раньше обычного, услышал смех и радостный голос жены. Она возбужденно читала какие-то стихи. Мухины знали невероятное количество стихов – он всегда поражался этому. И все читали, читали... Отыскивали что-то новое, делились друг с другом впечатлениями... Вдохновлялись.

Славик неслышно прошел и остановился у дверей гостиной.

На диване с ногами сидела старшенькая, Региночка, к ней привалился их любимый младшенький брательник Пик, творческая личность, если можно так выразиться. Парочка во все глаза смотрела на Сану, стоявшую

напротив них, как на сцене.

– Птич, Птича, прочти-ка последнее еще раз, – попросил Пик.

И Сана, прекрасная в своей радости и удовольствии от общения с любимыми родственниками (как же кольнуло его, что она так непривычно прекрасна – не с ним и не для него!), продекламировала:

Ведите меня с завязанными глазами...^[1]

Как же резануло Славиноу душу услышанное!

И это неисправимое «Птича», и стихи, которые его жена выкрикивала в неведомом ему прежде упоении. Ему показалось, что слова стиха целиком направлены против него.

Он не знал автора, да и не желал его знать. Главное, сейчас ощущалось: она явно чувствует себя несвободной, она хочет вырваться, разорвать путы, раз с таким упоением произносит ненавистные ему слова... Ишь ты!

Да кто бы ни был неведомый Пушкин, придумавший всю эту галиматью, а желание-то хорошенько запомнить и вслух произнести появилось не у кого-нибудь, а у Славиной жены!

И как это понимать?

Он с трудом заставил себя поздороваться с радостно приветствовавшими его «родственничками», чувствовавшими себя как дома в его квартире, пока его не было. Однако с появлением хозяина гости по-быстрому распрощались, давая понять, что видят его усталость и не хотят мешать.

– Я спектакль готовлю, – пояснил, прощаясь, «гениальный братик». – А Птича мне очень помогает.

Интересно – он тупой и специально зовет такой кликухой взрослую замужнюю женщину? Неужели не до всех дошло, что у его жены есть человеческое имя?

Впрочем, с родней жены он связываться не хотел. Наверное, инстинктивно ощущал, что за ними, если вступить в явное противодействие, стоит пока слишком большая сила.

Сана, радостная, довольная, что проведет вечер с мужем, быстро накрыла на стол, вынула из духовки его любимую утку с яблоками (когда только успела?) и уселась напротив – любоваться тем, как ему вкусно.

Он ел, понемногу приходил в себя, успокаивался. А она беззаботно рассказывала про новый замысел брата, про планы сестры, про то, какой отличный сюрприз, что он пришел пораньше, а они и не заметили, так

увлеклись...

– Не хотел вам мешать, стоял, тобой любовался, – сказал Славик.

И неожиданно для себя добавил:

– И на твоих, знаешь, посмотрел со стороны. Представь: они сидели с выражениями лиц детей алкоголиков. Все-таки надо же – как это в генах-то отпечатывается!

Любая откровенность наказуема.

Тогда, именно после этой фразы своего благоверного, Сана поняла, что это значит. До нее дошло, что вечные истины касаются всех. В том числе и ее, влюбленную в своего мужа и доверяющую ему во всем и всегда. Во всяком случае, прежде слепо доверявшую.

Она дернулась, как от удара. Это и был удар. Очень сильный удар по самому больному. Запрещенный прием.

Лицо ее пошло красными пятнами. И, как в детстве, стараясь защититься от страшного, побежала она к двери, чтобы уйти и опомниться на улице, среди чужих, которым на нее наплевать и которые не обидят.

Он даже не сразу сообразил, что она собирается делать.

Неужели уходит?

Вышел в коридор. Сердце его стучало в ушах так, что ничего больше слышать не получалось.

Она уже стояла за входной дверью, обувалась прямо на лестничной клетке, опершись рукой о притолоку.

Бешенство охватило его. Слепая ярость. Он подскочил и с силой хлопнул дверью. Прямо по пальцам жены.

Гнев так ослепил его, что он не сразу понял, почему она рухнула как подкошенная. А сообразив, испугался смертельно. Мгновенно пришел в себя. Опомнился.

Три пальца на руке Саны оказались сломанными его железным хлопком. Открытый перелом. Как прутики – кто бы мог подумать, что такое получится от одного его резкого необдуманного движения!

Слава немедленно вызвал «Скорую». Объяснил, что случайно, что не видел, как она держится за притолоку рукой, думал, ушла уже, хотел закрыть... И вот...

Сану привели в чувство. Болевой шок сказался странным образом. Она первый день после травмы не могла почему-то говорить. Просто молчала, и все тут.

Муж просил прощения со слезами на глазах. Искренне каялся.

Случайность. Нелепая случайность. Он должен был глянуть,

удостовериться... Он не подумал.

Сана кивала, давала понять глазами, что понимает его слова. Но молчала.

Он запаниковал. На волне паники позвонил ее сестрице, рассказал «всю правду», мол, не видел ее руки и так далее. Регина примчалась. Взялась ухаживать, ворковать:

– Птиченька, Птиченька... Что тебе принести? Хочешь, я пирожок испеку? Где болит?

Славику было все равно, как обращается эта чужая, неприятная ему женщина к его жене. Лишь бы все стало как раньше. Лишь бы Сана говорила, улыбалась, любила его. Он отлично понял, что переступил некую границу, которую нельзя нарушать даже самым близким и любящим. Он вспомнил свой гнев, и ему сделалось жутко. Правда, Ростислав сумел быстро объяснить себе, что его до этого довели Мухины своим пренебрежением к его правам мужа и хозяина дома.

Он думал, как вернуть все, и придумал.

Купил жене браслет от Картье, весь в бриллиантах. Что-то дорогущее, не выбирая, взял и для Регины. Чтоб Сана увидела и поняла: он раскаивается и хочет семейного мира. Ну, и цветы, цветы... И слова нежности, заботы...

Отошла.

Регина подарку крайне удивилась. Не хотела брать – зачем?

– Возьми, Рысенька, – попросила Сана.

И это были первые ее слова.

Какое счастье! Она заговорила!

– Возьми, пожалуйста, видишь, ее это радует, – искренне взмолился Славик.

Рыся потом скажет сестре, что именно с этого момента, с этого подарка и поняла, что ужасное происшествие со сломанными пальчиками случайным не было, что Ростислав таким образом покупает себе прощение. Ей был отвратителен этот дар, эта бездушная случайная никчемная вещица. И ее пугало возникшее подозрение...

Но ради Птичи пришлось смириться. И убедить себя, что все ей только кажется.

Однако случившееся имело свои положительные стороны. Мухинская родня к ним в дом больше с тех пор не заявлялась. Конечно, отношения между ними и Саной не прекратились, о таком он и не мечтал, но хотелось думать, что видятся они стали намного реже. Во всяком случае, Сана

никогда не рассказывала ему о сестре и братьях, о том, как дела у мамы в Швейцарии. И навещать семью матери летала без него. Просто сообщала: «Я взяла билет в Цюрих, вернусь тогда-то».

Правда, в остальном все было замечательно. Сана его любила. Он ей по-прежнему верил. Чувствовал, что любит.

Ревновать Ростислав все равно не перестал. Ревность – жестокая спутница. Если в кого вцепится своими когтями, отодрать не получается. Но, похоже, после того страшного случая ревность наелась боли и слез и на какое-то время уснула, довольная.

Славику казалось, что он совсем исцелился от подозрений, мучений, тревоги и беспричинного страха.

Бедные пальчики жены заживали долго.

Он ее жалел и берег.

Обеспечил ей личную машину с шофером – куда ей за руль с загипсованной рукой?

Повез свою девочку в Португалию, на океан. Заехали в Лиссабон, Лишбоа... Ходили по ресторанчикам, слушали местные романсы – фадо, плакали, обнявшись над песнями о любви, хоть слов не понимали...

Красные обрывистые берега океана, огромные цветущие кактусы, виноградное вино, почему-то называвшееся здесь зеленым, дарившее легкость и радость... Они принадлежали друг другу, все плохое унес океанский ветер.

Унес и развеял, и следа не оставил... Так хотелось думать.

Вернулись в Москву, ее ждал показ новой коллекции на Неделе моды, его – покупка очередного завода за бесценок с целью дальнейшей перепродажи за миллионы...

Ее коллекцию признали тогда лучшей. Сана выходила на поклон с загипсованной рукой, пряча ее за спиной. Поза эта показалась некоторым строгим ценителям проявлением надменности модельера. Любят у нас судить о чем не знают. Молодая и слишком уж успешная красотка, да еще с явно супер-мега крутым мужем... Вышла, поклонилась и убежала, даже рукой не взмахнув для приветствия. Кто ж за такое не ухватится!

Ну, потявкали и заткнулись. Все шло своим чередом. И вполне неплохо шло!

Потом Славик решил, что пора рожать. Нагулялись.

Он опасался, что ревность проснется, и спешил задобрить ее ненасытную пасть ожиданием наследника.

Пусть жена рождает хоть каждый год – все условия созданы. А коллекции разрабатывать можно и с пузом. И если будут дети, никуда она

от него не денется.

К тому же мама активно его поторапливала, внуков мечтала наконец-то понянчить.

Он прекратил предохраняться без предупреждения. Ему вполне достаточно было собственного решения. Тем более – что может им помешать? Когда женились, вместе планировали детей. И побольше...

Сана, полностью доверявшая мужу, даже не поняла сначала, что он намеренно, не спросив ее согласия, приступил к осуществлению своих планов по созданию полноценной семьи. Она поначалу жутко испугалась, решив, что средство защиты оказалось ненадежным, заметалась, собралась бежать в душ.

– Лежи, – силой удержал ее Славик. – Я тебе ребеночка сейчас сделал. Пора. Нагулялись.

Жена порывалась встать, но он был сильнее. Гораздо сильнее. Она лежала под ним и впервые за их совместную жизнь кричала, показывала свое возмущение:

– Какое ты имел право! Почему ты меня не спросил? Я тебе кто? Инкубатор? А ну пусти!

– Ты моя жена. И ты сама говорила, что хочешь детей. И я хочу. Я решил – пора. И ребенок будет! – наваливался на нее всей тяжестью муж, почему-то снова ощутивший приступ небывалого, яростного и беспощадного желания.

– Что ты делаешь, пусти! – рвалась Сана.

Но он не слушал ее криков. Вернее, слышал, но не вникал, о чем это она. Он хотел в тот момент женщину. И брал ее, свою собственную законную жену. И если только что ей было невероятно приятно и она растворялась в собственном блаженстве, почему это через пару минут должно стать нельзя, противно? Послушай, что говорит женщина, и сделай наоборот... Так любил повторять отец. Вот Славик и делал, не обращая никакого внимания на протесты, рыдания, всхлипы...

Долго в тот раз получилось. Правильно – второй же заход. И практически тут же после первого.

Славику было чем гордиться. Не охотничья байка, а настоящее реальное собственное достижение, причем без всяких специальных ухищрений. Ему очень понравилось, невероятно, так никогда еще не было. Он просто не думал, что под ним жена, женщина... Вообще об этом забыл. Он испытывал собственное небывалое наслаждение. Каждое движение приводило его в восторг. Он словно разбежался, продирался, преодолевал сопротивление и взлетал... Снова и снова...

– Не уйдешь... Не уйдешь, – стонал он, упиваясь своей полной и безраздельной властью и тем, что наконец-то понял, как ему надо, в чем соль и особое неизъяснимое удовольствие от всего того, что принято называть занятиями любовью.

Он понял, что ему нужно преодолевать сопротивление, подчинять, не идти на поводу, а делать именно по-своему, вопреки тому, что хочет та, что под ним. И ему даже нравится, что ей сейчас не хочется. Он доволен, что она отказывается – пусть. Все равно он сделает по-своему, так, как нужно ему.

И сделал.

Она вообще перестала подавать признаки жизни. Как кукла тряпичная. Ну и пусть. Зато ребенок получится наверняка.

– Ох, как же хорошо было! – выдохнул Слава, заботливо накинул на жену одеяло и обессиленный вконец своим подвигом провалился в сон.

Под утро проснулся – от Саны шел жар. Она горела. Не спала и не бодрствовала, находилась в неведомом ему прежде состоянии забытья. Он сунул ей градусник под мышку, вытащил чуть ли не сразу – сорок!!!

Вызвал «Скорую». Врач послушал: в легких чисто. Решил, что вирус какой-то. Сейчас какие только вирусы в людей не вцепляются. Сделали укол жаропонижающего. Дождались, пока температура и упала до тридцати восьми.

– Как вам? Полегче? – участливо спросил доктор.

– Спасибо, да, – шепнула больная.

Слеза катилась из ее глаза. От горячки? От плохого самочувствия?

– Вы понервничали вчера?

– Да. У меня бывает. Вдруг...

Славик не знал, что у нее так бывает. За все время, что они вместе, температура у жены поднималась лишь однажды, когда все вокруг грипповали. И не страшная, как сегодня, а вполне нормальная для недомогающего человека – тридцать семь и восемь.

Доктор велел сдать анализы, проверить почки. Да, конечно...

Все сделали и ничего не нашли. Никаких отклонений и воспалений. А температура держалась больше недели.

Так сгорало в Сане ее страдание. Ужас выходил вместе с жаром, потом, горячечным бредом.

Больше Ростислав себе подобных удовольствий не разрешал. И, кстати, старания той ночи прошли впустую: никакого ребенка не получилось, как не получалось потом годами.

Так они и жили.

Он ее любил.

Точно любил.

Наверняка.

Временами происходили всплески: сказывался отцовский характер. Требовал, чтобы все шло по его велению. Славе казалось, что жена это понимает и принимает. В остальном-то все у них просто великолепно. Другим на зависть. С детьми вот слишком надолго затянулось. Но врачи убеждали, что все в порядке, что все будет.

Вопрос времени, понимаешь...

Он любил размеренный распорядок, четкие правила жизни.

И прекрасно она усвоила эти правила: быть дома, когда он возвращается из поездок. Поменьше общаться с родными. Гнать куда подальше всех этих ее приبلудных красавиц-моделей, вечно набивавшихся в подруги...

Но сегодня он вернулся, а ее нет.

Правда, вернулся он раньше обещанного. Ростислав частенько называл Сане дату возвращения на день-два позже. Просто для проверки, чтоб лишний раз убедиться в ее верности и любви к порядку.

Перед отъездом у них вышла размолвка. Какая-то дрянь ей позвонила. Что-то там наплела про срочную необходимость. А он велел остаться и проводить его. Она все равно собралась бежать, спасти свою подругу-лохушку. И он пообещал этого так не оставить...

В общем, вспылил... И потом несколько дней не звонил, чтоб знала. Чтоб понимала: его слово – закон.

Он нередко воспитывал жену молчанием. Чтоб ощущала она дискомфорт как последствие своих же действий.

Она обычно в таких случаях сама заговаривала. А он решал, хватит ли ему выдерживать характер или можно простить.

В этот раз он, как обычно, ждал звонка от нее и не дождался. Набрал ее сам.

«Вне зоны доступа»...

И так – несколько дней подряд. Рехнуться можно. И никто не знает, где она.

В офисе: «У нее же отпуск».

Родственничкам ее драгоценным он звонить не стал принципиально.

И вот теперь – один в их семейном гнезде.

Ну, где ее искать?

С чего начать?

Сто штук блинов

Сана открыла глаза.

Выспалась!

Вот чудо-то! Она по-настоящему полноценно выспалась.

Викуся все еще спала рядом в позе «руки вверх» и во сне шевелила пальчиками. Чуть-чуть. Надо ей ногти подстричь, вот что. А то каких-то ниток набрала...

«Вечером, как искупаю, подстригу», – пообещала себе Сана.

Она осторожненько встала, чтоб не нарушить сон младенца, потянулась, глянула в окно. Сколько же они спали? Который час?

Одиннадцать! Вот это да! Викуся сжалилась и дала отдохнуть сверх меры.

Надо скорее ей еду приготовить. Проснется, а бутылочка тепленькая уже здесь. И требовать не придется.

Сана обложила спящую кроху подушками – хорошо, что та еще не умеет переворачиваться на пузо. Можно особо не тревожиться.

Расслабленно, не торопясь отправилась в ванную, глянула на себя в зеркало и впервые за долгое время понравилась самой себе. Несмотря на заспанный вид, на растрепавшуюся во время сна косу... Она увидела себя прежнюю, далекую девочку из прошлого, полную надежд, ожиданий, неясных предчувствий. И девочка улыбалась ей сквозь паутинку времени, словно уверенно обещала что-то, нежно подбадривала...

Сана улыбнулась себе, решительно встала под холодный душ, хорошенько растерлась, причесалась, заплела косу потуже, закрепив ее черной аптечной резинкой, как обычно делала в школьные годы.

Как хорошо!

И сейчас хорошо, и будет просто замечательно. Спящая красавица проснулась!

Так полушутливо подумала она о себе. И касалось это не недавнего пробуждения, а всей ее прежней жизни.

Не больше и не меньше.

Она достала из бабушкиного шкафа свой сарафанчик времен выпускного класса (он оказался даже ощутимо великоват), повертелась перед зеркалом. Предчувствие счастья усилилось. Время сегодня повернулось вспять. Говорят, так не бывает? Врут, похоже.

Вот стоит перед зеркалом счастливая девочка, которую родные

называют Птича, решительно и радостно настроенная. Ей остается всего шаг. Переступишь порог – и окажешься в новой жизни. В семнадцать лет этого ждешь с нетерпением. Она давно забыла это ощущение. Или запретила самой себе чувствовать что-то подобное? И вот все вернулось.

Да будет так!

Птича быстро перемыла всю оставшуюся с вечера посуду в раковине, нагрела воду, размешала еду для Викуси. Та все еще спит, умница такая! Можно и себе что-то сварганить. Надо хоть чуть-чуть весу набрать. Хоть килограмма три, что ли. А то уж совсем неприлично. Одни кости остались. Как кто-то сказал ей недавно, «без слез не взглянешь».

Она нашла в шкафу пакет с блинной мукой. Вот! То, что нужно для вполне счастливого позднего утра, неумолимо переползающего в добрый день...

Блины пеклись исправно, они всегда у нее выходили на славу. Станным казалось готовить завтрак только для себя. Это ни у кого из Мухиных никогда не получалось: привыкли к большому семейству.

Вскоре на тарелке громоздилась целая гора блинов, как на Масленицу. И кому все это? Тут и пятерым много покажется. Хоть бы пришел кто-то!

В юности Птича не раз замечала: стоит чего-то сильно захотеть, и оно происходит. Как по заказу.

И сейчас – как давным-давно – она глянула в окно, выходящее на калитку, и сразу поняла: желание ее исполнилось, гости будут. Вернее, один гость. Но какой! Прожорливый! Точнее, никогда не страдавший отсутствием аппетита. И даже если он уже сытно позавтракал (что наверняка), десяток блинов она ему скормит запросто.

У калитки нерешительно стоял друг их счастливого дачного детства Генка, одетый, как и полагалось потомственному дачнику, в нечто вопиюще несусветное. Его так и хотелось запечатлеть навечно во всей первозданной красе: торчащие в разные стороны волосы, щетина, майка неопределенного цвета (от рождения наверняка белая, но когда это было...). Далее: то ли семейные трусы, то ли шорты. Лучше думать, что шорты, иначе совсем ах. И – валенки с галошами. Ноги тощие торчат из зимней обуви, как палки. Хотя... Птича вспомнила давнюю шутку про зимние и летние валенки. Может, у Генки это как раз летние валенки, а она тут...

– Напишу его портрет. Вот прямо сегодня начну, – велела себе художница. – Главное, чтоб он не сопротивлялся... Попозировал хоть часок... Ну, если нет, я и так... По памяти. Надо приглядеться. В лицо всмотреться, не виделась все же давно...

– Мухина! Ты тут, Мухина? – раздался сиплый крик со стороны

калитки.

Сана испугалась, что Геныч своими воплями разбудит мирно спящее дитя, и, распахнув окно кухни, велела:

– Заходи давай! Тут я.

Генка лениво, шаркая своими бредовыми галошами, поплелся к крылечку.

Она вышла ему навстречу.

– Ну ты и смотришься! – испуганно-восхищенно произнесла хозяйка.

– Ох, Мухина, не сыпь мне соль на раны... Бухал я вчера... Отдыхаю, как могу, понимаешь... Прими как есть...

Друг детства без зазрения совести обнял Птичу, притянул к себе.

Она отстранилась и почему-то засмеялась.

– Ты, Геныч, перед романтическим свиданием хоть бы... помылся, что ли...

– Не нравлюсь? По-моему, вполне... Для дачи... Посконно-сермяжно... Как символ вечной отечественной мужественности. Не нравлюсь, значит...

– Нравишься, – честно ответила Мухина...

Конечно, нравится. И сейчас. Даже вот такой жутко похмельный и немый. И прежде нравился. И будет нравиться. Всю оставшуюся жизнь. Детство ведь не исчезает. Живет в каждом человеке и определяет весь его дальнейший путь.

В их дачном поселке давным-давно соорудили общую детскую площадку на небольшом пятачке поблизости от поселкового магазинчика, куда, так или иначе, сходились все дачники, кто за спичками, кто за солью, кто за крупой или рыбными консервами. Иногда вдруг привозили деревенский творог и молоко. Бывало, даже выкладывали самое заветное: голубовато-розовую вареную колбасу, которую покупали, оправдываясь друг перед другом тем, что на свежем воздухе жутко разыгрывается аппетит.

Время от времени в прессе появлялись страшные разоблачительные статьи, с упоением повествующие о том, из чего на самом деле производят колбасу «Докторскую».

Варианты, очевидно, варьировались в зависимости от степени буйности фантазии автора и его же настроения в момент написания газетного материала.

Доброе состояние авторского духа – и ничего, в колбасу добавлялась всего лишь туалетная бумага. Новая, чистая, неиспользованная, кстати. Ну,

просто для веса и объема подмешивали в колбасный фарш именно ее почему-то.

Вообще-то, бумага для санитарно-гигиенических нужд населения считалась продуктом дефицитным. Когда ее «выбрасывали» на продажу, образовывались могучие очереди. Покупали столько, сколько отпускали «в одни руки». Нанизывали драгоценную добычу на веревку, надевали эти «бусы» на шею и гордо шли по домам, нисколько не стесняясь своего шизофренически-дикого имиджа, а напротив, торжествуя указывая возбужденным встречным, где именно приобретена драгоценная покупка. Никакого классового расслоения не наблюдалось. Так поступали все: от интеллигентов до рабочих и крестьян.

Вот он, наглядный пример того, как можно – легко и просто – добиться полного равенства людей. И не только равенства, но и братства.

И при таком отсутствии присутствия на прилавках туалетной бумаги доверчивым читателям советских газет становилось ясно, куда она, собственно, девается. На их же, так сказать, нужды. Только более насущные. На корм народу!

С этим еще можно было как-то смириться. Хуже, если журналиста-разоблачителя мучило что-то экзистенциально-безысходное. Тогда колбасы, по его утверждению, делались из крыс.

Ну, не целиком из крыс...

Но частично – да.

Ужас.

Все ужасались, плевались, возмущались, верили написанному, но все же сметали с дачного прилавка этот сомнительный пищевой продукт...

Голод не тетка...

Так вот чтобы дети не скучали в то время, пока взрослые с невероятной пользой проводили время в очереди, обмениваясь достоверными новостями, и была сооружена площадка для совместных ребяческих игр. Меж старых лип, украшавших некогда княжеское имение, на руинах которого и возник дачный поселок, установили песочницу, завезли речной желтовато-белый песок, поставили вокруг лавки для бабок и нянек – готово дело!

Площадка с момента создания стала заветным местом. Сейчас бы сказали – культовым. Каждый день сюда стекались приодетые не по-дачному молодые мамы с грудничками, искушавшиеся на своих дачных участках. Сходилась ребятня постарше, не сговариваясь заранее, и играли самозабвенно, во что придется. А вечерами, как и полагалось, скамейки занимали ребята с гитарами и их поклонницы. Мухины не скучали у себя,

но и они стремились к людям. Так и склотилось их дачное сообщество.

Генка и тогда отличался особым своеобразием. Ходил в очках, дужки которых обматывал шоколадной фольгой. Зачем? Не пояснял. Но в глаза бросалось, выделялся с первого взгляда.

Тощий, в допотопных сандалиях (чуть ли не времен дедова детства, чудом сохранившихся во всех бурях и враждебных вихрях, веявших то и дело над страной). Генка вечно таскал с собой книжку. Приходил на площадку, усаживался не на лавочку, а на землю, под вековым деревом, открывал книгу и погружался в свою нирвану. При этом, как оказалось, за играми он следил и иногда, словно повинуюсь какому-то непонятному окружающим импульсу, подключался к ходу игрового сюжета.

Персоной он был заметной и уважаемой, потому и не гнали его, а, напротив, охотно принимали.

Уважали Генку и за деда-академика, сделавшего множество открытий в области быстрого и надежного уничтожения одним махом нескольких сотен тысяч людей какой-нибудь вражеской державы.

Как позже выяснилось, дед получил от родины много наград: и Сталинские премии, перешедшие позже в Государственные, и отсидку в шарашке, где трудился, будучи наказанным неизвестно за что, вместе со столь известными персонами, что даже имена их во времена Птичиного детства произносилось с придыханием... Впрочем, похоже, Генкиному деду было все равно, где находиться. Ну – почти. Лишь бы имелась возможность что-то изобретать и воплощать задуманное.

Генка на деда походил как две капли воды: маленькая капля все равно будет точь-в-точь как капля побольше, и по форме, и по составу, и по внешнему виду, и по способностям... В том, что способности у Генки не меньше дедовых, никто не сомневался.

Он такой. Яркая индивидуальность. Сам по себе. Смелый, бесстрашный, упрямый, способный во всем.

В школу пошел сразу в третий класс. И закончил ее через пять лет просто потому, что раньше было бы как-то неудобно.

Потом университет...

О вундеркинде писали газеты, показывали чудо-ребенка по телику.

Когда Рыся с Птичей поступали в свои институты, Генка уже защищал диплом и поступал в аспирантуру. Не напрягаясь. Легко и буднично.

Впрочем, главные Птичины воспоминания о дачном летнем счастье оказались связаны совсем не с Генкой. Вернее, не совсем с Генкой. А с Рыцарем.

Однажды, ей было лет восемь тогда, все они собрались, как водилось, на площадке. Каждый играл в свое. Стояла июльская жара, бегать со всеми Птиче не хотелось, она сидела на бортике песочницы и вяло пересыпала сухой мягкий песок из одной ладони в другую, сосредоточенно глядя, как он струится... Словно вода, течет...

– Пойдем! – услышала она приказ.

Подняла глаза – над ней стоял Генка. В лице его что-то изменилось, не сразу сделалось понятно что.

– Пойдем играть в Рыцаря и Прекрасную Даму, – предложил Генка и протянул ей руку. – Вставай. Ты – Дама, я – Рыцарь.

Птича поняла, что в нем было не так: он снял очки. Но смотрел открыто, прямо, не щурясь беспомощно, как обычно делали очкарики, если оказывались без своих вспомогательных стеклышек.

– Пойдем, – согласилась она. – Только я не знаю, как это.

– Все просто. Я – Рыцарь. Я буду тебя от всего спасать. А ты должна бояться, падать в обморок, стонать и все такое. А я – твой защитник.

– Ладно.

Генка отошел с Птичей к дереву, на корнях которого лежала очередная книга с аккуратно сложенными диковинными очками.

– Я начинаю, – предупредил мальчик. – Смотри! Я – Рыцарь!

Он вдруг изменился, превратившись из себя в совсем другого.

Птича увидела Рыцаря. Голова Рыцаря была гордо откинута назад, глаза сверкали бесстрашием и волей к победе над любым противником, какой ни встретится на его славном, но тернистом пути.

– Я пришел спасти тебя от врагов, о Прекрасная Дама! – провозгласил Рыцарь, вставая перед Птичей на одно колено.

– О, Рыцарь! Благодарю тебя, ты подросел вовремя, враги чуть было не ворвались в мои покои, я так боялась оказаться их пленницей, – простонала Прекрасная Дама, трепеща и бледнея.

– Эти негодяи все еще тут! – вскричал возмущенный Рыцарь, прикрывая своим мужественным торсом взволнованную Прекрасную Даму, всем своим видом показывавшую, что именно сейчас она близка к обмороку как никогда. – Но я не дам им уйти! Я накажу их по заслугам!

– Вон, негодяи!!! – устрашающе вскричал Рыцарь, бросаясь в кусты дикой малины.

– Ах, – простонала Прекрасная Дама, исполненная чувством благодарности к своему отважному защитнику...

У них с первого раза отлично все вышло. Рыцарь отбивал свою

подзащитную от врагов. Она же старательно неоднократно падала в обморок, пока не ободрала коленку, ударившись в падении о незамеченный корень старого дуба, вылезший из-под земли, на ее беду.

– Ой! – воскликнула Прекрасная Дама, мгновенно превращаясь в Птичу Мухину.

– Сильно ударилась? – сочувственно спросил Генка, надевая очки, чтобы рассмотреть полученную в результате их увлеченного действия травму.

– До свадьбы заживет, – ответила Птича, крепясь изо всех сил, чтобы не заплакать.

Про свадьбу и исчезновение ран, ушибов и синяков к этому важному событию в жизни каждого взрослого человека всегда говорили старшие, желая утешить.

Хотя – что тут утешительного? Больно-то сейчас. А свадьба – когда еще будет, если будет.

Однако и Генке было что залечивать к свадьбе. Чтоб хорошенько зажило. Он так исцарапался в малиновых зарослях, что пугал своим видом честной народ. Живого места не было.

Шли они домой на перевязку и обработку ран мимо очереди, люди дивились странным детям: девочке Мухиных с изгвазданным вконец платьем (сказались обмороки Прекрасной Дамы) и разбитыми вдрызг коленками, а также расцарапанному от пят до макушки буквально до неузнаваемости внучонку Академика (так все лаконично величали Генкиного деда).

Ох, хорошо тогда жил народ, непугано!

Не было на них ювенальной юстиции!

Сейчас бы и Рыцаря, и Прекрасную Даму быстро приняли под их белые исцарапанные руки (все в синяках, отметим), отвели бы к психологу. Дети, конечно же, удивили бы специалиста своими «неадекватными» рисуночками, насторожили бы некоторыми фразами, и, глядишь, спасли бы ребят от их варварских семей!

Отвезли бы в детприемник, а потом и в детдом. Чтоб жили счастливо и довольно, ни в чем не нуждаясь, подальше от родственников.

Родителей бы суд скоренько лишил родительских прав. За изуверство.

И не играть бы Птиче с Генычем больше в свои странные настораживающие игры про припадочных Дам и их ненормальных защитников.

Но, к счастью, у народа в целом в головах тогда еще имелся кой-какой

порядок, кое-какая память о собственном босоногом детстве теплилась в мозгах озабоченных мелочами быта граждан, и детские синяки, царапины и ссадины, полученные во время игр на свежем воздухе, особо никого не волновали и не возбуждали.

В общем, играли дети кто во что горазд.

Мухину и Геныча угораздило погрязнуть в своих фантастических рыцарских играх на долгие годы. Постепенно игра видоизменялась, как то диктовала сама жизнь: Прекрасная Дама перестала хлопаться в обмороки – ей надоело. У Рыцаря появился меч, щит и накидка. В борьбу с недругами они включались вместе, пускались на серьезные авантюры, уходя далеко в лес в поисках особо злобных противников, умело превращавшихся в ходе преследования в мухоморы и поганки. И тут требовалось изрубить оборотней своими мечами в пыль. Чтоб они снова не превратились во врагов, состоящих на службе у вселенского зла...

Однажды – Птиче было уже лет одиннадцать – ей приснился Рыцарь. Она не понимала, кто она: просто Мухина (как чаще всего вне их игры несколько небрежно называл ее Генка) или Прекрасная Дама. Рыцарь вел себя нежно и почтительно, из чего можно было догадаться, что она все-таки Дама, находящаяся под опекой благородного и надежного защитника.

Рыцарь, как ему полагалось по статусу, и во сне встал перед Птичей на одно колено, взял ее за руку и поцеловал в ладонь. Нежно-нежно. Потом поднял на нее глаза и пристально посмотрел, не выпуская ее руку из своей.

И тут Птича проснулась.

Сердце ее жутко стучало в ночной тишине.

Она не сразу поняла, что все это: нежность, поцелуй в ладонь, пристальный взгляд – произошло во сне, таким настоящим казался и Рыцарь, и его глаза, и прикосновение его губ, пронзившее ее так, что дыхание перехватило.

Птича поняла, что влюбилась в Рыцаря.

Не в Генку – нет.

Точно – в Рыцаря!

Но Рыцарь-то был ненастоящий! Он вообще не существовал. Он являлся придумкой, их общим вымыслом. И она влюбилась в вымысел! Даже не в тень – ту можно хотя бы увидеть, а в то, чего нет и быть не может.

Вот как бывает!

Влюбилась ни во что!

Чувство небывалой силы захлестнуло Птичу. Ей хотелось, чтоб Генка,

как обычно, зашел к ним, вызвал ее играть, они убежали бы в лес, он снял бы свои смешные очки, обратился Рыцарем и поцеловал ее ладонь. Интересно, она испытает то же, что и сейчас?

Но именно когда особо мучительно ждешь чего-то, оно не происходит. Генка тогда заболел, родители увезли его в город долечиваться.

Так до конца лета Рыцарь и не увиделся со своей Прекрасной Дамой. И тот сон ее постепенно забылся, сгладился. Сердце при воспоминании о нем уже не щемило, оно билось спокойно, равнодушно.

«И хорошо, – думала Птича. – Так лучше».

Что со всем этим делать, если все наяву окажется как во сне, она не знала. Потому и радовалась покою и продолжающейся простоте своей обычной жизни.

Следующим летом они уже не играли в ту игру. Общались как нормальные люди. Живя в Москве, бывало, созванивались. Особенно если у кого-то из Мухиных возникали трудности с домашним заданием по матике или физике. Генка, не задумываясь, четко выдавал ход решения. Гений, что говорить!

И вот сейчас совсем уже взрослый гений в трусах и валенках притащился к мухинской даче, даже не скрывая, что с перебуха.

– Мухина, хорошо, что ты здесь. Ты одна? – глянул через Птичино плечо в глубь дома визитер.

– А что? – засмеявшись, заинтересовалась подруга детства. – Ты пришел тайну мне рассказать?

– Ну да, – подтвердил Геныч. – Тайну. Страшную тайну. Быстро ты догадалась. Всегда смышленной была.

– Можешь выкладывать. Никто не услышит. А я не выдам.

– Мухина. Я в тебе не сомневаюсь. Пусти меня помыться. Мы вчера с дедом... Ну, ты видишь... Мне надо ванну принять... Выпить чашечку кофе...

– Конечно, принимай. И кофе подам. Еще у меня куча блинов, только испекла, проходи, – радушно приветила визитера хозяйка. – Единственно что – объясни мне, дуре нелепой, а почему ты у себя ванну не принимаешь?

– А, – махнул безнадежно рукой заросший щетиной мужик в дикой майке, которого никто, ни под каким видом не принял бы за крупного и почитаемого ученого, доктора наук и прочее, прочее, прочее... – У нас сегодня, Мухина, с утра пораньше электричество отключили. За неуплату. Ну, и котел теперь не греет. А холодную ванну я принимать не хочу. Поняла?

Она, конечно, поняла.

Генка выступал в своем репертуаре. Окопались на даче два редкостных светоча науки, один академик, другой вот-вот им станет. И этим дивным светочам за неуплату вырубает электроток!

Ей захотелось немного повоспитывать непрактичного друга, попенять ему на недопустимость, так сказать... Предостеречь на будущее... Не из занудства. Просто весь Генкин вид вызывал желание немедленно взяться за перевоспитание. И каждая на ее месте, как говорится, взялась бы, решительно засучив рукава...

– А чего ж ты не уплатил? Денег нет? – начала она воспитательный процесс, ведя Генку к ванной, оборудованной еще в незапамятные времена их, мухинским, дедом.

– Я забыл. Понимаешь, женщина? Я чем-то другим бываю занят. И вот забыл. Я раздолбай. И чего теперь? Мне немывтым ходить? Ты вот со мной даже обниматься не захотела, – пожаловался гость.

– И что же будет? Когда теперь снова включат?

– Нынче, когда включат, говорить не велено. Выходит, я тварь дрожащая и прав никаких не имею. Вот, говорят, заплати, а мы потом подумаем.

– Ох, ёлки, – сочувственно вздохнула Птича, переставая стремиться к перевоспитанию бедного забывчивого дачника. – И что теперь? Дедушка ведь тоже холодную ванну принимать не будет?

– Дед, кстати говоря, каждое утро обливается колодезной водой. А сейчас работает над тем, как обойтись без их гадского электричества. Вопрос пары дней.

– А так можно? – наивно восхитилась Птича.

– Все можно, Мухина, когда судьба велит, – подтвердил Геннадий, с вожделием глядя на наполняющуюся теплой водой просторную ванну.

– Ладно, мойся. Вот тут все шампуни, гели, мыло – выбирай. На вот еще тебе полотенце. Я б на твоём месте майку сменила, дать тебе футболку чистую? У нас много, все оставляют...

– Все дать... И блины твои дать, и футболку... Ну, иди давай. Я полез...

Пока гость принимал свою утреннюю ванну, Сана заглянула к Викусе. Та не спала. Лежала, улыбалась, рассматривала свои пальчики. Образцовый, сказочный ребенок!

Сана сменила детке памперс, взяла на руки, сунула ей бутылочку с приготовленной заранее молочной смесью. Викуся старательно зачмокала,

засопела, схватившись ручками за бутылочку. Через пару минут сопение перешло в ровное дыхание крепко спящего младенца.

Примерный ребенок наелся и заснул! Такой у нее сегодня день редкостно удачный.

Сана старалась не думать о том, что будет ночью, когда наспавшаяся за день крошечная девица захочет внимания набегавшейся за день взрослой. Нет, о страшном лучше не думать... Спит сейчас, и пусть спит. Можно будет спокойно покормить чистого Генку, поболтать о том о сем. С ним всегда почему-то весело и спокойно.

Ну, весело – понятно... Одного взгляда достаточно... И спокойно – понятно... Он умный. И добрый. Вот почему...

Она плотно прикрыла дверь спальни, на кухне приготовила все для Генкиного угощения и принялась ждать, когда тот выйдет, отмытый и свежий.

Пора решаться!

Сана собирается кормить дорогого гостя, стараясь не думать о своих тревогах, и не подозревает, что в ее родном городе совершенно чужой, незнакомый человек думает почему-то о ней.

Напряженно думает, понимая, что пора решаться.

Кто его побуждает? Что заставляет?

Цепочка событий... Стечение обстоятельств...

Эх, как же эти обстоятельства иной раз стекаются! Кто бы мог подумать!

...Да, кто бы мог подумать!

Женька жил с папой-мамой в своей кирпичной восьмиэтажке и гордился своим городом, своей улицей, видом из окна своей комнаты. Комната, узкая десятиметровка, ничего собой не представляла: стол, раскладной диван, шкаф, куча игрушек на полу, беспорядок, за который вечно укоряла мама. Зато из окна был виден храм с золотыми куполами. Как бы ни бывало ему грустно, глянув на купола, кресты, колокольню, Женя всегда успокаивался и даже радовался. Он любил сидеть на подоконнике и смотреть, как по утрам люди стекаются к храму. Останавливаются у ступенек, крестятся, кланяются, заходят... Колокола звонили по воскресным дням.

Правильная жизнь шла.

Родители сами в храм не ходили. И, бывало, даже злились на колокольный звон, на всю эту кажущуюся незыблемой вечную красоту. Но Женька, глядя на верующих у храма, сам научился креститься. Прихожане крестились, и он на своем подоконнике вместе с ними.

Странно, но долгие годы своего детства он, любуясь своим храмом, и не помышлял о том, что можно запросто спуститься со своего восьмого этажа, пройти через двор и приблизиться к церковной ограде, поклониться крестам, подняться по мраморным ступенькам, войти... Это как-то не приходило в голову. Ему хватало картины из окна. Он по натуре был созерцателем. Мог смотреть, придумывать про людей во дворе храма – кто и почему туда идет, о чем молится, верит ли на самом деле или не верит... Просто так идет, за компанию.

Что удивляло и восхищало Женьку с малолетства: храм каждый день выглядел по-другому.

В дождь он казался плывущим по океану огромным кораблем.

Непотопляемым! Могучим!

В снег храм был сказочным прибежищем одинокого путника в горах. Так представлялось.

Весной, когда вокруг все выглядело голым и грязным, храм сулил надежду на скорое солнышко, а летом, в солнечные дни сиял всеми своими куполами, становящимися подобиями небесного светила...

В четырнадцать лет Женька велел родителям купить ему на день рождения фотик.

Мать обрадовалась такой просьбе. Учился парень ниже среднего, ленился. И вот впервые проявил к чему-то интерес. Перспективы его будущей взрослой жизни сразу предстали перед любящим внутренним взором матери во всей великолепной красе. Увлечется фотографированием. Станет известным фотохудожником. Клиенты потянутся, деньги...

Она купила. Сама, не посоветовавшись. Как обычно все делала. Наскоком, нахрапом. Вроде симпатичный аппаратик, хорошенький с виду.

И недорогой!

Естественно, полное г.! Мягко выражаясь.

Это даже отец сказал, перед тем как вручать сыну подарок: «Что ж ты вечно лезешь, куда не просят... Хоть бы с продавцом посоветовалась».

Мать отмахнулась, подарила «мыльницу», произнеся при этом речь про грядущие перспективы.

Женька разочарование быстро подавил. Это только начало! Зато и на «мыльницу» можно было снимать его любимый вид из окна. Прилаживаться, выискивать самую правильную точку...

Дело пошло.

И материнские надежды оказались не пустыми мечтаниями. Фотограф из него вполне получался. Понял это и отец. На следующий день рождения сына он уже сам, не считаясь с расходами, купил ему вполне серьезную камеру.

Смысл жизни вырисовывался с небывалой четкостью.

А потом... Потом эти гады, эти тупые, ничего не понимающие алчные твари, хлынувшие в его город, как вонючие шакалы, за легкой добычей, лишили Женьку его долгого светлого счастья.

Он провел все лето у бабки на даче, вернулся к самой школе и не поверил своим глазам. Между их домом и храмом за каких-то три месяца воздвигли жилое чудовище, из тех, что гордо называли «элитное жилье». Окна во всю стену, балконы круговые, все фальшивое, бездушное, нечеловеческое, как сами строители.

Теперь из его окна был виден только этот достраивающийся кабздец.

Храм исчез как мираж.

Женька, конечно, понимал, что храм никуда не девался. Стоит, как и стоял. И можно к нему ходить, хоть по сто раз на дню. Да только это было совсем не то. Теперь уже не бросишь взгляд, когда сидишь и решаешь ненавистную алгебру, на купола и кресты, не утетишься покоем и надежностью вида.

В жизни нет ничего надежного.

И то, что любишь всем сердцем, как в издевку над тобой, у тебя стремятся отнять.

Топчут твою любовь, даже не подозревая о твоём существовании, топчут, потому что хотят получить свои гнилые деньги или какие-то еще поганые блага. Думают только о себе.

Но если все начнут друг друга не щадить, в первую очередь станет хуже тем самым поганцам. Только они до поры до времени этого не понимают. А потом становится поздно...

Женька негодовал, метался, задыхался в сумраке своей комнаты, лишенной света из-за новорожденного исчадия ада, который так стараются отстроить люди на земле.

Время не вылечило его рану. Боль, правда, притупилась. Впрочем, у каждого минуса есть свой плюс. Он стал ходить в храм – ничего не поделаешь, это единственное, что спасало от отчаяния. Ходил, фотографировал виды с земли, а не со своей прежней высоты. В комнате теперь старался бывать как можно реже.

Так и получалось. До поры до времени.

Однажды Женя перед сном по въевшейся нервической привычке глянул в окно... и обмлел. Он увидел домину, светящуюся разными огнями. За стеклами каждой квартиры шла своя, обособленная от других жизнь, казавшаяся прекрасной, загадочной, захватывающей. Далеко не все задергивали шторы, без стыда демонстрируя любым зевакам подробности собственной шикарной жизни.

Евгений всматривался в существование ненавистных чужаков, лишивших его привычного счастья. Постепенно привыкал. Кое-что его даже веселило, как кино без слов. В одном из окон увидел, как самозабвенно гоняет на трехколесном велике малыш лет трех. Один, что ли, в квартире? И не надоест ему! Вечный двигатель! Парень так и нарезал круги в почти пустой огромной комнате, похожей на зал музея: по стенам картины, диван в углу – ничего больше.

Женька, сам того от себя не ожидая, схватил камеру и сфоткал мальчишку. Маленького еще человека на фоне большого пространства.

Такого счастливого, бесстрашного, беззаботного.

Ему показалось, что он вновь обрел почву под ногами. Жизнь продолжалась.

Новый дом давал огромные возможности для наблюдателя.

По утрам на балконы выходили покурить не вполне проснувшиеся богатеи, ничем не отличавшиеся в моменты восхода от обычного люда: заспанные, неумытые, некоторые с бодуна, выглядели вполне по-человечески, даже жалко порой их становилось. Вот, мол, стоят они, почесываются, затираются, приходят в себя для рабочего дня. И почему-то даже не подозревают, что кто-то может за ними наблюдать, а кто-то и сфоткать способен.

Мысль о том, чтобы нафотографировать и предложить некоторые особо удачные снимочки желтой прессе, мелькала у Женьки не раз. Но... откладывал на потом. Если уж припрет в финансовом отношении.

Пока дела его шли неплохо. После школы решил он учиться на кинооператора, удалось поступить на бюджетный, будущее обещали лучезарное. Женя хорошо умел представлять и видеть... Камера становилась частью его... Талант! К тому же работа нашлась по душе: его мастерство фотографа заметили, пригласили в глянцевого журнал. Мечты сбывались одна за другой.

А дом, заслонивший храм... Всякое в нем происходило.

Поздними вечерами Женька устраивался со всей своей аппаратурой и глазел, и представлял, что именно происходит там... Романы можно было сочинять.

И вот однажды он увидел ее...

Тоже утром. На балконе.

Она не курила. Просто стояла себе в шелковой дымчато-серой пижаме и расплетала косу. Медленно-медленно. Не проснулась еще окончательно. Думала о чем-то, не замечая ничего вокруг.

Он ее сразу узнал. Сабина Мухина собственной персоной. И персона эта понравилась ему в своем человеческом, не гламурном, обличье так, что дыхание перехватило.

На своих показах она казалась закованной в броню: не прошибешь, не вызовешь никакого чувства у этой ухоженной и словно закованной в броню изобретательницы фасонов дамского счастья.

Женька знал, что она благополучно замужем, что вызывает всеобщий интерес своим творчеством и красотой. Но все никак не мог понять, глядя порой на ее фото: что в ней такого интересного. Кукла заводная – и только.

А в то утро – увидел. Абсолютно живая, никакая не кукла.

Беззащитная, нежная и... одинокая, что ли. Хотя там у нее и муж крутой, и поклонники наверняка, и деньги, конечно...

Грусть и одиночество – вот, что он увидел.

Она наконец расплела косу, встряхнула волосами, потянулась.

Печаль исчезла из ее облика, словно стертая лучами утреннего солнца. Она ловко сделала несколько приседаний, согнулась, разогнулась... Все! Теперь она казалась готовой к прыжку, как пантера.

Вот это девушка!

Он умел любоваться красотой на расстоянии. Он и не мечтал о встрече, личном знакомстве. Вполне достаточно просто смотреть.

Женька и смотрел. Из темноты своей комнаты в ярко освещенные окна дома напротив.

Через некоторое время он знал всех, кто к ней приходит, знал ее привычки и пристрастия. Она расцветала, когда принимала у себя сестру и братьев. То, что они родня, понятно делалось с первого взгляда, уж очень похожи. И то, что привязаны друг к другу сильно, тоже сомнений не вызывало. Только с ними Сабина и была веселой, легкой, смеющейся. Она танцевала, кружилась под музыку, которая не могла быть слышна на таком расстоянии, но даже издали казалась прекрасной.

В Интернете нетрудно оказалось найти все про всю ее родню, и скоро он даже мысленно называл их по именам.

Знал он и имя мужа. Ростислав. Не нравилось оно ему почему-то, это имя, как и сам муж. Это именно при муже становилась Сабина закрытой. При муже никого в доме не бывало. И, похоже, глава семьи любил устраивать разборки. Женьке их семейное немое кино казалось понятным, как два плюс два: вот он входит, она поворачивается к нему, вопрос – ответ, вопрос – ответ... Она садится за стол, подперев голову руками. Слушает. А он говорит, говорит. И не замечает, что ли, идиот, что говорит в пустоту. Она же просто слушает, не отвечая...

Хотя, бывало, заходили они в гостиную в обнимку, бывало, муж приносил цветы... Но все равно... При нем девушка никогда, ни разу не выглядела такой красивой, как без него.

Женька был стопудово уверен, что ей с ним плохо.

Но ничего не поделаешь, судьба. У нее, стало быть, такая судьба. В конце концов – ей во всем остальном везет. И еще как. И потом – ведь если б ей так уж плохо было со своим Ростиславом, ушла бы, и все. Она ж от него не зависит. И родни у нее не счесть.

Стоит только захотеть...

Стало быть, не хочет.

Тогда – пусть. Ее дела.
Женька наблюдал, любовался, фотографировал.

А дней десять назад случился ужас.

Он, как обычно, смотрел. Девушка говорила с кем-то по телефону. Кивала, подтверждала что-то... Успокаивала? Деловые переговоры, наверное...

Тут вошел этот ее... Мужельник... При полном параде, в костюме (хоть и жара), сумка через плечо – видно, уезжать по делам собрался. Спросил о чем-то. Она ответила, прикрыв трубку ладонью. Он скинул сумку на пол, сжал кулаки. Видно, говорил что-то резкое, злое. Она попрощалась с телефонным собеседником, ответила мужу. А тот...

Женька даже задохнулся от неожиданности.

...Тот подошел и ударил! Резко, с размаху.

Она взмахнула руками, схватилась за голову, но устояла. Надо было падать, а она устояла! И тогда муж ударил ее еще, и еще, и еще.

Потом бил с размаху ногами. Пинал, как футбольный мяч.

Женька закрыл глаза.

Но камеры его все видели. Все запечатлевали. Это он потом проверил, когда смог с духом справиться.

А тогда, решившись взглянуть на происходящее в этот момент с той, которой он месяцами любовался, он увидел плотно задернутые шторы.

И почему-то уверенно подумал: «Все! Гад убил ее! А окна зашторил, почувствовав опасность. Ему же надо теперь от тела избавляться...»

Такие мысли родились в ошарашенной Женькиной голове. А что там могло появиться другое после того, что он увидел?

Он совершенно растерялся.

Почему-то думал про храм. Как его прекрасные купола закрыли от него. Лишили счастья.

А теперь этот ушлепок убил красивую и беззащитную перед его силой девушку.

Как же он бил ее, гад!

Женька нашел в себе силы посмотреть, что записалось на видео.

Вот она падает...

Вот тот бьет ее, упавшую, ногами!

Бьет, бьет, бьет...

Вот остановился отдышаться...

Устал...

Пусть бы сердце этого подонка перестало качать его черную

пакостную кровяную в этот момент, остановилось бы на веки вечные!

Нет! Отдышался... Огляделся безумными глазами... Пристально взглянул в окно... Может, померещилось ему что? Или звериным своим чутьем учуял, что кто-то мог увидеть, что он сейчас сотворил?

Кто его знает...

Гад подошел и задернул шторы.

И все.

Что теперь было делать?

Как выходит гад из дому, увидеть не дано. У них там подземная стоянка, у этих жуликов, обогатившихся за счет нормальных людей. И убийца вполне мог взять свою жертву на руки, спуститься на лифте к своей машине, запихнуть в нее тело, отвезти подальше, сбросить...

И тут же отправиться в свою командировку...

А потом, вернувшись, затрубить: «У меня жена любимая пропала!»

Ну, это, положим, у него не выйдет. Тут он сядет как миленький. Свидетельство – вот оно.

Но – неужели убил? Неужели – ее больше нет?

Как жить теперь с этим?

Что делать?

Мысли накатывали с грохотом, как морские волны в шторм.

Женька размножил видео, сохранил в компе, скинул на флешки. Спрятал их в разные места...

Свидетельство против убийцы не пропадет!

Дальше он снова принялся рассуждать.

Если ее больше нет это одно. Он сделает все, чтоб преступник ответил за свое и получил что положено.

Если она жива... Дал бы Бог!.. Если она жива и выбралась из этой проклятой квартиры, надо найти ее и отдать ей флешку. Пусть у нее будет – ей пригодится.

Или надо найти кого-то из ее родных – это несложно, координаты у него были. Собрал, пока увлекался своими наблюдениями за красавицей.

Он, как скупой рыцарь, перебрал свои активы, касающиеся реальной информации о Сабине Мухиной.

Что мы имеем?

Ее страничка на Фейсбуке. Ее сайт. Ее электронная почта. Ее мобильник. Номер телефона этой растреклятой квартиры.

Номерами мужа он не заморачивался.

Зато есть все координаты ее сестры, тоже личности очень даже известной. Есть даже номер мобильного мужа сестры...

Это немало.

Женька немного собрался с мыслями и решил для себя так.

Эта тварь, ее муж, наверняка по-любасу свалил в свою командировку, как и собирался. Если Сабины нет в живых, завопит-застонет этот монстр, только когда вернется.

Если она все же жива, главное – не нагадить ей лишними действиями.

Значит – что остается?

Остается ждать.

Тупо ждать. Смотреть, когда плотные шторы на окнах наконец раздвинутся.

Как занавес в театре.

И потом уже что-то предпринимать.

Но одно Женька знал точно-преточно.

Молчать он не будет. И сопли свои зажевывать не станет. Если с Сабиной реально случилось непоправимое, он сделает все, чтоб нелюдь по имени Ростислав понял, что такое настоящий кабздец.

И вот сегодня, только что, на его глазах шторы раздвинулись. В окне показался тот, о ком со всей мощью накопившейся обоснованной ненависти Евгений думал уже вторую неделю.

Выглядел ли вернувшийся муж чем-то встревоженным или это только так показалось?

Во всяком случае – в квартире он явно находился один. Держал в руке телефонную трубку, словно взвешивая, кому позвонить. Все думал и не звонил.

Все думал.

И Женька тоже думал – что будет дальше.

А в это время...

А в это самое время вполне живая Птича сидела в дедовском доме на кухне и ждала, когда из ванны выйдет Генка и начнет уже наконец поедать эту высоченную гору блинов, которую она сгоряча соорудила.

Пусть ест и хвалит. И удивляется, как она, Мухина, так прекрасно и вкусно умеет печь блины.

И еще она думала, что вот, Генка пришел, можно сказать, с перепоя... Выглядел, во всяком случае, так. Как они в детстве боялись этого: и самого слова «перепой», и того, во что превращался их отец после выпитого...

А глядя на Генку, ей почему-то совсем не страшно.

Как она боялась пьяного отца – лучше об этом не думать! Как они забирались тогда в свое убежище, тесную кладовку, как жили там, уроки делали, стараясь не вслушиваться в пьяные крики и угрозы папаши.

Она вдруг вспомнила то, что все эти годы не вспоминала. Казалось, напрочь выжжена эта история в памяти. А сейчас выскочила, как новенькая, во всем своем ужасе.

Пистолет... Как пьяный папаша пришел тогда домой с пистолетом. Они еще до его прихода расслабились, уютно им было, сидели все вокруг мамы, которая тогда их самого маленького братца Пика вынашивала, и слушали «Битлз», про Джона Леннона говорили. Про то, как гения застрелил его фанат...

Песенка, песенка...

И тут пришел отец. И они все ринулись его встречать к входной двери... И там был еще дядька в военной форме. А у папы в руках – пистолет.

И Птиче показалось, что дуло пистолета живое. И что оно собирается кого-то из них сожрать. У этого дула был один глаз, он же рот, такое злобное жало, чтоб убить и высосать из убитого человека всю жизнь до капельки, если она в нем еще теплится.

Потом Птича внутренне отключилась... Так с ней бывало при полном ужасе. Организм спасался уходом далеко-далеко. В горячку, температуру, бред. И беда перегорала, забывалась.

Она долго горела тогда...

Почему мама столько лет терпела все это? Вот интересный вопрос. Ведь ясно было даже им, малым детям, обещаниям отца, данным после

пьянок, верить нельзя. Он сам себе не верил. И маме не верил, когда она заверяла кающегося мужа, что прощает его в последний раз.

Все – сплошное вранье... И ради чего?

Ладно, зря вспомнилось. Теперь снова надо уговаривать себя забыть. Лишние воспоминания – лишний груз.

Так о чем это она?

О Генке! О том, что вот – он бухал. Да еще с дедом! Сколько же сейчас деду, интересно? Надо подсчитать... Почти девяносто вот-вот стукнет. И они, как два идиота, бухают! И дед еще после этого что-то там у себя на даче изобретает, как обойтись без электричества...

Ну и порода у них! Богатыри!

На этой жизнеутверждающей мысли тощий богатырь Генка показался на кухне. Свежий, без следов щетины, в чистой футболке Пика, глаза ясные...

– Ты зачем с дедом пил? – строго спросила Птича. – Деду нельзя! Ты соображаешь?

– Деду ничего не сделалось. Он пару стопочек только... Для расширения сосудов. Говорит, врачи рекомендовали. А я чего-то перебрал, – объяснял Геныч, жадно глядя на блины. – Да ты не бойся, Мухина, я не алкаш. А раз в год можно и поддать. Под настроение. Настроение у меня такое было вчера. Понимаешь?

– Все начинают под настроение, а потом втягиваются, – втолковывала Птича, подкладывая гостю блины в тарелку.

– Не, я не втянусь. Точно знаю. У меня сон плохой от бухла. Кошмары мучают. Не надо мне оно...

Генка ел – любо-дорого смотреть! Но и он не одолел всю гору блинов.

– Слушай, Мухина, пропадет ведь добро-то, – с сожалением вздохнул Геныч, сонно глядя на оставшиеся блины. – Знаешь, давай что сделаем? Давай ты сегодня к вечерку придешь к нам на чай. У нас чай из самовара, ты сама знаешь. Начальник, а не самовар! Такого вкусного чая ни у кого нет. Мы самоварище шишками топим... Сосновыми... Ты придешь со своими блинами, деду дадим. Он порадуется.

– Почему бы и нет, – согласилась Птича, подавая гостю чай, – приду. А то я тут без людей засиделась... Ты чай с лимоном или так?

– С лимончиком, – счастливо вздохнул сытый Генка и продолжал мечтательно: – А все же, Мухина, хорошо, что ты фамилию не сменила...

– А тебе-то что? – удивилась Птича, вставая, чтоб подать ему лимон.

– Мне ничего, – повернулся к ней Геныч с улыбкой, – просто тебе твоя подходит. И никакая другая...

И тут он поперхнулся, глядя на нее во все глаза...

– Мухина!!!

Птича даже не сразу поняла, что это с ним. Глянула через плечо, не оборачиваясь. Ему же лимон в этот момент на дольки резала!

– Кто это сделал, Мухина! – с выражением настоящего ужаса на лице спрашивал Генка.

И только сейчас она сообразила, о чем это он.

Забыла ведь совсем, что на ней открытый сарафан на тонюсеньких ляпочках, не подготовилась к приходу гостя! И сейчас придется отвечать на вопросы, которые ей не ко времени.

– Отвечай, Мухина, – требовал Генка, вставая из-за стола. – Говори, кто это сделал, сейчас же!

Она изо всех сил крепилась. Не в ее правилах было реветь при чужих.

Генка подошел вплотную, обнял ее за плечи. Она стояла, опустив голову, чтоб он не увидел слез в ее глазах.

Он наклонился и заглянул ей в лицо.

– Мухина, Птича, скажи сейчас же! Откуда эти синяки у тебя на спине? Это он? Это Славик твой, да?

Она кивнула, не в силах произнести ни слова. И все-таки не выдержала. Разревелась.

Никогда еще, кроме самого раннего своего детства, не редела Птича так самозабвенно. Прорвало.

Она редела, прислонившись для удобства лбом к плечу своего давнишнего друга, а тот, совершенно растерянный, гладил ее по голове, нежно, словно боясь сделать больно. Гладил и приговаривал:

– Всегда он мне казался подозрительным. Возбуждал серьезные подозрения своим отшлифованным видом. Я его урою. Я ему не прощу. Это он... Это все время? Это часто было? Говори! Я все равно не отстану.

Птича перевела дух, пристроила голову поудобнее и ответила сквозь слезы:

– Так – в первый раз. Но он угрожал все время. Пугал.

– Это ж как надо бить, чтоб такие следы оставить! Он тебя ногами бил, да? Ох, сволота! И ты, конечно, побои не зафиксировала?

Птича отрицательно покачала головой.

– Теперь и не докажешь, что он... Даже если сейчас пойти... Побои должны быть свежие...

Генка бормотал свои умные деловые слова и вытирал, вытирал Птичины слезы.

– Я ушла от него насовсем. Я к нему не вернусь, – доложила,

всхлипывая, Птича.

– Еще бы ты вернулась! Да кто ж тебя пустит к нему?! Тоже – придумала! А твои-то в курсе? Братаны знают, что он творил?

– Нет, я... Я боялась... Я... Я тебе все объясню...

– А он-то знает, что ты к нему не вернешься? – спросил внезапно осененный догадкой Геныч. – Ты ему это объявила? Или держишь в уме? А там посмотришь?

– Я ему не сказала... Он... он сразу уехал... И я... уехала...

– Ясно, Прекрасная Дама, – промолвил вдруг Рыцарь печально. – Все ясно с тобой! Тебя спасти нужно. Ты что-то совсем сдала за эти годы!

– Эх, Рыцарь, – шепнула Прекрасная Дама, – знал бы ты, как сдала...

– Слушай, – озаренно спросил Генка. – А он тебя не хватится? Не приедет сюда за «продолжением банкета»? Приедет и продолжит... А?

– Он сейчас не в Москве... Хотя... Мог и вернуться... Вообще-то, мог, да. Он любит на пару дней раньше нагряться...

– А тебя дома не окажется, он станет искать... Приедет сюда...

– Не думаю, что сюда... Хотя, если нигде не найдет, может и сюда... Да...

Птичу вдруг пробрал ледяной холод. Она стала озираться затравленно. Ведь – да! Как это она забылась! Он может! Может. И что ей тогда останется...

– Ну вот что, милочка, я вам скажу, – голосом знаменитой Хоботовой из знаменитого фильма провозгласил Геныч, – собирайся-ка ты со своими блинами, вещами и чем там угодно на выход. К нам жить пойдем.

– Думаешь? – встрепенулась Птича.

– Уверен! Тебе с силами надо собраться. И видеть его сейчас тебе не надо. Вообще – лучше через адвокатов. Давай собирайся. Пошли.

Да, надо, надо отсюда убираться. Ясное дело – приедет! И тогда случиться может все, что угодно.

– Еще хорошо, хоть детей у вас нет! А то б он тебя детьми к стенке припер – будь здоров! – сочувственно подытожил Генка.

И, естественно, в этот самый миг из спальни раздался истошный крик Викусы. Ей явно надоело быть одной.

Птича ринулась к малышке, взяла ее на руки. Младенец тут же замолчал.

Генка смотрел на них во все глаза. У него явно не находилось слов.

– Это кто? Это – твоя? – вымолвил он наконец...

– Агу, – сказала Викуся и широко улыбнулась.

Собраться с мыслями...

Славик стоял у окна. Он напряженно размышлял.

Жены нет. Что это может означать?

Собственно, это случилось впервые за всю историю их семейной жизни, чтоб он вернулся, а ее нет и неизвестно, где она.

Да, Ростислав все это время ей не звонил, считая, что так она лучше поймет свою вину перед ним. Вполне можно усвоить простые правила: с ним, мужем, можно ужиться. Он не монстр. Но – глава. И с этим не считаться не получится. Какой бы звездой она себя ни мнила.

Хочешь иметь надежный семейный тыл? Следуй простым правилам.

Не води в дом чужих. Всех этих сучек-моделек, подруг детства, родственничков. Они все опошляют, съедают энергетику созданного им дома, лишают покоя. И к добру это никогда не ведет.

Далее. Слушай то, что муж говорит. Двумя ушами. И не копошись за его спиной. Если муж сказал, что что-то нельзя, и не помышляй по-тихому ослушаться, все равно правда всплывет наружу. И кому от этого лучше?

Потом. Если муж пришел домой ужинать, надо ужинать, не откликаясь на звонки, хоть они трижды деловые и важные.

И еще. Вообще в присутствии мужа нельзя болтать с кем бы то ни было. Семья – святое.

Вот практически и все. Что? Трудно? Невозможно?

Да любая на ее месте счастлива бы была. При его возможностях, при его надежности – живи припеваючи. Только не отвлекайся на весь этот мусор человеческий. И будешь счастлива.

Он не хотел вспоминать свою последнюю вспышку. Не потому, что чувствовал собственную неправоту. Он именно был абсолютно прав.

Просил ее тысячу раз: уйду на работу, улетаю по бизнесу – давай спокойно попрощаемся, телефон потом.

И еще просил: не общайся с этой дикой шалавой Нелькой. Хватит ей помогать. Она – пустое место, ничто, подстилка чужая. Нечего с ней даже рядом стоять, а то ведь уподобишься. Скажи мне, кто твой друг...

Но ведь проси – не проси, жена все равно продолжает делать по-своему. Зачем нарывается?

Конечно, его прорвало. Ударил ее пару раз. Но ведь впервые за все годы супружеской жизни ударил. Хотя, по правде сказать – себе-то можно сказать полную правду, – руки чесались давно. Потому что она явно не

хотела понимать слов. И просьб по-хорошему тоже не понимала.

Вот он и не выдержал тогда.

Обиделась, снегурочка. Обычно первая мирилась...

Куда она девалась?

Славик заглянул в ее шкафы – все вещи на месте.

Ключи от ее машины (его подарок, между прочим) – в прихожей на столике.

Паспорт? Загранпаспорт?

Ага! Вот это отсутствует. Сумочку, стало быть, свою взяла и укатилась.

Он ходил по огромной пустой гостиной и думал.

Телефон у нее отключен. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия Сети»...

Вот ведь – садистка конченная! Знает, что он встревожится, взволнуется...

Мстит по-тихому... Песни без слов устраивает...

Ну, это она зря... Это он тоже сумеет. И она прекрасно знает, что тут он большой мастер.

Славику показалось, что у ножки роскошного дизайнерского дивана маячит нечто постороннее.

Он нагнулся и поднял телефон. Ее телефон! Она, стало быть, не подняла его с пола, как выронила из рук, так он и остался тут валяться.

Что это может значить?

Он встревожился.

Вдруг она в больнице?

Вдруг он превысил...

Или улетела к ненаглядной мамашке в Швейцарию? Неужели туда придется все-таки звонить?

Нет, это уж слишком. Это себя на посмешище выставлять... Это он не сможет. Или только уж в самом крайнем случае.

Кому позвонить? У кого спросить?

Нельке, этой драной шлюшке? С ней жена как раз разговаривала, когда он вошел... Из-за нее все, поганки... Ну, ей позвонить можно... был бы толк.

Тут телефон в его руке заверещал сам.

Домработница прорезалась:

– Когда приходите, Ростислав Борисович?

Ее еще ему не хватало для полного счастья!

– Пока не надо, у нас порядок, я только вернулся. Все чисто, как вы тогда оставили... Жены еще нет... Я позвоню...

Ладно... Кому, значит, звонить?

Нельке...

...И у этой телефон отключен. Вот заразы!

Так... с родственничками переждем.

Он на всякий случай набрал номер Саниной квартиры, ее собственности, которая принадлежала ей еще до их свадьбы. Они, как он эту красоту купил, то жилье сдали, чтоб не простаивало впустую. А теперь жильцы съехали, основательно загадив там все, как бомжатник. Сейчас в квартире как раз шел ремонт.

Позвонить можно, просто для проформы. Не могла жена там быть.

Откликнулся рабочий. Славик спросил, как дела.

– Да все почти готово, приезжайте смотреть. Завтра все вымоем, вычистим. А послезавтра можно работу принимать. Как с хозяйкой договаривались.

Неприятно все это. Где она, черт побери?

Но он тут же взял себя в руки. Психовать сейчас смысла не было никакого. Найдется – все выяснит.

В любом случае горячку пороть не стоит. Жена его ждет через два дня. Может быть, объявится к этому сроку. Если так – все пойдет по-прежнему.

Он постарается простить и забыть.

А если не вернется... Ну – тогда и «будем посмотреть».

Кстати, позвонить еще можно Габриэлле...

А вдруг она в курсе?..

Славик даже улыбнулся краешком губ.

Габриэлла... Пожалуй, самая понимающая из знакомых девиц его жены. Знает, как себя вести, умеет уважение показать, где надо промолчать, где надо засмеяться. Он особо не вникал в бабские дружбы, не расспрашивал. Зачем ему? Да и Сана сказала, что знакомая ее тот же институт заканчивала, что и она. Дальше ему и неинтересно...

Да, именно так. Славик не знал, что они не просто один и тот же институт заканчивали, но даже вместе учились, в одной группе.

Только в институте нынешняя Габриэлла еще звалась Натальей, была постарше Саны на пару годков.

Сабина помнила, как отправились они на первые, тяжким трудом заработанные деньги всей семьей в круиз по Средиземному морю – впервые в жизни – и как там они с Наташей (ныне Габриэлкой) повстречались. Наташка была с «дяденькой», которого ублажала как могла, а тот, в свою очередь, тратился на свою спутницу щедро и безрассудно.

Так она и жила все эти годы: от «дяденьки» к «дяденьке». Жила-поживала да добра наживала. Квартирку заимела в центре, машинку, очень даже вызывающую приступы зависти своей ценой и всеми остальными показателями класса люкс. Какие-то там картинки малевала – типа художница. Выставки устраивала... Под звучным именем Габриэлла.

А недавно, меньше года назад, заявила на Санкин показ, вся из себя такая строгая, холеная, деловая. Прощла сквозь толпу обступивших со всех сторон журналистов, приблизилась к Сане:

– Привет, дорогая!

Обнялись, как родные.

Габриэлла огляделась, остановила взгляд на нем, Славе:

– А это и есть наш муж?

Ловко у нее получилось! Как-то так сразу – хоп! И вроде – ближайšie друзья, почти родственники!

«Наш муж!» – и ничего не скажешь.

– Ростислав, – представился он.

– Слава, это Наташа...

– Габриэлла, – слегка оттесняя Сану, как несколько назойливую малозначительную дальнюю родственницу, назвалась неприступная красавица.

Санку тут же оттащили журналисты, а они – Ростислав и Габриэлла – даже очень мило поговорили. Она выучку имела еще ту! И пошутить могла с пониманием, и слушала внимательно, всем видом показывая уважение и интерес, и выглядела безукоризненно.

Славик такую подругу одобрил. Она появлялась в их доме. Правда, в его отсутствие это было всего пару раз, но Санка докладывала:

– Заходила Наташка, тьфу, Габриэлла, поболтали. Тебе привет.

– И ей привет, – отзывался муж вполне искренне.

Все их разговоры он держал под контролем.

Вот ей можно и позвонить. Вдруг – знает что-то? А нет, так хоть поговорить с более или менее приятным человеком.

– Привет, Габриэлла! Как дела?

– О! Какой приятный сюрприз! Ростислав! Рада слышать!

– И я рад тебя слышать...

– Что нового? Как там наша жена? Рядом?

Она не в курсе, понял Слава. Можно бы дальше и не продолжать эту пустую беседу. Однако, почти против воли, он отозвался бодрым тоном:

– Нет, я один. Жена погрязла в делах. А я вот внезапно вспомнил о тебе.

– И замечательно, что внезапно вспомнил. А я и не забывала...
– Ты почему в городе? Лето, жара...
– Представь, случайно оказалась. Позавчера из Финляндии прилетела. Там тоже жара, но дышать полегче. Море... И через пару дней туда же вернусь. На этюды.

Славик, с возрастающей тоской думая, где и как он может попробовать отыскать жену, почти не слышал, о чем воркует Габриэлла.

– Алло, верный муж, ты тут? Я говорю: давай, может быть, поедem сегодня вечерочком в речной ресторанчик, продышимся хоть чуть-чуть. Или ты без нашей жены никуда?

– А... Да-да, давай... попозже... поедem, – он согласился машинально, но тут же воодушевился, надеясь хоть как-то развеяться, переключиться со своих мрачных, почти безысходных и пугающих мыслей на нечто явно более спокойное, надежное и позитивное.

– Так я заеду, машину у тебя оставлю, а потом вместе на твоей, да?

– Да, – подтвердил Ростислав.

В конце концов – он живой человек и нуждается в отдыхе.

А жена может очень сильно пожалеть. Очень и очень сильно.

Волна жуткой обиды и гнева снова накрыла его... Девятый вал... Он сжал кулаки и заорал.

Хорошо, что никто не слышал.

...Хотя и без звука, и при повторном просмотре от немого крика Ростислава делалось невыразимо жутко.

От такого ждать можно чего угодно...

Душу Женьки, внимательно наблюдавшего за «диким гадом», сжимало страшное предчувствие.

Взгляд с другой стороны

– Добро пожаловать, – радостно встретил внука с милыми гостями довольный Генкин дед. – Пустили тебя помывться, вижу... А у нас у самих теперь все есть! Я наладил.

– Деда, пусть Мухина у нас пару дней погостит. Чего я буду туда-сюда ходить... Мы сто лет не виделись, хоть поболтаем.

– Такие гости – счастье для хозяев, – обрадовался дед и повел молодежь смотреть на свое хитроумное изобретение.

В общем-то – ничего нового. На кухне у них с давних времен стояла печь. Основательная, с духовкой, тремя конфорками, с объемным котлом для нагревания воды. Вода же в котел поступала из специального резервуара, придуманного когда-то дедом же. А резервуар пополнялся из колодца, откуда вода качалась механическим путем.

Теперь благодаря усилиям деда горячая вода в водопроводные трубы шла из котла. Достаточно растопить печь. Дрова пока имелись. Надо бы, конечно, еще заказать...

Птича восхитилась конструкцией.

– Солнечные батареи необходимо устанавливать, – авторитетно заявил академик. – Дело дорогое, но потом-то затрат ноль.

– Дед, а потом, когда нас не будет, подъедет какой-нибудь экспроприатор и упрет наши драгоценные батареи. Обидно...

– Обидно, – согласился дед.

– А может, пока, до батарей, все же оплатить электричество, а, Ген? – спросила Птича.

– Может, и стоит. Не все сразу, Мухина. Дай в себя прийти. Давай сегодня хоть отдохнем от всех дел.

– Давай отдохнем.

Викусю уложили в коляске под огромной елью. Девочка слегка покряхтела, но вскоре дисциплинированно уснула.

Птича с Генычем уселись в шезлонги неподалеку, принялись тихонько беседовать.

Давно ей хотелось рассказать кому-то о том, что стискивало сердце тоской. Не знала только, кому. Своим нельзя было ни в коем случае. И вот – судьба подарила...

У Птичи вопросы к самой себе по поводу собственного семейного положения возникли гораздо раньше, чем представлял себе опьяненный любовью Славик.

Она с юности мечтала о любви. О такой, чтоб на всю жизнь. Они с сестрой привыкли быть главной опорой и поддержкой матери, привыкли к обязанностям, к уходу за младшими братьями.

Птича смотрела на то, как живут мама с папой. Она их любила и старалась для семьи самозабвенно. Но отец пил, поэтому положиться на него нельзя было совсем. Ни под каким видом. Сколько раз у них было: соберутся в театр, например, а отец не приходит домой. Ждут-ждут. Тревожатся. В голову лезут страшные мысли, сцены. Вроде сколько раз уже такое случалось, пора бы привыкнуть, жить своей жизнью, раз он может себе позволить поступать по-своему... Но у них не получалось...

Эти перепады: от трезвого и доброго папы к нечеловечески злomu, бессовестному... Разве к ним привыкнешь? Ведь отец – это особенный человек для ребенка. Это – до поры до времени – часть его самого. И вдруг эта любимая часть становится сумасшедшей и действует во вред, в ужас, в боль...

В юности Сабина пообещала себе: «Я вырасту, я полюблю, у меня будет непьющий любимый муж, я буду стараться изо всех сил, чтобы в семье нашей царили мир, покой, красота и – главное – любовь».

В юности легко думать, что устроишь все по-своему. Что достаточно соблюдать некие важные правила и иметь цель – и все получится так, как пожелаешь.

В этом ловушка жизни.

Если бы готовящиеся к взрослой жизни юнцы твердо знали, что все станет происходить у них не по их задумкам, а по неведомым законам настоящей жизни, разве кто-то осмеливался бы соединять свое существование с судьбой, характером, наследственностью другого, чужого и, по сути, совсем незнакомого человека?

Так устроено, что всему-всему приходится учиться на собственных ошибках, мучительно их постигая, преодолевая, порой из последних сил. Потому что ошибки, бывает, лишают человека сил и воли настолько, что энергии на их исправление уже и не остается.

И что же? Неужели ничего нельзя предусмотреть? Неужели ни от чего нельзя уберечься?

Можно. И вполне получается предусмотреть и уберечься у тех, кто уже заимел кое-какие шишки, понял, откуда и за что получает удары, и решил сделать выводы. А юность – она для того, чтобы мечтать, ждать,

влюбляться. И учиться, конечно, и набираться опыта...

Но главное – мечты.

Вот она и мечтала.

Ее представления казались простыми: возлюбленный ее грез был красив, крепок, надежен, как гранитная скала.

Он с готовностью и радостью подставлял свое плечо ей, своей любимой.

Он, конечно, же, не пил, много работал, хотел много детей, с которыми играл бы и дружил, как может дружить старший с младшими.

У них был бы красивый загородный дом, просторная городская квартира.

У каждого ребенка обязательно имелась бы своя комната, со своим шкафом для одежды, с собственным столом для занятий, с отдельными игрушками, с полками для книг.

К детям приходили бы их друзья... Им бы нравилось приходить, играть, дружить... Она бы угощала их пирогами...

Разве это какие-то неприличные мечты?

Еще... Они много бы путешествовали...

Что дальше?

А, ну да... Само собой...

Они были бы очень красивой парой. От них глаз не могли бы отвести, настолько красивыми они были бы вместе. Да к тому же и с кучей прекрасных детей.

Она бы сама продумывала стиль их одежды, они были бы продуманно-элегантными... В их доме всегда нашлось бы место всем родным и друзьям. Семья часто бы собиралась за общим столом...

Вот веселье бы царило!

Вот жизнь бы у них шла – полная чаша!

И Птича готовилась именно к такой жизни. Чтобы не сидеть на шее у мужа, чтобы все делить поровну: и усилия, и проблемы, если возникнут, и недомогания, и радости.

Она тогда в глубине души не сомневалась ни капельки, что светлых радостей у них будет гораздо больше, чем неразрешимых проблем и горьких бед.

Откуда, собственно, братья каким-то там дурацким проблемам, если они молоды, сильны, если оба будут по-настоящему стараться жить друг для друга и своей большой дружной семьей?

Ну, правда? Откуда взяться в этом случае бедам?

Конечно, неприятности минуют их правильный, разумный, добрый и

гостеприимный дом.

Иначе даже представить себе нельзя.

Славик полностью совпал с ее мечтами. Вписался в них сразу, как только она его увидела.

Они встретились на какой-то совместной студенческой вечеринке. Люди пили, танцевали, целовались по углам. Птича уже собиралась домой, ей было скучно. Такие сборища всегда казались ей даром потраченным временем. И вот вошел он. Она услышала, как открылась входная дверь, раздался приветственный возглас, гость энергично и весело сообщил, что забежал на минутку...

И вот он вошел...

О чем дальше говорить? Это же миллионы раз происходит. Он вошел. Взгляды их встретились. Она встала и пошла к выходу. Сказала:

– Ладно, мне пора, пока.

Но шла-то она не к выходу, а к нему.

И он, не отрывая взгляда от ее лица, сказал хозяину дома:

– Знаешь, и мне пора, я тоже пойду.

Никто, кажется, ничему не удивился. Пора – так пора. Они и ушли. Уплыли. Улетели на облаке.

Бродили всю ночь по городу, говорили, говорили. И насмотреться не могли друг на друга.

Как спокойно, безмятежно чувствовала себя в ту ночь Птича!

Она знала, что дождалась. Встретила своего человека. Как мечтала, так и вышло.

Совпало все полностью. Один к одному.

Будущее виделось таким, как намечталось.

Славик тоже не переставал этому удивляться. Он, признаться, не думал, что такие – такие!!! – девушки вообще существуют. Только, может быть, в книгах и в кино. А в жизни одни... слишком легких взглядов...

И вот... Он ее сразу понял. И сразу ей поверил.

С сотой доли секунды. Той самой, первой секунды, которая потребовалась, чтоб взглянуть...

Удивительно, как бывает в любви. Не знаешь человека, а чувствуешь, что знаешь. Минуту назад был совсем чужой, а оказывается – роднее нет.

И можно все-все рассказать про себя – про страхи, неприятности, надежды, мечты... И человек тебя поймет. Совсем-совсем. Полностью, как и ты его. Тоже – совсем-совсем.

Это потом окажется, что кое-что говорить все же не стоило, что надежды – на то и надежды, чтобы сбываться не всегда, а лишь манить и

обещать...

Ну и пусть... Это же потом! Когда-нибудь.

А тогда сияло и улыбалось им их счастье – одно на двоих. Состоявшееся, как по волшебству.

Он ухаживал за ней так красиво, как она даже не мечтала. Баловал цветами, подарками, развлекал, опекал. Она даже порой стеснялась такого безукоризненного к себе отношения, чувствуя себя самозванкой.

Неужели все это счастье – ей? Неужели так могло быть? Вдруг она проснется, и окажется, что все приснилось? И не стоило просыпаться?

Наконец они решили пожениться.

Объявили своим.

Их поздравляли, уверенные, что пара сложилась идеальная.

Подали заявление в загс, и тут Денька, самый лучший и дорогой друг их детства, почти брат, ставший к тому же маминым мужем, решил, что Птичу необходимо подстраховать на будущее.

Он заявил, что надо действовать цивилизованно и обязательно составить брачный контракт.

– Я Славе во всем полностью доверяю и не собираюсь с ним разводиться, даже теоретически, – решительно отказывалась Птича.

– И отлично! Но есть цивилизованный подход, вникаешь? Мы со Славиком коллеги, он поймет, – убеждал Денька.

Птича не сопротивлялась долго. У ее семьи уже существовал налаженный общий бизнес, который они своими руками создали тяжким, порой непосильным трудом. И ее магазин тоже был частью этого общего дела, и немало чего еще.

Они составили документ. Все, приобретенное после брака, делилось в случае чего очень просто: на чье имя покупка записана, тот и хозяин. На то, что уже было у супругов до свадьбы, никто не претендовал даже в виде наследства.

У Ростислава, кстати, до свадьбы были деньги – огромные деньги. А имущества никакого. Он считал, что так выгоднее и спокойнее в случае чего.

У Птичи имелось ее производство одежды, некое подобие маленькой фабрики. Трудное, хлопотное дело, приносящее гораздо меньше того, что получал Славик благодаря своим спекуляциям и биржевым операциям.

Как же жестко иронизировал над брачным контрактом ее будущий муж! Но Птича, влюбленная и легкомысленная тогда, и не думала тревожиться. Она вставала на сторону жениха, поддакивала, пожимала плечами, вздыхала.

– Пусть делают что хотят, – заглядывая в глаза любимому, ворковала она. – Это все чушь собачья, ерунда, мрак какой-то. Не обращай внимания на эту возню.

Денька между тем купил невесте квартиру и оформил ее как дар. Материнский дар дочери перед свадьбой. Опять же – подстраховался. Подарок не отберут в случае чего.

Как бы ни была оформлена эта покупка, а пригодилась она молодоженам очень и очень. Первые годы их семейной жизни прошли именно в ней. Славик искал квартиру, соответствующую его требованиям, его пониманию высокого уровня жизни. Ему нужен был определенный район, определенное качество, определенный архитектурный замысел... Прошло несколько лет, пока он не увидел проект строящегося дома, в котором все совпало. И дождался – получил то, что хотел.

Но до этого пока еще жить да жить, плыть да плыть...

Первую занозу, которая так и засела в сердце, получила Птича точнехонько после свадьбы.

Платье свое она придумала сама. А кто же еще! Конечно же! Когда невеста вышла из машины и медленно направилась навстречу жениху, вся многочисленная толпа родственников, друзей, коллег, журналистов дружно ахнула: принцесса из сказки!

Она казалась воздушной: вот-вот взлетит! Кружево ручной работы – нежнейшее, легчайшее, белоснежное, узкие длинные рукавчики, прикрывающие всю ладонь (только тонкие ее пальцы оставались открытыми), подчеркнутая тонкая талия, длинный шлейф на белоснежной шелковой основе... Вроде бы все просто, но цена этой простоты ощущалась с первого взгляда. Некоторая простота абсолютно недостижима простому смертному.

И – никаких украшений. Абсолютно. Ни сережек, ни цепочек, ни кулонов – ничего. Да у них в семье у девушек даже дырочек в ушах не было, не до сережек как-то...

Да и зачем лишнее?

Платье и фата. Фата и украшала так, что больше ни на что смотреть не хотелось. Она – воздушная, легчайшая, нежнейшая – казалась почему-то защитницей красоты невесты, ее спасительными крыльями, которые в случае чего поднимут девушку в воздух, посадят на белое облачко в высокой-высокой небесной дали – и поминай как звали...

Жених застыл, пораженно глядя на свою избранницу. Он знал, что она красива, еще бы! Но тут словно заново увидел – и испугался даже...

– Хороша! – вздыхали восхищенно даже случайные прохожие. –

Невероятно хороша.

После торжества молодые поехали в свадебное путешествие.

Смешное оно у них намечалось. Уж очень недалекое.

На дачу родителей новоиспеченного мужа.

Полететь в далекие края никак в тот момент не получалось ни у Славы, ни у Саны. Как назло, дел навалилось по горло. Не откладывать же свадьбу из-за этого! Так можно все свое счастье извести на трудовые будни.

Свекровь предложила устроить им «рай в родительском шалаше». Так она пышно выразилась. Но постаралась на славу: огромный дом был пуст. Холодильник забит деликатесами. Спальня молодых вся в цветах. На столе в столовой – вазы с фруктами. Шампанское... Да все, что душе угодно.

Наслаждайтесь своим счастьем, детки дорогие! Пусть все у вас будет так красиво, как сейчас! Живите долго и радостно!

И правда: как же им было хорошо вдвоем! Три дня они только и радовались друг другу и нарадоваться не могли.

После первой их ночи Птича проснулась счастливая-счастливая.

Муж спал, сопел по-детски. А она привыкла вставать рано-рано, жаворонок, утренняя птичка. Когда ни ляжешь, а в полседьмого все равно подъем. И радость, что день начался, что будет что-то интересное... Так счастливо ее устроила природа.

Она тихонько, чтобы не разбудить любимого, вышла из спальни, закрыла плотно дверь, взяла яблоко из вазы, принялась грызть его и думать, чем бы ей заняться, пока спит муж.

Готовить не надо – столько всего свекровь наготовила к их приезду, что страшно подумать, кто все это съест.

Надо, наверное, гостей сюда позвать... Не сегодня, конечно... И не завтра... Ну, может быть, дня через три...

Посмотрим-посмотрим, что у нас там, в закромах? Икра, паштеты, колбасы, ветчина, копченое мясо... Ну и запасы... Как хорошо, что думать ни о чем не надо!

Но просто так сидеть и радоваться, что в доме есть все-все, вскоре стало ужасно скучно.

И тогда Птича придумала.

Она подняла с пола свое прекрасное платье и аккуратно его разложила на кресле. Надо будет отдать его в чистку и убрать до того, как ее старшая дочка соберется замуж. Наверняка ей понравится мамин наряд, единственный на всем белом свете.

Ни у кого такого платья нет! И труда же стоило – сначала образец подходящего кружева найти, чтоб было легкое-легкое, потом заказывать

кружевницам полотно – его много понадобилось... Да что говорить – про это платье можно целую повесть написать.

Вот она его уберет и записочку пришьет для потомков: кто автор платья, сколько чего ушло, когда состоялась свадьба...

Взгляд молодой жены упал на фату.

– А вот тебя, красавица, не отдам я никому! Ты у меня одна, заветная, другой не будет никогда...

Она вспомнила, как видела в Швейцарии, неподалеку от тех мест, где живет сейчас ее мамочка, забавные штуковины у домов.

Например, нарядная елка – вся в лентах и шарах – на высоченном шесте, а под ней плакат, на котором написана дата рождения младенца у хозяев дома. Санка сначала и не поняла, почему елку нарядили летом, а ей объяснили: рождество! Это в каждой семье случается: рождение малыша. И тогда можно шутить и веселиться, объявляя миру о своем счастье.

Ей это очень понравилось.

Потом встречались Птиче огромные надписи: «Матиасу – 60!!! Поздравляем!» или «Йоргу – 20!»

Чужих людей словно приглашали порадоваться вместе.

А так и получалось: она всегда про себя при встрече с такими плакатами мысленно говорила:

– И я рада! И я поздравляю!

А однажды увидела она на высокой ели длинную-длинную фату, красивую, пышную. Внизу надпись: «Поздравляем новобрачных!»

Какой хороший обычай, позавидовала тогда Сабина.

Она решила, что обязательно сделает так же, когда сама выйдет замуж. Потом в хлопотах забыла об этом решении. А сейчас вот неожиданно вспомнила!

Сана ужасно, по-детски, обрадовалась придуманному замечательному делу.

Она достала из привезенной вчера сумки с одеждой шортики и маечку (стояла жара, хотя июнь еще только начинался), подхватила фату и вышла на крылечко, обводя взглядом деревья в поисках самого подходящего и близкого себе по духу.

Ели на участке показались ей слишком высокими, фата на них выглядела бы нелепо. Просто кусочек белой ткани... Никакого символа красоты и радости.

И тут она увидела березу.

Березка, совсем еще юная, лет пятнадцати от роду, но уже крепенькая, с ярко-белым стволом, свежими блестящими листочками, растущая

неподалеку от ворот, сама казалась невестой.

– Ах, как же будет хорошо! – обрадовалась Сана и, взяв с собой табуретку, чтобы получилось достать до самой макушки, побежала к деревцу.

Приладить фату оказалось очень просто. Березка словно ждала, когда ее украсят именно так.

Сана сбегала за фотоаппаратом, нащелкала снимков, чтобы поместить фото березки-невесты в прекрасной фате в свадебный альбом...

Она потом весь день выглядывала в окно и радовалась своей придумке.

Славик тоже не возражал – выглядело и правда удивительно красиво. Он, конечно, не восторгался, как она, но мальчишкам на красоту плевать, это Сана знала по своим братьям. Они мало что понимают в деталях – им или красиво в целом, или некрасиво. И все тут.

Березка в фате и на следующий день делала Сану счастливой до невозможности. Она подходила к деревцу, гладила белый гладкий ствол, листочки.

– Какие мы с тобой красивые, да, березонька моя? – спрашивала довольная молодая жена.

Ей казалось, что березка соглашается, а солнышко подмигивает.

Потом наступило другое утро. Странное, неожиданное, удивительное.

Они с мужем спали после почти бессонной ночи и вообще ничего не слышали. Даже Сана – такая обычно ранняя птаха – утомленно погрузилась в сон, глубоко-глубоко.

А разбудила их Славина мама, новоиспеченная свекровь.

Они продрали глаза, услышав, что кто-то что-то говорит прямо над их головами.

– Что же это такое? Где это видано? Кто это придумал, а? Вы что? Фата на дереве! Фата на дереве!

В голове у Саны эхом тысячекратно повторилось:

– Фата на дереве! Фата на дереве! Фата на дереве!..

Она почувствовала беспричинный страх. Может быть, оттого, что слишком крепко спала, а тут этот тревожный голос...

– Мам, мы спим еще, – миролюбиво сквозь сон проговорил муж.

– Ты и спи, сынок, спи, я мешать не буду, – успокоила своего мальчика добрая женщина, продолжая свой монолог и не думая покидать покои новобрачных.

Сана окончательно проснулась и села на кровати, натянув на себя простынку.

– Это я повесила свою фату на березку, – произнесла она спокойно, все еще ничегошеньки не понимая.

– Так я и подумала. Подъезжаем к воротам, первое, что вижу: фата на дереве. Твоя свадебная фата. Ты знаешь, что фата – символ чистоты невесты?

– Знаю, – подтвердила Сана.

– И есть такая примета: фату нельзя пачкать! Это к потере стыда, к изменам!

Никогда, ни до, ни после, не слышала Сана о такой примете. Она даже специально искала потом на разных сайтах (как будто ей нечем было больше заняться). И ничего подобного нигде не было.

Скорее всего, увидев фату на деревце, Славина мама испытала внезапный приступ неодолимой ревности, вполне понятный для свекрови – матери единственного сыночка. И тут же сочинила примету, изобразила панику, побежала без спросу в их комнату.

– Хорошо, я сниму, – миролюбиво согласилась Сана. – Мне только одеться бы надо.

– Лежи, я, конечно же, сняла, как только увидела. Сейчас встряхну, уберу в коробку, пусть лежит...

– Я сама все сделаю, пожалуйста. Я заберу все, когда будем уезжать.

Сана изо всех сил старалась быть предельно любезной и сговорчивой.

– А почему я не могу? – колюче спросила свекровь.

– Пусть мама сделает, как ей хочется, ложись, – велел Сане Слава, который все-таки проснулся от мамочкиных речей.

Вот эти слова мужа резанули ужасно.

Что ж получается: у них можно в чужую спальню прямо так, без стука? И, видя, что люди спят, с ходу начинать свои нотации читать на пустом месте?

Но тогда она предпочла покориться – вопрос-то не принципиальный. Фату, к которой прилип маленький березовый листочек, увезла с собой, спрятала в коробку, убрала на верхнюю полку. И никогда больше не доставала. Зачем смотреть на символ испорченной радости?

В любом случае произошел пустяк. Ерунда полная. И даже хорошо, что именно в первые дни свекровь показала характер, не удержалась. Потому что Сана больше поводов не давала никаких.

В гости старалась ездить по минимуму, только на самые необходимые встречи – день рождения родителей или годовщину их свадьбы. На даче у них бывать ей совсем расхотелось. Да вполне можно было и не приезжать.

Однако с каких-то пор, примерно после полугода совместной жизни,

Слава, если был не очень доволен ее активностью в постели, хмыкал:

– Фата на дереве! Сегодня была «фата на дереве»! Видишь, какая примета нехорошая.

И Сана действительно чувствовала себя деревом. И возразить почему-то боялась. Он же ничего обидного не сказал. Он так шутит. Просто шутит.

А у нее, стало быть, нет чувства юмора.

Да, не понимала Птича такого юмора, когда можно радостно высмеивать то, что другому покажется неприятным, болезненным. Это злые шутки и нехороший смех.

Но ей казалось, что, попросив так больше не шутить, она только сильнее подставится. Нельзя показывать тому, кто издевательски шутит, что именно это словечко задевает за живое.

Лучше было делать вид, что она не заметила. Пропустила мимо ушей.

Она поймала себя на том, что в близости с мужем, как бы ни устала, как бы ни мечтала о его предварительных ласках, старается быть активной, словно автомат. Такое поведение казалось ей насилием над собой. Но она предпочитала, чтобы все происходило именно так, лишь бы не слышать его ставшую привычной шутку-прибаутку:

– Да! Опять пошла «фата на дереве»!

В детстве, когда она часто чувствовала себя беззащитной и хотела надежно спрятаться, ей снился один и тот же мучительный сон.

Она шла сквозь толпу совершенно голая. Все вокруг одеты, жизнь течет своим обычным чередом. И среди равнодушно идущих мимо людей Птича – совершенно голая. Почти никто не смотрит на нее, а те, кто смотрит, не особо даже удивляются.

И она не пытается в панике бежать куда-то и прятаться от чужих глаз. Нет! Она идет очень спокойно и невозмутимо, так как почему-то знает, что должна именно так идти: как ни в чем не бывало – и делать вид, что все в порядке. Но внутри себя она прекрасно понимает, что ничего у нее не в порядке и что самое лучшее для нее сейчас – куда-нибудь запрятаться хорошенько.

Она это знает, понимает, но продолжает идти внешне совершенно невозмутимо.

С одной стороны, не такой уж и страшный сон. Ведь не было погони, угроз, страха. Самым мучительным оказывалась именно эта необходимость идти сквозь толпу совершенно беззащитной, обнаженной.

Сон этот незаметно перестал приходить. Именно тогда, когда они работали всей семьей, разбирая тюки с барахлом из-за океана, готовя вещи

к продаже. Наверное, она так уставала, что каким-то там подсознательным страхам уже было совсем неинтересно подниматься из своих глубин. Организм все еще растущего человека, перегруженный сверх меры, катастрофически нуждался в отдыхе. Тут уж не до снов. Они вообще перестали ей сниться тогда. И плохие, и хорошие.

К концу первого года жизни с мужем она снова увидела тот самый детский сон и затосковала, все поняв. Значит, она по-прежнему не защищена. Не чувствует себя в безопасности. Вот как Птичка трактовала эти свои ночные видения.

К тому времени очень многое для нее прояснилось.

Она все еще любила своего мужа. И была к нему невероятно сильно привязана. Но увидела она и то, что во время их неземной влюбленности оставалось от нее спрятанным.

Ее муж оказался типичным пошлым домашним тираном. Деспотом семейного масштаба.

С чужими он умел быть и приветливым, и обаятельным, и терпеливым, и даже заботливым. В семье, где он обязан был, по собственному мнению, царить и властвовать, никаких отклонений от его представлений о домашних ролях не допускалось. В противном случае происходили вещи, на взгляд жены, дикие, противоестественные.

Ей было нечеловечески больно, что Славик так и не почувствовал родными ее сестер и братьев, что он ни о ком из ее семьи не отзывался с теплом и симпатией...

Много появилось в их жизни острых углов, о которых надо было все время помнить, чтобы случайно не получить ощутимый болезненный удар.

Она после своего прозрения часто старательно перебирала все положительное, что привлекало ее в муже.

Он работяга.

Он все отдает в дом.

Он заботится о ней, когда она болеет.

Он готов вникать во все сложности ее работы.

Он – вот главное! – не пьет! И даже не курит.

Он красивый, обаятельный. У него прекрасный вкус.

Он уважает своих родителей.

Он прекрасно образован.

Вот сколько плюсов! И это далеко не весь список!

А минусы...

Ревность. Тупая, испепеляющая, дикая.

Беспощадность в гневе.

Неумение считаться с чувствами близкого человека.

Придирки, понукания.

Злая ирония...

Как ей не хотелось на этом заострить свое внимание! И как хотелось верить, что вот пройдет еще немного времени, он поймет, что она – самый верный и любящий человек. Сердце его растает, он успокоится, и заживут они безмятежно, ласково, без вышучиваний, без издевок...

Время шло, а лучше не становилось.

Однажды во время ссоры, причину которой она потом и вспомнить не могла, он с жесткой радостью произнес сразивший ее наповал монолог.

– Что ж ты своим на меня до сих пор не пожаловалась? Вот я такой плохой, злой, обижаю тебя! Так скажи им, своим защитничкам! Они примчатся в один момент. А на мой вопрос можешь не отвечать! Я знаю, почему ты молчишь. Потому что прекрасно понимаешь, что, если хоть волос с моей головы упадет, я этого так не оставлю. И накажу твоих брательников, если они в мои семейные дела полезут, по всей строгости существующего закона. А он – закон наш – умеет быть строгим, если создать определенные условия. И «папочка» твой – Денис Давыдов бравый – у меня тоже под колпаком, как Штирлиц у Мюллера. У меня на него бумаги накоплены на хорошие двадцать лет отсидки. Так что молодец, что не дергаешься. Остатки ума еще присутствуют в твоей прекрасной голове!

Он разглагольствовал в том же духе и дальше.

Сана молчала.

Она действительно – тут Славик прочувствовал абсолютно верно – ни о чем никогда не говорила своим. И причину муж назвал ту самую: стоило бы ей пожаловаться на то, как ведет себя Ростислав, братья ее не сдержались бы.

И что бы из этого получилось? Разве им кто-нибудь бы поверил, что они вступились за сестру? У нее никогда не было доказательств. А у Славика они имелись. Он сразу, как они зажили вместе, понаставил в квартире видеокамер. Зачем? Для семейной безопасности. Так он объяснял. А уж новую квартиру напичкал этими следящими глазками, как ювелирный магазин – да и то не всякий – обычно оборудуют.

Он объяснял, что это от воров. На случай ограбления.

Ну да. Как же! Это чтобы видеть, кто приходит к ней домой во время его отсутствия.

Эти же камеры зафиксировали бы факт мордобоя, если бы братья пришли к Ростиславу разбираться.

А уж про документы против Деньки... Тут ей вообще думать не хотелось. Становилось страшно до темноты в глазах.

Страх вообще постепенно стал одним из главных ощущений ее семейной жизни. А страх – самый верный убийца любви.

Когда-то в детстве она, любящая и с ходу запоминающая понравившиеся стихи, поразилась, прочитав творение ее любимого Киплинга^[2].

Может быть, ум англосаксов и ковали всякие ужасы, но по себе Птича знала твердо: именно страх отключал в ней всякую способность мыслить и чувствовать себя живой. Не говоря уж об ощущении счастья и радости.

Праца и длинное копьё... Конечно, в переносном смысле. Ну, какое-то оружие, какая-то сила в противовес угрозам мужа должна была бы найтись и на ее стороне.

Но какая?

Нанять кого-то, чтобы против Славы компромат собирал? Ну, это уже совсем край. Поступить так – значит стать как он.

Отвечать колкостями на его злые шутки? Противно ужасно. Не любила она обстрять отношения. К тому же всегда возникал вопрос: а что это, вообще-то, даст?

Ну, ответу. Ну, разозлится сильнее. А плохой мир все равно лучше доброй ссоры...

Однажды, правда, она высказалась.

Не так давно.

Как раз после этого пышного юбилея Славиных родителей. Именно тогда, слушая гордый рассказ свекрови о том, как когда-то в воспитательных целях поступил с ней муж Боречка, увезя от нее сына, ужасаясь услышанному, она поняла, что не хочет дольше жить со Славиком. Не сумеет, и все. Он ведь во всем идет по стопам своего отца. И чем дальше, тем увереннее. Давит и давит...

Она, конечно, ничего не сказала, но решила: «С меня хватит. Я больше не могу».

Просто произнесла про себя эти короткие фразы. Без выводов и планов.

Но почему-то эти слова придали ей сил.

В общем, когда празднество завершилось, гости разъехались, Сана пошла умыться и привести себя в порядок перед сном, а возвращаясь мимо кухни, услышала, как свекровь, не таясь, в полный голос (она была навеселе и вообще – возбуждена праздником) спрашивает сына:

– Ну, сыночек, и когда твоя спящая принцесса родит нам наконец

малыша? Мне пора маленького понянчить. Или вы детей делать не умеете? Столько лет все мимо да мимо...

Сана отчетливо ощутила протест и возмущение. У нее даже в висках застучало.

Почему это она должна родить «им»?

Почему это если свекрови «пора маленького понянчить», то она смеет рассчитывать на то, что невестка даст ей нянчить этого «маленького»?

Она вдруг представила, что они, Ростислав с мамочкой, забирают у нее малыша, чтобы «понянчить», забирают и не отдают. Гонят ее, вышвыривают, издеваются... Мол, сами вырастим, а тебя, дрянь такую, и подпускать близко к нашему ребенку не станем.

Сана, улыбаясь, широко распахнула дверь. Свекровь не ожидала ее увидеть. Она даже слегка вздрогнула.

– Хотите, стихи прочитаю? – ласково спросила Сана. – Насчет детей.

– Конечно, конечно, деточка, – источая мед нежнейшей любви к невестке, проворковала свекровь.

Сана начала:

Знаешь ты, как делают детей?..^[3]

Последние строки Сана произнесла, глядя свекрови прямо в глаза.

– Ох, господи, твоя воля, – с деланным испугом всплеснула руками мама Славика.

Славик почему-то отреагировал совершенно спокойно. Видимо, не привык к ответным словам жены и сейчас внутренне собирался с силами, чтобы несколько позже ответить достойно...

Но так и не ответил. Вероятно, списал на последствия праздника. Не посчитал нужным.

Проехали...

А насчет детей...

Детей все не было!

Именно об этом молилась Сана каждый вечер перед сном. Только бы не было детей.

Потому что, если ребенок все-таки появится, муж наверняка сумеет сделать ее абсолютно и безвыходно несчастной до конца дней.

Он несколько раз требовал пройти обследование, чтобы выяснить причину бесплодия жены. Он уже так и говорил: бесплодие. Сам диагноз поставил. Правда, и врачи подтверждали: брак считается бесплодным, если после двух лет совместной жизни не происходит беременность. А они жили вместе уже гораздо дольше двух лет...

Все обследования показывали идеальное состояние здоровья Сабины Мухиной. Она рождена для материнства, и ничто не препятствует оплодотворению.

– Если и есть причина, то это причина психологическая, – в один голос утверждали врачи.

И тут они были правы. Психологическая причина имелась. И еще какая!

После того изнасилования она не испытывала от близости с мужем ни малейшего удовольствия, напротив, каждый раз ждала его действий с ужасом. И засыпала в его объятиях с ощущением кошмара.

И она умоляла, заклинала ребенка не появляться.

«Нет! Тут страшно, тут опасно!» – мысленно кричала она.

До поры до времени это почему-то срабатывало.

Однако годы шли.

Работая, общаясь с теми, кому могла доверять, Сабина чувствовала себя вполне довольной и счастливой.

Домой идти не хотелось.

Дома ждал пресс.

Она не знала, как мужу сказать, что хорошо бы им наконец расстаться, остаться друзьями, ценить друг друга и все такое...

Нет, тут даже страшно подумать, чем это может закончиться. Что он в этом случае изобретет, какие несусветные гадости подстроит ее родным.

Он, не скрываясь, проверял ее телефон. Она знала – да и как тут было не знать, – что в квартире все прослушивается...

Разве подобное существование можно назвать нормальной, естественной жизнью простого человека? Той самой жизнью, о которой каждый мечтает? Чтоб спокойно дома расслабиться, чтоб не думать над каждым словом: что может иметь последствия, а что обойдется...

Ее стала пристально интересовать тема домашнего насилия. Она читала, искала в Интернете статьи, смотрела кино. Набиралась опыта, стараясь получить ответ на вопрос: как кто с этим кошмаром справляется?

Вот американский фильм.

Злобный муж постоянно зверски бьет жену. Она наконец притворяется утонувшей. Уезжает далеко-далеко. Начинает новую жизнь. Он ее находит... Ужас, что творится. Результат: пришлось его пристрелить.

Нет, не ее вариант. Уехать никак не получится. Она на виду. Да и убивать Славика – это уж чересчур.

Вот еще американский фильм.

Тут тоже... хорошего мало. Жена с дочкой прячутся от злодея-мужа. А

потом она решает тренироваться. И упражняется в боксе. Очень убедительно. Повышает свою боеготовность упорно и целенаправленно. И быстро так накачалась, буквально вроде как за неделю из нее получился неуловимый и непобедимый боец. Ну и потом – опять же – приходится мужа убивать. Ну, так, ненароком. Невзначай, как бы случайно. И можно вздохнуть с облегчением и жить, радуясь собственному счастью и открывшимся перспективам новой любви.

Тут что? Сможет она применить этот сюжет на практике? Куда там! Без слез на все это не взглянешь. Ну как Сабина начнет тренироваться, если муху прихлопнуть не может? И опять же – всё все равно заканчивается убийством, смертью.

И только после этого зритель окончательно удовлетворен и спокоен! Уффф! Ну наконец-то избавилась окончательно, слава Создателю.

Конечно, облегчение приходило, но только как часть общеэстетического впечатления, если об американском кино можно позволить себе так выразиться.

А что делать обычной женщине, не желающей никому вреда, не мечтающей убить, ударить, покалечить своего мужа, с которым попросту жить совместно оказалось невмоготу?

Факты из реальной жизни ничего хорошего не сулили.

То и дело по телику рассказывали о событиях, лишь подтверждавших самые страшные опасения Саны: жестокие избалованные себялюбцы никогда не прощали своим жертвам желания уйти от них.

Чего стоила история девушки, сбегавшей от постоянно избивавшего ее мужа! Тот в отместку похитил ее родителей. И вот уже несколько лет несчастная пытается вместе со своей сестрой отыскать следы папы и мамы. Их нет. И тела их не нашли... Как жить с этим?

Или урод человеческий, решивший за отказ женщины встречаться с ним изуродовать ее дочерей-подростков – ничто его не останавливало. Никакие мысли о последствиях, никакие угрызения совести. Он мстил и старался сделать это с максимальной жестокостью.

Сана и не хотела бы лишний раз слышать про такое (уж очень каждый раз она пугалась за своих), но вести упорно настигали и настигали.

Она все думала, чем бы могла испугать Ростислава так, чтобы он сам ушел из ее жизни?

Ну, чем она могла его испугать?

Собрать какой-то серьезный компромат?

Ну, это вообще даже не рассматривалось. Не получится у нее.

Что еще? Попросить кого-то, чтоб припугнул?

Ох, да только хуже будет. Вот после этого он уж ей покажет, на что на самом деле способен.

Иногда она мечтала: вот бы он влюбился! Нашел бы себе какую-нибудь молоденькую красотку и начал с ней роман. Та бы и родила ему, и слушалась бы его, как солдат генерала... И он бы сам ушел к той, молодой... Ну, конечно, напоследок наговорил бы всяких гадостей – это пусть, пусть... Но ушел бы, и все!

Ха! Не влюблялся он ни в кого, вот беда.

При этом Сана упорно и ежедневно работала над собой. Она внушала себе, что, возможно, многое видит в слишком темном цвете, что надо постоянно отмечать то хорошее и привлекательное, что есть в ее муже.

Ну-ка, ну-ка? Что в нем особенно нравится?

Во-первых, он, безусловно, красивый. Этого не отнять. Со стороны смотреть – залюбуешься.

Во-вторых, он ухоженный, элегантный. Безупречно элегантный. Это она, как специалист именно в данной области, может засвидетельствовать.

В-третьих, от него всегда очень приятно пахнет. Настоящим мужчиной, здоровым, крепким, следящим за собой. И туалетная вода его такая, что прижаться бы и нюхать, нюхать щеку мужа... Только расслабляться нельзя...

В-четвертых, он хорошо разбирается в кулинарии, ценит хорошую кухню, ест красиво.

В-пятых, заботится о родителях, помогает им постоянно, во всем.

В-шестых, он трудоголик. Вот такого, как подружки жалуются, что, мол, валяется благоверный целыми днями на диване, – такого она даже представить себе не может, думая о Славике.

Да что перечислять – сплошной ходячий позитив, а не муж! Все дело в ней, вероятно. Может быть, она его чем-то подсознательно очень раздражает. Может быть, тем, что успешна, популярна даже. Это же может раздражать, вполне даже. Во всяком случае – пробуждать ревность.

Эх, что говорить! Может, еще как может!

И как быть в этой ситуации?

Очень хотелось с кем-то поговорить, но поучительные годы сосуществования со Славиком приучили Сану к чрезвычайной осторожности и молчаливости, когда это касалось ее личной жизни.

Не с кем ей было говорить о том, что ее буквально иссушает! Только разве что на судьбу полагаться и оставалось...

Габриэлла

Когда примерно год назад на горизонте нарисовалась однокурсница Наташка – то есть не Наташка, а Габриэлла, никак она не переучится ее по-новому называть, – разговоры их так или иначе затрагивали приватные темы. Сана на всякий случай домой ее не приглашала, чтоб у Славика не появился компромат на ее очередную знакомую. Та по глупости сболтнет что-то о себе, не подозревая, что идет прямая трансляция, что она, так сказать, в прямом эфире...

А потом разговоров на всю оставшуюся жизнь.

Встречались они чаще всего на нейтральной территории.

Габриэлла болтала о себе охотно, ничего не скрывая, порой с удивительной бесстыжей простотой описывая свои любовные похождения, качество которых определялось не степенью влюбленности в своего спутника жизни на данном отрезке времени, а мерой его участия в построении ее материального благополучия.

О последнем своем замечательном дядечке она говорила с придыханием и горестными вздохами. Придыхания относились к его финансовой мощи, а горестные вздохи – к тому, что он почему-то не принимает ее всерьез как творческую личность, хотя пару раз помогал устраивать ее выставки с роскошными презентациями.

А ведь о ней так горячо отзывается пресса! Картины – да, пока не продаются. Но нужна дальнейшая раскрутка. Небольшая, но массивная. Растяжки на улицах, баннеры...

Она заикнулась о своей заветной мечте обычно внимательному к ее нуждам влюбленному дядечке-проказнику, а он почему-то отказался, говорит, тебе сколько ни дай, все будет мало. Квартиру, мол, тебе обеспечил – угомонись на время хотя бы...

Потом было еще несколько неприятных моментов, связанных именно с этим дядечкой.

Ну, расклад такой.

Он довольно страшный внешне. И – мало этого – уже и не дядечка, а, если быть честной до конца, практически дедулька. Ему шестьдесят семь годков стукнуло. Но ведет себя совершенно как тридцатилетний мачо, бегают по утрам наперегонки с собакой лабрадором, внимательно смотрит на девчонок – ни одной юбки не пропускает, – при этом крепко женат.

И на ком? Практически на такой же старушке-побегушке. Шестьдесят

пять ей. У них там дети, внуки взрослые, чуть ли не правнуки затеваются... И выглядит эта его властительница дум вполне как положено безнадежной бабке. Ну, ладно, ну не на шестьдесят пять, а на пятьдесят пять. Большая, что ли, разница?

В связи с этим вопрос: почему он продолжает жить со своей замшелой старушенцией?

Позорится только перед людьми.

Вот Габриэлла как-то ему и тонко намекнула, что, мол, неплохо бы было наконец-то развестись со своей «избушкой на курьих ножках» и жениться на ней, перспективной молодой художнице. Она собой прибавит целый ряд положительных штрихов к его портрету и, так сказать, озарит его дни лучами своей юности.

Кстати, о юности. Мимоходом.

Наташка, которой было уже за тридцать (выражаясь щадяще и мягко), немножечко стала дергаться из-за своего возраста. Потому что дяденьки любят именно юных.

Самое ценное – твоя начальная стадия существования в фазе «молодая, прекрасная, востребованная». Но на первых порах кажется, что все это внимание, все эти ухаживания, влечение к тебе, твоя манящая внешность, твоя умиляющая дядечек наивность и нерастраченность – все это будет длиться и длиться, долго-долго, без конца.

И так хорошо получать подарки со всех сторон только за то, что ты вот такая уродилась, прекрасная и желанная!

Она, конечно, изо всех сил старалась оставаться желанной и цветущей, так что часть средств всегда в обязательном порядке шла у нее на основательный уход за собой. Выглядела пока сногшибательно. Свежая и милая, как маленький морской ветерок.

А дальше что?

Дядечкам она о возрасте своем не сообщала – это еще зачем? Вернее, нет. Сообщала, конечно, но, бывало, сбавляла себе лет десять – двенадцать. А то и – было как-то раз – на целых пятнадцать лет себе меньше дала. Сказала, девятнадцать ей. И номер прошел! Главное, глаза понаивнее распахивать, улыбаться глуповато, всему удивляться и щебетать тоненьким голоском.

Но этот номер с враньем проходит до той поры, пока не требуется твой паспорт. И тут уж сбавляй не сбавляй, выгляди не выгляди – не поможет ничего.

Цена твоя упадет резко и безвозвратно.

Естественно, если находишь причину своих проблем, ее надо немедленно устранять, уничтожать на корню.

Она так и поступила.

Нет-нет, конечно, она не сожгла, не порвала и не утопила разоблачающую ее паспортину. Зачем? Есть вполне пристойные, законные и несложные способы.

Она просто пошла, написала заявление и поменяла паспорт. Да! Так можно! Сделала себе приличный возраст – двадцать три года. Имя тоже поменяла. Что это: Наташка, Наташка... Так в Турции этих наших семечек лузганных называют – Наташя... Иды са мной, Наташя, карашё будыт...

Она решила, что для художницы гораздо достойнее звучит «Габриэлла». Ведь хорошо, да? И запоминается сразу.

Из знакомых прежних лет никого рядом почти и не осталось.

Никто не выдаст. То, что Сабинка не выдаст, это юная художница и так знала... Нюхом чуяла, кто на что способен.

Так вот...

Она паспорт решилась поменять в тот ключевой и судьбоносный момент, когда ее роскошный дядечка как раз пообещал ей квартиру.

Еще между ними было все «сладко с перчиком». Волшебство, смех и взаимные удовольствия. И вот он повел ее как бы невзначай посмотреть на одно пустующее помещение. Сказал, что выкупил, а с ней по ремонту собирается посоветоваться.

Наташка все-все смекнула сразу. Сообразила, что это он хочет ей преподнести сюрприз на День всех влюбленных. Прямо вот так вот почувствовала. Да, собственно, что чувствовать, когда она всех своих дядечек, вступая в отношения, нежно, как хороший мастер скрипку, настраивала на внимание к собственной персоне, на почитание особых дат в ее жизни. И помимо дня рождения, именин, счастливого дня их первой встречи с очередным дядечкой, Нового года, Рождества, особо почитался День 14 февраля. Это ж их день! Любящих и трепещущих сердец! Именно в этот день так ждала юная дева реальных доказательств любви к себе. А как иначе-то?

Ну а тут как раз и было такое безвременье... Новый год прошел. И Старый Новый год тоже. Он ее и завез перед рестораном просто так, невзначай глянуть на свое новое приобретение. И она делала вид, что все именно полностью ненароком и невзначай.

Ходила, разглядывала, оценивала, хвалила. Держалась с достоинством, спокойно, равнодушно даже.

Он спрашивал, как она считает, делать ли перепланировку, какие

лучше настелить полы, как оформить ванну... Ну, типа, советовался как с художницей... Полагался на ее вкус.

Она советовала старательно, задушевно, понимая, что – тьфу-тьфу-тьфу – себе же и готовит вождеденное гнездышко.

Но сердце ее при этом билось как сумасшедшее.

– Паспорт! Он обязательно под благовидным предлогом попросит паспорт! И тогда станет ясно с возрастом... – вот что подсказывало сердце, стуча уже у самых висков.

Откладывать было некуда! Или квартира и дальнейшее продолжение отношений с возможным впоследствии вступлением в законный брак (раз пошла такая пьянка с квартирой, значит, дядечка к ней прикипел) – или вообще ничего!

Такие конкретные дядечки ложь девичью не прощают. Особенно с возрастом. Еще бы. Он ловит особый кайф, думая, что рядом с ним взрослеет чуть ли не Лолита набоковская, а рядом... ладно, замнем.

Естественно, на следующий день она спозаранку рванула в соответствующее учреждение, ничего не пожалела, щедро подмазала всех, кого могла, и в рекордно короткие сроки получила новенький документ! И в нем уже значился ее честный возраст и приличное имя Габриэлла.

Вот как делаются дела!

И расчет ее оказался вернее некуда!

Едва успела она взять доказательство своей юности и неизношенности в трясущиеся от счастья руки, как буквально через день дядечка попросил ее паспорт.

– Зачем? – глубоко недоумевая, спрашивала Габриэлла, копаясь в сумочке в поисках документа.

– Потом узнаешь, – отвечал ее богатырь, любуясь обликом своей милой девочки, наивной глупышки.

Ну, и в положенный день, как раз когда все влюбленные дарили друг дружке эти идиотские красные сердечки, от которых не знаешь потом как избавиться, он вложил Габриэлле в руки красивую папочку с дарственной на ее имя и ключики от квартирки, где все было сделано именно так, как она недавно и советовала.

Успел! В рекордно короткие сроки! Вот ведь как! Она торопилась с паспортом, а он с квартиркой! Вот и доставили себе взаимную радость!

Ой, как она вопила! Как прыгала! Как даже плакала от счастья, выражая молодой неукротимый восторг таким совершенно неожиданным и щедрым подарком!

Как он хохотал, заражаясь ее непосредственностью и энергией!

– Задушишь, Натка, хватит, ладно!

Он что? Не заметил, что она теперь Габриэлла? То есть – не теперь, а по паспорту – Габриэлла...

Видать, нет. Скорее всего – отдал ее паспорт референту-секретарю, а тот уж все и оформлял.

Ну и пусть «Наташа». Он так привык. А паспорт новый все равно не зря. Вот если бы там возраст был другой, тут же хозяину настучали бы...

Так что вот как она, юность эта треклятая, дается! В муках!

А потом этого несравненного дядечку она упустила! Такого редкостного дядечку упустила – простить себе не может!

Зарвалась – что говорить! Расслабилась и перестала реальность ощущать. Незачем было ей затевать тему развода с его престарелой Бабой Ягой. Да еще так неуклюже у нее вышло в тот раз...

Она в разговоре именно на возраст его жены напирала, что, мол, оглянись – кто теперь с такими остается? У всех достойные молодые красавицы... Что о тебе люди подумают?

А он ни с того ни с сего взъерепенился.

Говорит:

– Да она одна миллион таких, как ты, стоит. Ей от меня я нужен. И я свою девочку (так и сказал о бабке – девочку!) со школы как полюбил, так и люблю. И она меня похоронит, а не все вы, слепни полевые, которым я только и хорош, пока из меня кровь можно сосать.

Нормально! А чего ж гужуешься со слепнями?

Вот зря она разговор продолжила, зря!

Надо было извиниться и потупить глазки. И хорошо бы, еще слезки чтоб потекли... А она чего-то завелась... Магнитная буря в тот день была, Габриэлла потом в новостях увидела.

И он ей объяснил очень доходчиво, что со слепнями, мухами и пиявками гужуется ради обмена энергиями. И только. Причем за энергообмен платит каждой такой пиявке щедро и по полной. Но это совсем не означает, что слепень или пиявка получают право голоса и возможность покушаться на самое святое и дорогое, что у него есть.

Оттрахал ее напоследок и свалил.

Вполне красиво свалил – кинул ей денег солидную пачку на столик в прихожей.

И эта пачка Наташку как раз очень сильно напугала.

Она спросила:

– Зачем столько?

– На первое время...
Вот что он сказал!
И дверь за собой захлопнул. И все!
Все ясно... Больше он не появлялся.
Свободна. Переступила сдуру дозволенную границу – и свободна.
Ладно. Сама идиотка.
Теперь снова надо искать богатого мужика.
Но у нее позиции – высший класс.
Квартира.
Машина.
Перспективная молодая художница, ярко заявившая о себе.
И просто молодая!
Совсем молодая – двадцатилеточка!

– Ты только меня не выдавай, – попросила Наташка Птичу, – своему-то не говори, что мы вместе учились, ладно?

– Нет, конечно, – уверила та сокурсницу. – Зачем мне?

Она и так бы ни за что Славику не сказала про Наташку. Муж вечно попрекал ее подругами. Говорил, что все они гулящие, шалавы, продажные твари... Много чего говорил. Поэтому, естественно, ничего она ему не сообщала, во избежание лишних упреков.

Сказала, что один и тот же вуз закончили. И что Габриэлла – художница. Перспективная вроде бы. Вот и все.

Габриэлла довольно часто названивала, звала поболтать, посидеть где-нибудь вместе. Получалось редко. А если получалось встретиться на чашку кофе, все разговоры юной девы сводились к подробностям охоты на богатых мужиков и к расспросам о Саниной личной жизни.

– А твой как? Довольна ты? – жадно спрашивала Габриэлла.

– Да, – уверенно произносила Сана.

– А чего детей у вас нет до сих пор? Он не хочет?

– Он очень хочет. Очень!

– А что ж? Ты не можешь?

– Врачи говорят, все в порядке, могу.

– А что ж тогда?

– Ну, еще, значит, не время.

– Чего ждете-то? Смотри, уведут у тебя твоего мужика! Не тяни!

«Уж не ты ли собралась уводить?» – подумала тогда Сана. И еще почему-то даже вздохнула про себя: а вот бы и увела! Только не дожидаться ей такого легкого решения нелегкой проблемы.

Но вот – как будто кто-то свыше тогда велел ей – принялась Сана во всех подробностях описывать мужа, его любовь к порядку, его отношение к работе, его тонкий вкус... Вспоминала какие-то приятные подробности из начального этапа их совместной жизни. Как он все-все по дому делал сам, когда у нее пальцы на руке были сломаны. И как цветы слал – корзинами. И какие умеет делать подарки.

– Да у тебя мечта, а не мужик! – с нескрываемой жадной завистью сказала тогда Габриэлла.

– Ну да, мечта. Моя мечта, – согласилась с готовностью Птича.

Он и был ее мечтой.

За мечту она и выходила когда-то замуж, не за реального человека по имени Ростислав, с его привычками, задатками, семейным опытом, а за свое собственное романтическое представление о нем.

А оказалась замужем не за мечтой.

И кто виноват?

Как это так получается? Вроде не на улице познакомились, не в паутине всемирной Сети... Вроде почти свой человек, на виду, можно особо не опасаться...

Проявилось потом... Когда очутилась в ловушке.

И что теперь делать, чтобы никто из ее близких не пострадал?

На что решиться?

Так Сабина думала еще до последнего страшного события. Сейчас она уже не спрашивает себя, что будет с кем-то из родных. Сейчас она даже не боится. Ей надо, чтобы синячищи прошли и чтобы через день Нелька вернулась. И чтоб до этого не встретиться со Славиком. Да и потом... Только через адвокатов.

Все – с нее хватит. Совсем-совсем.

А вот кому молочка?

– Это он первый раз на тебя руку поднял? – спросил странным сдавленным голосом Генка, когда Птича довольно коротко, без подробностей доложила ему суть дела.

Жаркий день во всей своей загородной красе, с пчелами в сердцевинках цветов, со стрекозами, с запахом хвои и смолы, потекшей по стволам елей от зноя, дарил расслабляющий покой и надежду на то, что жизнь все-таки прекрасна, если доверишься природе, а не человеческим уродующим выдумкам.

Птича поняла, что Геныч невероятно зол. Она таким его еще ни разу не видела.

– Знаешь, да, вот так вот – первый. До этого было – тряс, толкал с силой, я на кровать падала со всего размаху... Но на кровать... Ничего. А тряс когда, синяки были на плечах... Но вот так – это впервые.

– Все. Раз начал, теперь не остановится, будет повторять, – предупредил жестко Генка, словно ожидая от нее чего-то важного в ответ.

– Следующего раза не будет, Ген. Это решено и подписано. Все. Я к нему не вернусь ни под каким видом. Я вот сейчас удивляюсь, как и почему так долго терпела. Все старалась приспособиться, искала хорошее... Он меня как под гипнозом держал. Сейчас чувство, что очнулась от долгого сна...

– Вот и молодец! А вообще ты много разных глупостей понаделала. И братьям надо было рассказать, и Денису. Вот этот твой супругник поганый сказал про компромат на Деньку, а ты промолчала. Надо было предупредить. Думаешь, у него правда компромат есть?

– Не знаю. Может, и нет ничего. Может, просто так говорил, пугал. Кто его знает? Но ты же видишь, что делается. Сажают по первому слову. И люди сидят в СИЗО и гибнут там. Я, правда, с Денькой как-то говорила, но отвлеченно. Мол, не стоит тебе лишний раз в Москву заявляться. Нечего тут делать, и все такое.

– А он?

– Сказал, что у него пока проблемы на горизонте не маячат, что бизнес у него швейцарский, и все такое... А я за него боюсь. У него же никого, кроме нас, нет. Мы – его семья. И вот получается, что из-за семьи у него могут случиться жуткие неприятности...

– А так всегда и бывает – неприятности из-за близких. Из-за далеких –

какие неприятности? На далеких плевать... Но знаешь, надо все-таки всем рассказать. Пришла пора. Хватит сидеть и трястись, как мышь в норе. Ты сама его распустила. Терпела, терпела... Чего ради?

– Да, вот дождусь Нельку, и все, – согласилась Сана и потянулась с улыбкой. – А знаешь, мы, когда маленькие были, ну так лет в десять и дальше, сидели дома в кладовке, у нас там все было оборудовано – прямо бункер настоящий. И Денька с нами. Мы там и уроки делали, и играли...

Генка слушал, как в детстве – внимательно-внимательно.

– И вы все туда набивались? В вашу кладовку?

– Ага. У нас там такие стеллажи были. Ну, как полки широкие для вещей. А получилось, что это наши кровати стали. Шесть полок. Как в плацкартном вагоне. Углом. Три этажа. Ну и кладовка была большая: шесть квадратных метров – прямо комната настоящая, без окна только.

– Счастливые, – позавидовал Геняч по-детски. – А я один был. Один на всех. Не могли мне еще кого-то родить...

– Ладно тебе, не хнычь, – засмеялась Птича. – Слушай лучше дальше. И вот однажды Денька принес с улицы кирпич. В мешке для сменки. И потом они с Рыськой, сестрой, придумывали нам сказки про этот кирпич. Он был волшебный, понимаешь? Выполнял их желания. И все сказки так и начинались: «Однажды Мухина и Давыдов шли и видят...» Ну – какую-то там проблему видели. А кирпич им помогал все разрулить. Он же волшебный был. Ужасно смешные иногда были сказочки. И я вот, представь, недавно почему-то вспомнила эти приключения Мухиной и Давыдова со своим волшебным кирпичом и думаю, вот бы на самом деле был бы у меня такой кирпич... И я бы ему сказала: «Дорогой, уважаемый, милый Кирпич! Пожалуйста, сделай так, чтобы Ростислав чего-нибудь жутко испугался и никогда в жизни ко мне не подошел. И чтобы я его никогда-никогда больше не увидела...»

– Свались ему на голову, дорогой Кирпич, или попроси кого-нибудь из своих братьев сделать это за тебя, – увлеченно подхватил Генка. – Можешь шарахнуть его не насмерть – мы не кровожадные, – но сделай так, чтоб этот поганец просто забыл про Мухину-младшую и никогда-никогда не вспомнил...

– Ага! – восхитилась Птича, хохоча.

– Слушай, Мухина! – торжественно проговорил Генка, почти так, как когда делался Рыцарем. – А давай я буду твоим Кирпичом! Я смогу – увидишь! Соглашайся!

Мухина вздохнула и задумалась...

– Нет, Геняч. Я не хочу, чтоб ты – Кирпичом. Ты же Рыцарь. Хочу,

чтоб ты был Рыцарем, как раньше. А я...

– Ну, это и так ясно. А ты – Прекрасной Дамой. Это ж аксиома. От этого мы никуда...

Их милый детский лепет был прерван возгласом из громкоговорителя:

– А вот кому молока, творога, сметаны, яиц!

Мухина аж подскочила в своем шезлонге.

– Спокойно, – кивнул ей Геныч, – ты что всполошилась? Это же наша баба Нина! Молочница!

Теленочек

Баба Нина числилась одним из чудес их дачного летнего детства.

Вот сколько себя Сабина помнила, столько молоко им на участок приносила баба Нина. Не тетя, а именно баба. Так она сама себя величала.

И они уже выросли, уже у Рыси сын-подросток, уже и страна та прежняя исчезла с карты мира, а баба Нина совсем не изменилась. Ну, почти совсем. Что-то, конечно, меняется. Какие-то новые черты, детали...

...Первое Птичино дачное счастье связано именно с бабой Ниной. Она жила, как им тогда казалось, далеко-далеко, за речкой с мостиком, за лесом, в большой деревне. Это сейчас Сана знает, что от дачного поселка до деревни всего-навсего километр. А тогда дорога туда казалась серьезным путешествием с приключениями.

Идешь мимо последней дачи в их поселке, проходишь полем, дальше колючие кусты дикой малины, спуск к речке. На берегу всегда рыбаки, и там нельзя шуметь, чтоб не распугать им рыбу. Но все равно – чуть ниже по течению, там, где песчаная отмель, всегда купаются дачники, оттуда доносятся голоса... Но это пусть... Главное – тут, рядом с рыбаками проходить тихо-тихо.

Над водой летают синие-синие стрекозы. И даже они не трещат своими крылышками. Бросаются к воде, словно собираясь нырнуть, но вдруг взмывают в воздух, снова бросаются... Часами можно на них смотреть...

Потом начинается деревянный мост, когда-то крепкий, из толстенных бревен. Но поставили его еще в незапамятные времена, чуть ли не при царе, как говорили взрослые, поэтому сейчас все там расшаталось... Страшно. И перила шаткие, и сам мост.

Зато когда оказываешься на другом берегу, начинается совсем другая жизнь. Левее виден зеленый-зеленый луг, на котором часто пасутся коровы, много-много, со всей большой деревни собирает их пастух по утрам и ведет щипать свежую травку.

А правее шумит, качает кронами лес.

Птича с замиранием вступала под тень вековых деревьев. «Дремучий лес, полный чудес», – все время повторяла она.

Чудеса встречались постоянно.

Дятел с красной грудкой, совсем как на картинке в книжке, стучит по стволу, стучит, никого не замечает. А они стоят и тихонечко смотрят. Какой

он красивый!

И все вокруг – каждая травинка, каждый цветочек, деревце – вызывает удивление и восторг. Они все тут у себя, в своем особенном мире. Наверняка переговариваются между собой, только люди их не понимают...

Пройдя лес насквозь, попадаешь в деревню, тоже особенную. В деревне есть церковь, она открыта, там идут службы, туда можно зайти, только тихо-тихо, и постоять, почувствовав тихую радость собственной души...

В этой самой деревне и жила их молочница – баба Нина. Кто переезжал поздней весной или ранним летом на дачу, обязательно шел в деревню и «подписывался на молоко». Баба Нина заносила сведения в толстую школьную тетрадку: «Копыловым на Лесной, 12–3 литра, Сениным, ул. Р. Люксембург – 3 литра»... и так далее. Сама же и разносила заказы – в двух огромных бидонах. И как поднимала-то, вот что интересно?

Кто-то просил непременно парного, прямо из-под коровки. И баба Нина, подоив своих кормилиц, шла к дачникам, доставляя тепленькое, парное молочко. А утром приходила к тем, кто вполне довольствовался холодным молочком, из погреба.

– Великая труженица! – так говорили о Нине детям-Мухиным.

И правда – где взять столько сил? И рано утром встать, и таскать на себе эти бидоны, и за детьми смотреть...

Но Нина никогда не жаловалась. Наоборот – выглядела веселой и довольной. У нее имелось большое счастье: муж не пил. Что-то у него такое со здоровьем не ладилось – то ли язва, то ли аллергия на алкоголь, но пить он попросту не мог, хотя и пробовал по молодости пару раз. Оба раза кончились плачевно, больницей, хотя и выпито было совсем мало – для начала. В остальном же муж казался вполне здоровым, работал за двоих, дети у них рождались исправно. Вся большая семья – от мала до велика – трудилась не покладая рук.

Птича любила, когда их на летние каникулы вывозили на дачу, идти с дедом в деревню, навещать бабу Нину, оставлять заказ на молочко. И хозяйка коров тоже любила Мухиных. Причем не из сентиментальности. Просто жили они в третьем доме, если считать от конца поселковой улицы и молока заказывали помногу: каждый день по три трехлитровые банки. Еще бы! Столько детей, и каждому утром поллитровую кружку налей с куском хлеба – вот тебе и завтрак! А еще творожок делали, простоквашу...

И вот от Мухиных Нина шла уже, можно сказать, налегке, один бидон почти наполовину опорожнялся. Отсюда и любовь!

Однажды их привезли на дачу в конце мая. Поселок выглядел почти

безлюдным: настоящая дачная жизнь начиналась в июне. Бабушка радовалась, что они первые запишутся у Нины на молоко. С дедом отправились девочки, Рыся и Птича.

Как хорошо после города дышалось в лесу! Счастье переполняло.

У Нины в списке они действительно оказались в числе первых. Дед степенно заговорил о делах. На заднем дворе кудахтали куры, кричал диким весенним голосом невероятно бравый петух яркой расцветки. Птиче очень хотелось туда, посмотреть на всю живность, которая так вольготно жила тут, а она-то и видела их только издалека или на картинках.

Дед договорился, что ребята будут приходить к Нине раз в неделю за яйцами.

– Тут уж сами. Яйца я куда понесу? У меня бидоны. А ребятишкам буду оставлять, – говорила Нина, занося в тетрадку, что и сколько будут покупать у нее Мухины.

Подняв глаза от своей книги учета, она, очевидно, заметила, с какой жадностью смотрит девочка туда, где гуляют курочки.

– Что? Посмотреть хочешь? Ну, пойдём, покажу. Эх, городские... Как вы там живете... Жизни не видите...

Она пошла своей легкой походкой впереди, подхватила с травы курицу:

– На, потрогай... Да не бойся ты, тоже – зверя нашла. Погладь.

Курица покорно сидела в больших Нининых руках, даже глаза прикрыла. Птича осторожно погладила ее белые перья, почувствовав тепло.

– Бери, не бойся.

Нина передала курицу Птиче. Та удивилась ее легкости и пожалела ее за эту легкость и беззащитность.

– Ай!

Курица, почувствовав слабость и ненадежность неопытных детских рук, легко выскочила, чуть расправив крылья, отряхнулась и деловито отправилась искать в траве червяков.

– А хочешь, коровушку покажу? – спросила Нина, улыбаясь. – У меня коровушка вот-вот отелиться должна, я ее дома оставила. Другие пасутся.

– Что такое «отелиться»? – не поняла Птича.

– Теленочка скоро родит. Ребеночка своего. Уж совсем скоро. Пугается, нервная стала, ест плохо. И уж неделю как хвост поднимает и в сторону отворачивает – верный признак. Ты осторожно подходи, не беспокой.

От большого хлева пахло коровами. Но там никого не было.

– Она в загончике у меня, на свежем воздухе.

Они зашли за хлев. На небольшой лужайке, огороженной проволочной

сеткой, стояла красивая коричневая корова с мохнатыми ушками, равнодушно глядя вдаль. У коровы оказался огромный живот. Заметив людей, корова отошла подальше и повернулась к ним спиной.

– У нее в животе теленочек, да? – спросила шепотом девочка, чтобы корова не обиделась и не занервничала.

– А где ж еще? Конечно, в животе. У всех мам вы, детишки, сначала в животе растете, а потом на свет появляетесь.

Это Птича знала, разумеется. Как раз тогда, незадолго до этого, родился их маленький братец Пик. И у мамы тоже был большой живот. Но мама никого не пугалась, была обычной мамой. А корова вон – дичится, оглядывается на них, как на врагов...

– Ты приходи через неделю, увидишь ее ребеночка. Уже народится.

– Мы все придем, можно? – спросил дедушка.

– Ну, что ж. Приходите. Только издалека покажу. Не обессудьте.

Всю неделю Птича жила ожиданием встречи с теленочком. Вот его еще нет, а она его даже видела, как он живет внутри своей мамы! Хотя никогда еще в своей жизни не приходилось ей смотреть на настоящего ребенка коровы. Только на картинках.

Думала она и о корове, о том, как ту сейчас все сердит, раздражает. Вспоминала, как отвернулась она от них, как косилась подозрительно одним глазом, оглядываясь, как тревожно шевелила своими прекрасными пушистыми ушами. Девочке так хотелось поговорить с Буренушкой, успокоить ее... И при этом она понимала, что самое лучшее, что можно сделать сейчас для коровы, самое доброе и полезное, – это просто оставить ее в покое, не отвлекать, пока она набирается сил, чтобы дать новую жизнь...

Они отправились впятером: дедушка и четверо детей. Мальчишкам строго-настроено велено было вести себя тихо и просто молча смотреть, если теленочек уже родится. Главное – не растревожить мать-корову и не напугать малыша.

Нина встретила их у калитки, явно усталая, но веселая. Она, оказывается, думала, что корова родит ночью, и в дом спать не уходила. В хлев Буренка не пошла, отказалась, ушла на лужайке в тот уголок, где росли кусты, и там осталась стоять. Она уже опытная мать, это третий ее теленочек, поэтому Нина была уверена, что все пройдет хорошо. Но корове требовалась человеческая помощь. Теленочка же надо принять, пуповину обработать, уложить на чистую рогожку, постеленную поверх соломы.

Коровушка маялась, и Нина маялась вместе с ней. Она притащила раскладушку и улеглась поблизости, ночи теплые, соловьиные. Часа два

удалось поспать. А под утро – только успевай! Только помогай!

– Он появился? – шепотом спросила Птича, боясь надеяться.

– Она! Девочка! Маленькая тёлочка, – тоже тихо ответила Нина и повела их посмотреть на новорожденную.

Они остановились в отдалении. Теленочек, худенький, маленький, стоял, чуть покачиваясь, рядом с матерью.

– А почему она такая... худенькая совсем? – спросил кто-то из мальчишек.

– Ничего, подрастет, расправится, – уверенно ответила Нина. – Дайте только срок.

Птича потом долго размышляла о том, какой красивой жизнью живет баба Нина и вся ее семья. Красота ее жизни ощущалась всеми, каждый хотел с ней общаться, видеть ее... А ведь никаким канонам она не соответствовала: крупная, руки натруженные, красные, лицо широкое, в веснушках... А первая мысль: хочу к ней, с ней хорошо!

Вот эта самая баба Нина вещала сейчас по громкоговорителю о молочке, творожке и прочих деревенских радостях...

Викуся, конечно, всплакнула, проснувшись от странных звуков. Сана подхватила ее на руки и пошла к забору. Генка, широко улыбаясь, вышагивал рядом.

Баба Нина сидела в машине рядом с водителем, высунувшись из открытого окна, держа в руке рупор.

«Как у них теперь все механизировано», – радостно подумала Птича.

– Сабинка! Да никак ты! Вы с Генкой? – удивилась баба Нина и скорее выскочила навстречу своим давним знакомым. – А твой-то где? А это кто?

Генка засмеялся. Вопросы из бабы Нины сыпались, как горох.

– Ты, никак, развелась со своим-то? – все не унималась неугомонная молочница.

– Уже почти, – решительно согласилась Птича.

– А я знаешь, так и думала, – как о чем-то совершенно обыденном и решенном проговорила баба Нина. – Вот как вас с ним еще в самом начале увидела, так и подумала: чужой он им всем, не прилепится, не-а. Видишь, глаз у меня – алмаз.

– Что ж сразу-то не сказали, баба Нина? – заинтересовался Генка. – Может, она бы прислушалась.

– Так они уже расписались тогда, я ж не враг им. Но он уж больно гордый. Не годится для хороших людей. Один грех с такими.

– Это точно, – подтвердила Птича, – один грех и страх.

– Так ты теперь с Геннадием? – продолжала Нина выяснять отношения. – И правильно. Вы ж и маленькие дружились. А потом чего-то занесло... Бывает. По молодости шарахаются некоторые не в ту степь.

– Мы, – начала Птича, – мы...

– Мы – да! – торжественно провозгласил Генка. – Мы теперь – да!

Он слегка толкнул плечом подругу, чтобы та оставила эту тему в покое.

Птича поняла и повиновалась.

– А эта маленькая красавица, стало быть, ваша? – последовал дальнейший, вполне логичный вопрос.

– Нет! – решительно сказала Сана, не желавшая никого вводить в заблуждение, – это не наша. Это я подруге помогаю. Я Викузина крестная.

– Ну, значит, свои не за горами! – оптимистично пообещала баба Нина. – У меня всегда было: как с подружкиным младенцем потетешкаюсь, так через месяц-другой сама понесу. Приходите опять теленочка посмотреть – у нас на днях народился. Бычок! Крепкий! Загляденье!

– Придем! Да, Птич? – спросил Геныч на всякий случай.

– Да, – радостно откликнулась Сана, – мы завтра придем. А послезавтра как раз Нелька приедет за Викусей. Завтра бычка Викусе покажем.

– Гы, – сказала Викуся и улыбнулась бабе Нине.

– Ну, что берем? И сколько? – ласково спросила Нина, любуясь младенцем на Саниных руках. – А я, видишь, какая теперь важная барыня стала? Мы ж теперь на «Ниве» заказы дачниками развозим. Мой за рулем. Теперь что хочешь, то и привезу, хочешь – творог, хочешь сметану, хочешь – яички. Целая ферма у нас семейная...

– Мы завтра скажем, баб Нин, ладно? Я у деда спрошу, мы решим, сколько тут народу заживет, и скажем.

Они попрощались до завтра.

Геныч занялся самоваром.

Птича задумалась о Нельке. Лишь бы все у нее было хорошо! Она прижала к себе Викусю и пообещала:

– Скоро мама приедет! Вот увидишь!

Только бы Нельку дожидаться

– Ничего, ничего, вот вернется Нелька...

Так Сана думала все эти дни, пока нянчилась с Викусей. Нет, ей не было трудно, непривычно, скучно возиться с малышкой. Все мельчайшие тонкости заботы о младенцах пришлось постичь давным-давно, ухаживая за младшими братьями.

Когда-то она сама с уверенностью представляла, как радостно нарожает одного за одним человек десять, как дети ее заживут, не зная тех горестей и страхов, которые пришлось пережить ей самой в свое время...

У нее не сбылось. Пока... И когда кончится это «пока», никто не знает.

А Нелька ни о чем таком не мечтала, но вот – уже есть у нее Викуся...

Наверное, так всегда бывает. Дается не тем... А может быть, именно тем и тогда, когда это особенно необходимо. Просто людям не дано этого понять или хотя бы объяснить.

Сана увидела Нелю впервые, когда той едва исполнилось пятнадцать лет.

Шел кастинг, надо было выбрать всего одну девушку для показа всего одного конкурсного платья. Девушек на отбор собралось дикое количество – не сосчитать. И все, как одна, яркие, интересные, настоящие красавицы.

В первый момент Сана даже растерялась, не понимая, кого же выбрать. И вдруг увидела удивительные глаза. Глаза серны. Так она про себя определила.

У них дома с незапамятных времен стояла фарфоровая статуэтка. Детеныш серны. Сана могла долго-долго разглядывать глаза существа, казавшегося ей живым.

И вот сейчас на нее смотрели те самые глаза. Не черные и даже не карие. Скорее темно-темно-зеленые, почти хаки. Редкий цвет. И волосы редкого оттенка – рыже-каштановые.

Девушка, даже совершенно не накрашенная (таково было условие кастинга), обращала на себя всеобщее внимание, хотя старалась выглядеть как можно незаметнее.

Она, как оказалось потом, пришла на кастинг за компанию с подругой, полной амбиций и планов на будущее.

Такое нередко случается. Улыбка фортуны иной раз обращается не к тому, кто от нее что-то настоятельно требует, а, наоборот, к тому, кто ничего

не просит и тихо ждет в уголке.

Именно так, в уголке, на стуле, ссутулившись, сидела девушка с глазами серны. Все вокруг тянулись, стараясь показать себя, она же терпеливо ждала подругу, скукожившись на стуле в уголке.

И надо же было такому случиться: Сана и Неля взглянули друг на друга...

Все решилось сразу.

– Подойдите, пожалуйста. Да-да, вы, девочка. Распрямитесь, не сутультесь. Пройдитесь. Повернитесь... Так. Все. Мне нужна эта модель.

Выбор оказался, что называется, в десятку. С Нелькой в качестве модели был получен главный приз на том конкурсе.

Они подружились – подросток Нелька и казавшаяся себе уже тогда совсем взрослой замужняя бизнесвумен Сана.

Обстоятельства Нелькиной жизни оказались тяжелыми. Впрочем, как у очень и очень многих в стране, не знающей покоя.

Отец ее до четырнадцати Нелькиных лет жил тихо-мирно в семье, благополучие которой держалось на маме. Мама работала на нескольких работах, чтобы дать возможность талантливому мужу искать себя и совершенствовать свое мастерство. Он считал себя то ли художником, то ли скульптором, а иногда даже поэтом. Делал попытки торговать плодами своего творческого полета. Но народ, видимо, еще не созрел до осознания ценности его шедевров и ничего не покупал. Тупые темные люди, серая биомасса. Что с них возьмешь?

Семья тем не менее жила вполне благополучно, без ссор и скандалов. Мать вертелась как могла, Нелька училась, росла, делалась, по собственному мнению, все страшнее и страшнее, пока не превратилась в полную уродину. В школе ее дразнили «каланча» за высокий рост, и вообще как только ни называли... Она старалась пропускать все мимо ушей. Что поделаешь? Действительно – выше всех в классе. Каланча. И в кого только уродилась?

Потом вдруг, буквально в один миг, все дома рухнуло. Просто разом развалилось, как карточный домик.

Отец почему-то ушел к другой женщине. Сказал, что полюбил человека, который его полностью понимает.

– Да разве же я не понимала? – подавленно спрашивала мама. – Я же все делала, старалась, чтобы освободить тебя, твое время... Чтоб ты мог спокойно думать, творить...

– Это тебе так казалась, что ты все делала. А я задыхался во всем

этом...

Отец обвел широким жестом их комнату в коммуналке. Кстати, совсем даже приличную комнату: два окна, двадцать три квадратных метра площадью, в центре Москвы. Ну, конечно, другие жильцы, еще пять семей. Конечно, единственный, вечно занятый туалет. Но ведь есть на свете люди – и этого не имеют...

Короче, отец ушел к той, у которой имелась двухкомнатная квартира. Та, новая любовь, сразу выделила отцу комнату под мастерскую. Чтоб он реализовывал наконец себя в полную силу.

И он ушел. Быстро оформил развод и зажил счастливо с той, которая создала ему более надежную базу, адекватную его таланту.

Мать держалась как могла. Старалась, работала, как прежде. Нелька училась изо всех сил, чтобы поскорее встать на ноги и помогать маме. Но мать стала чахнуть на глазах. Не жаловалась, работала, но видно было, что силы оставляют ее.

Нелька слезно умоляла маму показаться врачу, но та упрямилась, отмахивалась. А когда все-таки обратилась за помощью, было уже поздно. Болезнь почти сожрала ее изнутри. Жуткая болезнь, название которой люди суеверно боятся произносить.

В общем, операцию делать оказалось уже поздно. И химиотерапию, и все, что обычно стараются делать в таких случаях... Тут врачи в один голос сказали: смысла нет зря мучить человека.

Они определили срок жизни Нелькиной маме в один месяц. Та прожила целых четыре. Держалась из любви к дочери, из страха за нее: как останется одна-одинешенька на всем белом свете, который на самом деле далеко не всегда белый, особенно по отношению к сиротам?

Мать говорила с Нелькой, пока могла. Все объясняла, как той стать на ноги, как блюсти себя, как остерегаться плохих людей, которых развелось видимо-невидимо повсюду.

Нелька обещала все в точности выполнить, о чем просила мама. Она не просто успокаивала больную, она твердо знала, что слово свое сдержит, чтобы мамочка и оттуда видела и радовалась за нее.

За пару дней до окончательного прощания мать почувствовала себя получше. Она собралась с силами и внятно, членораздельно продиктовала Нельке, велев той записывать, что следует сделать после похорон.

Во-первых, никому не распространяться о материнской смерти. Набегут опекуны, не отвяжешься. Комнату захотят отнять. Саму Нельку запишут в детдом, а комнату приберут к рукам. Неважно, что она приватизированная. Найдут способы.

Во-вторых, если все-таки заявятся заботливые твари, желающие поживиться на детском сиротстве, надо твердо говорить, что она никакая не сирота, у нее есть отец, который о ней заботится. Поэтому опекунов ей не надо.

В-третьих, отцу тоже о смерти матери говорить нельзя без особой на то надобности. Потому как он живет сейчас с человеком, который не постеснялся увести мужа из семьи, несмотря на ребенка. Поэтому и в дальнейшем надеяться на ее доброе отношение опасно. Вдруг и ей захочется расширить жилплощадь за счет Нелькиного единственного пристанища?

– Тебе главное – школу успеть покончить, в институт поступить (в любой, в какой получится), а там я за тебя спокойна, – внятно внушала мама. – А за любовью не гонись. И силы на любовь не клади, как я делала. Видишь, что вышло. Жизнь твоя, тебе ее и беречь.

Потом мамочка велела принести ей с ее полки в платяном шкафу шкатулочку. Там оказались деньги, которые она ухитрялась откладывать на дочкины нужды. Начала еще при отце. Показалось, что так будет правильно. И вот сейчас ей за дочку не так страшно. Если сильно все высчитывать, платить только за коммунальные услуги и за самую простую еду, хватит надолго.

В шкатулочке оказалось семь тысяч долларов. Нелька ужаснулась. Мама ведь не на них с отцом сэкономила. На себе. Себя губила из-за этих денег.

– На похороны отсюда не бери. Похоронные отдельно лежат. Мне на работе выделили. Приезжали тут, помнишь? Я их попросила собрать кто сколько может. Ради тебя. Все возьмешь там, в бельевом ящике.

Нелька кивала, обещала... Ей себя жалко не было ни капельки. Ей только не хотелось, чтобы маме было больно.

– Мамочка, я тебе обещаю, все будет у меня хорошо, – заверяла она.

– Не просто хорошо, а по уму, – требовала больная.

– По уму! – клялась Нелечка.

– Злой не будь, но не верь никому. Особенно тем, кто кажется очень добреньким. Просто так добренькими казаться не стараются. Это значит, нужно что-то от тебя. Но сама зла никому не делай и плохие мысли гони.

– Да, мамочка, да, – соглашалась девочка.

Конечно, мама была во всем права.

Нелька держалась. Не плакала в школе. Никому ничего не говорила. Для всех она по-прежнему была Каланча, Жердь и всякое такое. Ей даже нравилось, что никто ничего не знает, не жалеет ее, не причитает.

Обойдется!

Но ничего, конечно, не обошлось.

Рядом жили соседи, которым очень хотелось как-то расшириться. Они, как шакалы, осторожно, шагком за шагком, приближались к добыче. Просто пробовали на всякий случай – а вдруг номер пройдет.

Прислали к Нельке опеку.

Она не могла не открыть. В квартиру теток из органов опеки пустили добрые люди. И у ее двери говорили:

– Стучитесь погромче. Она дома. Ребенок дома один – виданое ли дело! Надо помочь!

Нелька открыла на стук.

Она стояла – спокойная, собранная, аккуратная. На вид вполне взрослая.

– Я вас слушаю, – промолвила она. – Вы по какому вопросу?

Тетки из опеки явно разозлились такому независимому тону несчастного одинокого ребенка. Им как-то сразу захотелось ее окоротить, показать свою власть. И завели они песню, точно такую, о которой говорила мама, что, мол, ребенку одному нельзя, что надо ехать в интернат и все такое.

– А почему вы решили, что я одна? – с достоинством возразила Нелька. – У меня есть папа, который за мной присматривает и обеспечивает всем необходимым.

Тетки потребовали свидетельство о рождении, чтобы убедиться: папа в графе «отец» имеется. Но, чтобы не сдаваться без боя, велели отцу явиться к ним для подробного обсуждения судьбы подростка, лишившегося матери.

– Хорошо, я ему скажу, он зайдет, – пообещала Неля.

Работницы отдела опеки внимательно и придирчиво осмотрели жилое помещение, в котором проживала подозрительная сирота. Придраться было не к чему. Все сияло чистотой. Кровать, застеленная чистейшим бельем, стол, за которым подросток готовил домашние задания, шкаф с одеждой – все просто удивляло видавших виды теток.

Правда, в холодильнике было негусто еды. Но яйца, сыр, масло и молоко присутствовали.

– Я в школьной столовой ем, – пояснила Неля. – Это только на завтрак...

– Ну что ж, приглашай отца, – повелели вершительницы детских судеб и отчалили.

Некоторое время Нелька надеялась, что про нее просто забудут. Ведь ничего пугающего при осмотре комнаты обнаружено не было.

Может быть, так бы и вышло. Но соседям явно не терпелось.

Органы опеки снова напомнили о себе.

Что было делать?

Пришлось звонить папаше. Сам он им последний год звонил всего пару раз. Один раз пальто свое осеннее хотел забрать. А второй раз спрашивал телефон какого-то общего знакомого. Вот и все общение. Нелька не удивилась бы, если бы он вообще на звонок не откликнулся. Но он, к счастью, отозвался. Она вынуждена была сказать о том, что таила от всех, от кого только могла утаить, – о смерти матери.

– У меня денег нет, – немедленно среагировал отец. – Ничем помочь не могу.

– Мне не надо. Я подрабатываю, – соврала Нелька.

Больше всего на свете ей хотелось отключиться и не продолжать этот рвущий душу на части разговор. Но приходилось сдерживаться. Так было надо.

– Я рекламные газеты разношу, – для большей достоверности пояснила она.

– Когда похороны? – спросил папаша.

– Уже давно похоронили. Месяц назад.

– Что же от меня требуется?

– Органы опеки требуют, чтобы ты подтвердил, что заботишься обо мне. Я сказала, что ты заботишься, денег даешь. Иначе они алименты взыскивать станут. А мне не надо.

Нелька говорила как по наитию. Умно получилось. Она вроде как даже отца защитила от органов.

Тема алиментов явно испугала папашу.

– Так что я должен сделать, говоришь?

– Пойди и скажи им, что ты заботишься обо мне и собираешься заботиться вплоть до моего совершеннолетия. Я им уже это все сказала. Но они требуют от тебя подтверждение.

Удивительно, но отец действительно сходил и подтвердил все, что говорила Нелька теткам из опеки.

Ну что? Спасибо папаше. Они отстали. И он тоже не давал о себе знать.

Нелька жила, экономя изо всех сил. Училась, следуя материнским наставлениям.

А тут вот и произошел этот случай с кастингом, когда выбор пал на нее, самую, как она считала, некрасивую из всех собравшихся.

Нелька необъяснимо для самой себя почему-то поверила Сане. Вернее,

почувствовала, что никакой угрозы этот человек для нее не представляет. Уж что-что, но комната в коммуналке никак не могла стать объектом вожделения Сабины Мухиной. А Нельке давно хотелось с кем-то поговорить. Ну, они же с мамой раньше все время разговаривали, делились всем-всем. А теперь надо молчать и всех бояться. Тяжко это.

Сана историю девочки приняла близко к сердцу. Она почувствовала, что не просто так они встретились. Не просто так заметила она печальные глаза девушки-серны. Значит, именно ее долг – не дать пропасть одинокому подростку.

Она кормила свою подопечную при первой же возможности. Одевала, наставляла, занимала во всех своих показах. Нелька знала теперь, что не одна. Она повеселела. Нрав ее оказался – лучше не придумаешь. Всегда веселая, без капризов, без истерик, умеющая внимательно выслушать. И собственную голову всегда включала, когда требовалось.

В шестнадцать лет вдруг открылась перед ней отличная возможность: знаменитое модельное агентство в Париже предложило очень выгодный контракт.

– Что делать? Надо же школу заканчивать! Я маме в институт поступить обещала, – растерялась Нелечка.

– Но такое предложение раз в жизни бывает. Надо ехать! – решила Сана. – Будешь прилетать сюда в свободное время, сдавать экстерном. В контракте оговорим, что тебе необходимо время на экзамены. А потом поступишь на заочный. Хотя вполне и в Париже можно учиться, если захочешь.

– Я маме обещала тут, в Москве, институт окончить, – настаивала Неля.

Мамины заветы она намеревалась исполнять свято. В этом и была ее удивительная сила.

– Значит, тут и поступим, – согласилась Сана. – Я тебе всегда помогу. Считай, что я маме твоей обещала.

Шестнадцатилетней девочке снова понадобилась встреча с отцом. На этот раз надо было, чтобы он дал нотариально заверенное согласие на поездку своей дочери за границу.

Отец вел себя осторожно. Пообещал подумать и решить. Видимо, держал совет со своей женой. А вдруг из этой дочерней просьбы можно будет извлечь какую-то выгоду?

Когда Неля позвонила ему, чтобы узнать, готов ли он оформить разрешение (деньги на нотариуса, разумеется, давала она), отец выдвинул

свое контрпредложение.

В обмен на выдачу разрешения он предложил, чтобы дочь дала возможность отцу с женой жить в ее комнате, раз уж она все равно уезжать намылилась. Супруги собрались сдавать двухкомнатную квартиру, с этих денег жить, но все упиралось в то, что самим-то где-то ночевать необходимо.

Неля посоветовалась с Саной.

– Пусть живут, хозяйка-то все равно ты, – решила Сана.

– А он до моего совершеннолетия не успеет напакостить? Вдруг я уеду, он на себя переоформит... Мама предупреждала...

Сана побоялась брать на себя ответственность, решили обратиться к адвокату... Время поджимало.

Отец тем временем выдвинул новое жесткое требование: он даст разрешение в обмен на долю в жилплощади дочери. Нет – значит, пусть остается на родине. Где родился, там и пригодился, как говорится. А хочет лучшей доли, пусть позаботится о старших родственниках.

Нелька рассуждала как взрослая. Взвешивала все «за» и «против». И пришла самостоятельно к выводу, что ничего другого не остается, как пойти на условия отца. Ее контракт принесет ей гораздо больше, чем она сейчас потеряет, отдав половину своей комнаты родителю.

Пусть подавится. Она получит достаточно денег, чтобы обеспечить себя собственным жильем и много чем еще.

Только вот вопрос: где же ей самой-то останавливаться, когда придется прилетать в Москву?

Эту проблему Сана решила, договорившись с собственными дедушкой и бабушкой. Те практически круглый год жили на даче, так что ничего не имели против, если девочка, за которую ручается их внучка, станет останавливаться в их квартире.

Теперь они обе, и Нелька, и Сана, старались все обустроить так, как было когда-то обещано маме.

Нелька работала. Много, упорно и тяжело. Деньги за просто так нигде и никто не платит. Еще она учила французский и английский языки. Еще должна была все время совершенствовать себя и постоянно находиться в отличной форме. И еще – требовалось учиться, сдавать экстерном зачеты, экзамены. Ни минуты свободной не оставалось.

Школу успешно окончили! Как и было маме обещано.

Нелька решила, что поступать надо в какой-нибудь экономический вуз, чтобы получить диплом бухгалтера. Мама говорила, что бухгалтер всегда и везде нужен. Красота не вечна. Кончится красота, что тогда? Профессия

нужна.

– Да когда она кончится, твоя красота? – смеялась над рассудительной девчонкой Сана, но переубедить Нелю не удалось.

Что ж – бухгалтер, так бухгалтер. Может, и правда пригодится.

Поступили в финансовый, на заочное.

На восемнадцатилетие Неля сделала сама себе подарок: купила хорошую трехкомнатную в кирпичном доме на Белорусской. Дом сам по себе не был каким-то особенным. Так она решила сама. Зачем выпендриваться, мало ли что? Квартира должна быть такой, чтобы Неля в любом случае, как бы ни шли ее дела, могла за нее платить.

Сделала ремонт – мама была бы довольна.

Отцу она про квартиру, естественно, ничего не сказала. Не его это было дело. Совсем не его. По той комнате, в которой она столько страдала, в которой прощалась навеки с мамой, она не скучала ни капельки. Но и дарить маминemu обидчику ту половину, что осталась ей при дележке, ей не хотелось.

– Маленький, но особо мощный русский трактор, – так называли Нельку в ее парижском агентстве.

Да, пахала она не хуже трактора. И зарабатывала отлично. И не транжирила на пустяки, как остальные девчонки. Она хорошо помнила, что такое «черный день» и где бы она была, если бы мама из своих скудных заработков (только сейчас стала Неля понимать, насколько они были скудными) – так вот, если бы мамочка не скопила тогда те деньги, на которые жила девочка, оставшись одна.

Наконец дожили они с Саной и до получения диплома о высшем образовании.

Все, что маме обещала, Неля исполнила. Она твердо стояла на ногах, ни от кого не зависела. Работала она по-прежнему в полную силу, но стала подумывать о том, что еще несколько лет – и надо будет взяться за что-то другое. Советовалась с Саной. Та утешала, что в любой момент возьмет ее к себе управляющей делами. С такой обязательностью, честностью, упертостью – да подобного специалиста с руками и ногами везде оторвут...

Эти заверения успокаивали Нельку, и она продолжала пока что трудиться на ниве зарубежной моды.

Однажды Неля летела в очередной раз из Москвы в Париж. Вполне могла лететь и бизнес-классом, но никогда себе не позволяла подобных трат. Вот если фирма платит – пожалуйста. Свои деньги пускать на ветер – ни за что и никогда.

Она проходила салон бизнес-класса, направляясь к своему месту,

оказавшемуся чуть ли не в хвосте самолета, и случайно встретилась глазами с мужчиной. Отметила про себя его вкус, стиль, ухоженность... Неужели русский?

Русские мужчины, даже вполне пристойно одетые, отличались все же некой дикостью облика. Легкости не было в их манерах, зажатость присутствовала. Неля всегда безошибочно определяла своих соотечественников, еще не слыша русской речи. А уж когда речь слышалась... Тут уж и сказать нечего... Уж больно исконно-посконные речи произносились нынче родными мужчинами, без всякой оглядки на дамские нежные ушки... Или ушки тоже уже перестали быть нежными?

Однако, взглянув мельком на сидящего в просторном кресле бизнес-класса пассажира, Неля усомнилась. Неужели наш?

Хорош, подумала она вполне отстраненно и побрела себе дальше.

Когда самолет взлетел, этот самый красавец из бизнес-класса подошел к ее креслу и попросил разрешения сесть рядом.

– Я хотел вас к себе пригласить, но стюардессы говорят «нельзя». А здесь – можно.

– Садитесь, – пропустила Неля странного человека.

Она сама любила сидеть у прохода. В тот раз самолет летел полупустой, и кресла рядом оказались свободными.

– Меня Саша зовут, – представился новый сосед.

– Угу, – пробурчала Неля.

Все с Сашей было ясно. Не впервой. Увидел девушку, и понеслось.

Неля всем видом своим давала понять, что в подобных играх не участвует и участвовать не собирается.

Сашу это почему-то не просто смешило, а буквально нежно умиляло. Видно было, что холодность и отстраненность девушки только раззадоривают его.

В итоге, конечно, разговорились. Все-все друг другу рассказали. (Это Нелька была уверена, что все-все, ее как прорвало после стольких лет осторожной сдержанности.)

Саша, впрочем, тоже говорил много, умело шутил и вел себя удивительно красиво. Не жлобился и не купечествовал, не предлагал скупить весь самолетный магазин с его духами, косметикой и платками, не уговаривал выпить... Зато довез из аэропорта до самого дома (его встречала машина), позвал продолжить разговор за ужином, появился с прелестным букетом...

Ну, и что?

Может человеку впервые в жизни быть просто беззаботно хорошо?

Может какая-то награда в определенный момент неожиданно спуститься с небес, учитывая все старания этого человека (Нелька, конечно, имела в виду себя), видя, что человек трудится как заведенный, слово, данное матери, держит свято (полкомнаты, отданные отцу, не в счет – а как иначе могла она поступить), деньги не транжирит, живет по уму...

Разве не может после долгих честных трудов вот так вот взять и привалить ей личное счастье?

Вполне реальное, не сказочное!

Ей действительно было хорошо!

Саша – крупный бизнесмен, очень умный и деловой человек. По стремлению трудиться не покладая рук они друг другу подходили идеально. И по всему остальному тоже.

Он сам много раз удивлялся. Говорил, что не может быть, чтобы так совпало: встретились две половинки.

Абсолютное понимание во всем. Его бережное и уважительное отношение. Его стремление подставить плечо, помочь, позаботиться.

Не требовалось с ее стороны никаких ухищрений, никаких уловок, чтобы завоевать, охмурить. Все в их отношениях изначально покоряло своей честностью, открытостью и понятным обоюдным стремлением быть рядом.

Один-единственный минус. Их графики совпадали редко. Он в Москве – она в Париже. Он в Париже, она на съемках в Майами... И так далее. Ну – как-то исхитрялись. Каждый день болтали подолгу, благо скайп есть – ничего платить не надо. Смотришь в любимые глаза и стонешь: хочу к тебе, хочу с тобой...

Зато встречи какие были! Радость, смех, счастье нон-стоп.

Все казалось сказкой. Чудесной сказкой – с самого начала.

Нелька даже захотела за него замуж. Но, конечно, ни словом, ни намеком не дала это понять любимому. Она умела сама себе объяснить все-все.

Ну вот зачем ей замуж?

У него все есть, да. Но и у нее все есть. И ничего не изменится в их жизни, если они поженятся. Она так же должна выполнять условия своего контракта. Он запрограммирован на непрерывный труд. Ведь и после свадьбы будет абсолютно то же самое. Тогда – зачем?

Ну – хотелось. Хотелось настоящего родства. Чтобы появился настоящий, самый близкий родственник.

Но они и так – ближе некуда...

Мысли эти существование особо не омрачали.

Прошло больше года со дня их встречи в самолете. Чувства не утихали.

И вот однажды, все в том же Париже, за сказочным ужином в знаменитом ресторане состоялся между ними интересный разговор.

Они сделали заказ и принялись было болтать обо всем, что происходило с ними за время разлуки. Казалось несущественным, что все ежедневно обсуждалось по телефону, скайпу и т. п. Когда оказываешься рядом, все выглядит и воспринимается совершенно по-другому...

Саша вдруг вытащил из кармана бархатную коробочку.

Сердце Нельки подпрыгнуло.

Неужели?

Он накрыл коробочку своей большой прекрасной надежной рукой, которую она так любила гладить и целовать.

– У меня к тебе необычное предложение. А может, не необычное. Но... В общем слушай. Я долго думал и предлагаю тебе гражданский брак. Не перебивай. Я сейчас поясню, что я под этим понимаю. И вместе решим.

Дальше Саша принялся высказывать ну просто ее собственные мысли.

Что они оба обеспеченные люди.

Что им друг от друга ничего не надо, кроме них самих с их удивительной редкой любовью.

И зачем тогда глупый и унижительный штамп в паспорте?

Зачем вмешивать пошлое государство в дело их любви?

Сколько он замечал, наблюдая за личной жизнью друзей, штамп ни от чего не спасает.

Кроме того, у него, например, очень ревнивая, просто сумасшедшая мама. Она вполне способна разрушить семейную жизнь. Поэтому лучше ей вообще ничего не знать. Всем спокойнее.

– Теперь смотри – я тебе сегодня предлагаю считать друг друга мужем и женой. Мы заключаем между собой гражданский брак. Я – твой гражданский муж. Ты – моя гражданская жена. Мы обещаем друг другу верность, любовь, радость, помощь... Но афишировать-то зачем? Столько зависти вокруг... Шум поднимется...

Что удивительно – совсем недавно Неля спорила со своей знакомой девушкой о том, что под словами «гражданский брак» сейчас понимают обыкновенное сожительство. Потому что гражданский брак – это как раз и есть штамп в паспорте, законная то есть регистрация отношений. Она,

Неля, уговаривала эту самую девушку подумать о будущем, о детях и на сожительство не соглашаться. И даже, кажется, убедила ту в собственной правоте.

Но в тот вечер она и не вспомнила о своих доводах. Саша говорил более чем убедительно. И главное – мысли-то его совпали с ее раздумьями абсолютно. Как это, впрочем, случалось между ними постоянно.

– Я хочу тебя. Я люблю тебя. Я хочу от тебя обещания верности – вот почему предлагаю тебе такой брак. Наш. Личный. И никого это касаться не должно. Согласна?

Саша выглядел невероятно красивым в эту минуту. Его глаза сияли. В них отражалась явная, несомненная любовь.

– Я согласна! Я обещаю тебе верность на всю оставшуюся жизнь. Я хочу быть твоей женой.

– Тайной? – уточнил Саша.

– Тайной, – подтвердила Неля.

Он снял руку с коробочки, открыл ее. Из красной бархатной глубины сияло огромным бриллиантом колечко.

Это был первый подарок такого рода от Саши. Нелька строго-настрого с первых дней их любви запретила делать ей подарки. Цветы – да. Счет в ресторане – пусть, хотя она вполне способна поучаствовать. Но никакого этого золотишка, шмоточек... Ей не надо. То, что легко приходит, легко и уходит. Так мама учила.

Саша послушался и ничего такого не дарил. Уважал ее принципы. Даже как-то сказал, что гордится ею.

– Возьмешь? – спросил он, нерешительно пододвигая в ее сторону коробочку с дивным кольцом.

– Да! – засмеялась Нелька. – Это же обручальное! Конечно, возьму.

Те посиделки в ресторане они называли теперь днем свадьбы. Обещали друг другу отмечать годовщины. Надеялись в том же ресторане справить серебряную и золотую свадьбу. Это Саша и предложил. Он вообще много фантазировал об их будущем, придумывал всякие смешные эпизоды, истории.

– А дети? Сколько я должна родить тебе детей? – спрашивала Нелька.

– Давай к этому вопросу вернемся в первую годовщину нашей свадьбы. Я этот год предлагаю считать медовым годом. А потом спланируем, идет?

– Идет! Медовый год – круто!

Такого счастливого дня в жизни Нельки еще никогда не было.

И надо сказать, что отношения между ними изменились. Странно, до этого казалось, что лучше быть не может. Оказалось – может! И еще как! Нелька полностью отдалась своей любви. Больше между ними не существовало никаких барьеров. Она и думала теперь о Саше «муж». Он же, лаская ее, всегда говорил «жена моя».

Кольцо она носила не снимая. Кстати, никто не спрашивал, не помолвлена ли она, часом. Кольцо видом своим несколько отличалось от традиционных обручальных колец, выглядело значительно массивнее, да и камень Саша выбрал, не скупясь, редкой величины и чистоты.

Никому Неля про свой «гражданский брак» не рассказывала. Даже Сане. Уговор, так уговор.

И эта тайна ее брака в сочетании с полной открытостью между ней и мужем очень возбуждала.

Где и как только они ни любили друг друга! Саша мог прилететь на несколько часов – и начиналось.

Любые фантазии, любые острые ощущения – все они привыкли проговаривать и осуществлять.

Саша любил повторять, что между мужем и женой запретных тем и ласк быть не может. Иначе это не муж и жена.

Неля сначала стыдилась, а потом поняла, насколько же муж ее прав. Они созданы изначально друг для друга. И какой тогда стыд? Какое стеснение? Если они – единое целое? Это ж чудо, что нашлись! Теперь их главная задача – радовать друг друга. Искать источники радости и радовать.

Что еще умиляло Нелю – это его трепетное отношение к ней. Он, например, поставил очень жесткое условие: никаких игр в кухарку и хозяйку.

– Ты создана для любви, а не для плиты и пылесоса. Поэтому никаких готовок, никакого запаха кухни. Ты – чудо! Я к тебе не жрать прилетаю. Я к счастью своему лечу. А счастье и быт – вещи несовместимые.

Неля гордилась своим мужем. Кто еще решит вести себя с женой именно так? Именно не губить любовь бытом, а наоборот – усиливать любовь и тягу жены к мужу невероятными ласками.

Тут, конечно, Саше равных не было.

Жаль, виделись они не очень часто. Не так, как хотелось, не так, как ей было нужно... Опять же – на помощь приходили их видеосеансы. Саша любил, когда она перед ним раздевалась, говорила о своих желаниях, ощущениях... Тогда словно и не существовало расстояния между ними.

Кстати, к тому времени Неля купила дом с красивым старинным садом в двух часах езды от Парижа. Это обошлось гораздо дешевле, чем

маленькая парижская квартирка. Провинциальная глушь мало кого интересовала. Все стремились в столицу, ясное дело. А она подумала и решила, что, когда у них с Сашенькой пойдут детки, им хорошо будет расти на свежем воздухе, в просторном доме... Дом обновили, привели в прекрасное состояние. Они любили оказаться там вдвоем, разжечь камин, улечься на ковре...

Красивая жизнь! Удивительно красивая сказочная жизнь...

Неля не переставала повторять про себя эти слова.

Как-то, набаловавшись, нарезвившись, устав, они лежали в обнимку, переводя дух, набираясь сил...

– Какой ты красивый, муж, – полусонно забормотала Неля, – вот все в тебе такое... мое... лучше быть не может...

– А ты вся моя, – в полудреме шептал в ответ муж. – Вся – и тут, и тут, и тут – моя девочка...

– Я бы хотела, чтобы все наши дети были похожи на тебя, – принялась мечтать любящая жена. – Чтоб твои глаза, твои губки...

Саша вдруг проснулся. Она почувствовала исходящее от него странное напряжение.

– Слушай, детулик, мы же договорились... Даже ни слова о детях до первой годовщины. Да я бы и потом подождал. Посмотри, как ты юна, прекрасна, упруга... Ты сейчас – само совершенство. Я тебя хочу не переставая. Сам удивляюсь – так не бывает. Думаю. «Нелька, жена» – и все. Пропал... Зачем тебе эта гинекология? Эта обвисшая грудь, живот дряблый... Ты еще птенец. Учись любви. Детей вообще можно и нужно после тридцати заводить. Когда все-все уже испробовано...

Нелька тогда поняла, насколько же сильно любит ее Саша. Любит ее тело, ее красоту... Не хочет ей хлопот или проблем. Да, она, как и он, не хотела теперь всей этой гинекологии. Рано ей. Незачем.

И как удивительно он умел убеждать! Одним противным словом убил в жене всю тягу к материнству!

Гинекология... Нет-нет! Ей рано! Ей точно совершенно рано даже думать, даже мечтать о детях.

– Ты же не самка животного, чтобы к размножению стремиться неосознанно. Ты – прекрасный образец женщины – человека думающего женского пола. И если ты хочешь любить кого-то, кто будет похож на меня, – зачем? Люби меня. Вот он я, перед тобой. Под тобой, над тобой... Люби, бери...

О да! Она любила!

О детях и «гинекологии» думалось ей теперь с гордой брезгливостью.

Саша все хорошо и мудро разложил по полочкам.

Но почему-то любое счастье кончается.

И случается полное дерьмо.

Как раз когда она, сидя в душистой пенной ванне, думала о том, как она сильно изменилась, как счастье превратило ее в мягкую и нежную кошку, которой не нужны когти, ибо она под защитой, как раз через несколько часов после этих разнеженных мыслей дерьмо случилось.

И именно в Париже, городе ее любви.

Она участвовала в фотосессии – в рекламе украшений известного дизайнера. Вечером состоялся фуршет. Нелька дико устала и ни на какой фуршет идти категорически не хотела, но – контракт обязывал. Там тоже будут фотографии, там придется что-то говорить для светской хроники...

Ладно, деваться некуда.

Чувствовала она себя неважно. Кружилась голова, кости ломило, как перед гриппом. Ничего, впереди ожидалось несколько свободных дней, отлежится. Жаль только, Саша далеко. Она что-то слишком по нему соскучилась. Может быть, поэтому ей так зябко? Плохо все-таки быть одной...

Кое-как собралась...

Отправилась...

Считала минуты до окончания всей этой тоски зеленой.

И тут... Вдруг... Когда она сказала себе: «Все, еще ровно пятнадцать минут, и я отсюда линяю», именно в этот момент к ней подошла красивая (это сразу бросалось в глаза), ухоженная, но невероятно грустная женщина. Грусть ее не то чтобы бросалась в глаза, но шла некой волной, которая не могла не ощущаться даже на приличном расстоянии.

Одета женщина была с огромным вкусом. Туфли, сумка, платье – все из последней коллекции одного из лучших модных домов.

Любая деталь ее одежды привлекала Нелькино внимание именно тем, что она сама лично для себя выбрала бы то же самое. При этом внешне женщины ничуть не походили друг на друга.

Незнакомка не обладала модельным ростом и, похоже, представляла собой редкий теперь тип натуральной блондинки: ярко-голубые глаза, светлые-светлые волосы. Одно немножко отталкивало: силиконовые губы. Правда, накачали ей в губы силикона не до полного соответствия с мультяшными утками Мак-Дагом и Мак-Кряком, но все равно... Не нравились Нельке эти эксперименты с губами. Впрочем, какое ее дело. Пусть каждый выбирает себе тот имидж, какого заслуживает. Так Саша

обычно говорит, скорее бы уж прилетел...

Женщина приблизилась вплотную и нерешительно спросила по-русски:

– Простите, вас Неля зовут?

– Да, – кивнула Нелька.

– Можно мне с вами поговорить?

Почему-то Нельке очень не захотелось говорить с этой дамой, пострашному не захотелось. Тоска от той так и перла. Жутким и противоестественным казалось даже дышать с ней одним воздухом – вдруг заразишься этой черной тоской, что тогда?

– А вы не могли бы к моему агенту обратиться? – с надеждой спросила Неля, предположив, что – а вдруг – к ней обращаются по деловому вопросу. – Он как раз вон стоит, я вас представляю.

– Нет, – вздохнула женщина. – Мне бы именно с вами поговорить. Недолго. По личному делу.

– Ну, давайте отойдем, – согласилась недоумевающая Неля.

– Лучше бы, чтоб никто не помешал... Может быть, в кафе напротив зайдём? Там есть укромные уголки. Можно спокойно поговорить.

Предчувствие какой-то надвигающейся дряни так и накрыло Нельку. Она, ни о чем не расспрашивая незнакомку, согласилась пойти в кафе напротив.

Они уселись за столик. Заказали кофе.

– Вы курите? – спросила женщина.

– Нет, – ответила Неля.

– Я тоже не курю.

Принесли кофе.

Они обе отпили из своих чашечек.

В воздухе пахло грозой.

Реально.

– Неля, – произнесла наконец женщина. – Я не представилась. Меня Марина зовут. И я жена Саши.

– Какого Саши? – не поняла Нелька.

– Саши, с которым у вас роман.

Нелька оцепенела от ужаса. Такое чувство она уже испытывала один раз в жизни. Это произошло в тот момент, когда мамы не стало. Вот только что она еще дышала. Только что можно было на что-то надеяться, но... Но даже надежда пока еще оставалась: вдруг ей просто показалось? Вдруг мама просто дышит теперь совсем неслышно? Ей не хотелось узнавать

правду тогда. Вот она и сидела рядом, оцепенев, не чувствуя своего тела, рук, ног. И не желая ничего чувствовать.

Долго так сидела, пока не привыкла к мысли, что все – надежды больше нет никакой. Мамы нет. Она ушла. Надо жить теперь без надежды, без маминой любви...

Тут она вдруг вспомнила, что мама же как раз предупреждала: «Бойся, когда все слишком сладко, слишком хорошо... Не верь, когда все без сучка, без задоринки. Боком выйдет!»

И как это она забыла про этот пункт маминой жизненной программы?

Все помнила, а это забыла.

Расслабилась. От успехов голова кругом пошла...

Однако вдруг мелькнула надежда. Вдруг Неля все-таки не так поняла эту несчастную женщину? Вдруг она просто сумасшедшая? А вот надо сейчас набрать Сашу и сказать, что рядом с ней, Нелькой, сидит его жена. И пусть Саша захохочет своим прекрасным открытым смехом.

И после этого можно будет встать и спокойно, с достоинством свалить. И никогда больше с психованными не соглашаться коммуницировать.

Но оцепенение не давало сделать даже такую простую вещь, как позвонить мужу Саше.

Сумасшедшая между тем собралась с силами и заговорила:

– Я сама не своя. Простите. Так вышло. Не знаю, что теперь будет. Саша уехал и взял случайно мой компьютер. У нас одинаковые. Он торопился, опаздывал и перепутал. А я открыла, мне почту свою надо было посмотреть. Ну а там... фото ваши с ним... Я почему-то случайно кликнула на фото...

И там...

Женщина стала задыхаться. Не плакать, не всхлипывать, а именно задыхаться. Нелька знала, когда так бывает. Это случается, если слез больше не остается.

Знала она и о том, что за фото увидела женщина. Саша иногда фотографировал особые моменты их близости. Ему так хотелось, чтобы потом, когда они в разлуке, смотреть и вспоминать, как это все у них происходило. Пока они не стали мужем и женой, Неля ему фотографировать не разрешала, чувствуя жгучий стыд. А потом стыд прошел... Да – стыд прошел, а фотки на приятную память остались. Они иногда даже вместе их разглядывали...

В общем, едва переводя дух, порой косноязычно и сбивчиво, но все-таки поведала Марина обо всем, что узнала из Сашиних документов в лэптопе.

Там у Саши, помимо всего прочего, хранились и Нелькины письма с признаниями в любви к мужу, и ее график съёмок, передвижений. Все адреса, телефоны...

И тут женщина Марина, по ее словам, совсем потеряла голову, бросила все на свете и полетела в Париж, чтобы попасть на этот вот фуршет, чтобы поговорить, объяснить.

– А как вы докажете, что жена – вы? – догадалась спросить Неля.

Женщина засуетилась, порылась в сумке и предъявила Сашин внутренний паспорт.

– Вот штамп о браке. Вот свидетельство о браке – посмотрите. А вот в моем паспорте, видите, тут дети вписаны – это наши с Сашей дети. Видите, фамилия его, отчество...

Нелька смотрела внимательно. Она уже перестала быть разнеженной мягкой кошечкой. Она была той, прежней, одинокой и разумной сиротой, которой полагалось держать ухо востро.

Оказалось, что в браке Саша состоит 14 лет. В законном браке со штампом, который так унижает и убивает любовь.

Уже хорошо.

Детей Саша отковал немало. Четыре штуки.

Вот она где, гинекология-то, скрывалась! Куда уж тут без нее!

О чем-то очень хотелось спросить...

Мысль ускользала, но Нелька все же выхватила ее из недр памяти.

– А свекровь? Он говорил, что у него ревнивая мама...

– Свекровь – это свекровь. Вполне нормальная свекровь. Очень хорошая бабушка нашим детям. Она, кстати, с ними сейчас осталась. Я ж внезапно... Поднялась и полетела.

– А зачем вы летели? Что вы лично от меня в данном случае хотите? – жестко спросила Неля.

– Я... просто... прошу... пощадить. Там вы всюду пишете ему «муж»... Но у него дети... Они очень хорошие. Любят его. О себе не прошу. Я... Я давно чувствовала... Но дети... Как без него... Я не выживу...

Вот в это Нелька поверила. Эту паскудную тему она проходила на собственной шкуре. Когда папаша ее голимый свалил к своей козлодранке. Причем, что интересно, козлодранка не пожалела ни Нельку, ни уж тем более Нелькину маму. И мама действительно не выжила. Точь-в-точь как эта. Марина. Она уже и сейчас выглядит как нормальная доходяга, несмотря на свои дивные шмотки и аксессуары.

Нелька встряхнула головой и улыбнулась.

– Вы не волнуйтесь. От меня зла ни вам, ни детям вашим не будет. Живите со своим Сашей как сможете. Мы с ним больше не увидимся. Обещаю.

Женщина поверила.

В глазах ее, до этого пустых и мертвых, словно затеплился какой-то живой огонек.

Нелька залпом допила кофе из чашечки и заметила кольцо на своей руке. Такое любимое, привычное кольцо...

Она стащила его с пальца и сунула в ладонь Марины.

– Вот. Отдайте ему. Это будет правильно. Он все поймет. Не рыпнется. И еще. Можете мне пообещать? Уничтожьте там, в его компе, все фото и письма мои. Это важно. Вам так будет спокойнее. И мне.

– Обещаю, – кивнула Марина. – Мы сейчас вместе...

Она выудила из сумки компьютер, включила его...

Все следы Нелькиного счастья исчезали на глазах.

К концу их тщательной работы и духа от прошлого не осталось.

Как не осталось в Нелькиной голове и малейшей мысли о том, что оно, это недавнее прошлое, числилось когда-то счастливым.

В сухом остатке имелся лишь жгучий стыд и жуткая душевная боль.

Несколько свободных дней она пролежала дома, отключив все телефоны. Время принадлежало ей, заслуженное свободное время. Никому ничего не должна. Слез не было. Просто кусок в горло не лез. А если заставляла себя хоть что-то проглотить, начиналась рвота.

Тошнилово полное...

Потом Неля отработала три недели, все как в ее распорядке изначально планировалось. После этого она так и так собиралась лететь в Москву.

И вот только тут, в Москве, она поведала о своем «замужестве» Сане.

Высказалась, выплакалась...

– Не хочу в Париж. Не смогу там. Все напоминает, все больно, – рыдала Нелька.

– Оставайся тут. Будешь у меня работать. Станешь моей правой рукой. Мы ж договаривались, – утешала Сана.

– Не смогу. По контракту еще год на них трубить должна.

Нелька плакала, Сана утешала... Время, мол, лечит...

К концу отпуска легче не стало. Вернее, с мыслью, что в ее жизни нет никакого мужа и никакой любви, Неля смирилась. Это она приняла. Умом.

Но организм ее, видимо, поступил, как когда-то материнский.

Нелька занемогла. Все у нее болело, живот, грудь, отекали руки и ноги, голова кружилась... Она и сама испугалась своего состояния. Умирать в ее планы никак не входило. К тому же в голове постоянно крутились мамины слова: «Жизнь твоя, тебе ее и беречь».

Требовалась консультация хорошего диагноста. Для начала стоило разобраться, где все-таки гнездится непонятная болезнь.

Врача нашли.

Сана отправилась с Нелькой на прием. Запустила ту в кабинет и стала листать прошлогодний журнал мод из кипы на столике для пациентов.

Вдруг дверь кабинета приоткрылась и медсестра поманила Сану:

– Зайдите, пожалуйста, доктор просит.

Сана испуганно вошла. Она очень боялась какой-нибудь жуткой болезни, которую сейчас объявит им доктор. Уж очень это было бы несправедливо. Нельку же и обманули, ей же теперь и болеть... Как все устроено в этом мире нечестно!

– Нашел я причину, – радостно объявил врач.

– Точно? – недоверчиво спросила Сана.

Руки у нее похолодели от грядущего известия.

– Абсолютно точно, мои дорогие! И хочу сказать, что лично себе желаю всегда обнаруживать именно такие причины недомогания у моих пациенток.

Он показал Сане результат УЗИ.

– Смотрите внимательно! Видите? Вот головка, вот глазик, ручки, ножки...

– Ребенок! – завопила Птича. – Ура!!!! У нас будет ребенок!!!

Из-за ширмы появилась одетая мрачная Нелька.

– Не будет никакого ребеночка, – жестко и решительно заявила она. – Я не хочу его ребеночка, всю эту гинекологию. Меня это разрушит. Изуродует. Мне не надо... Мне надо на аборт...

Ни доктор, ни Сана не подозревали, чьими словами говорит сейчас бедная Нелька.

Доктор, продолжая почему-то смеяться, заявил:

– Уродоваться не хотите? Так аборт – это самое уродство и есть! Вот уж что уродует, так это аборт. Все естественное нарушается... Тоже мне – сохранение красоты... Кроме того, мамочка, никто вам аборт делать не станет. Это уголовщина уже. У вас срок к четвертому месяцу подходит... Все ваши проблемы – это токсикоз. Но в достаточно легкой форме. Да и он со дня на день пройдет, как сон. А через каких-то пять с небольшим

месяцев появится на свет чудо расчудесное. И будет вам счастье.

– Как это, к четырем месяцам? – не поверила Нелька.

– Ну а вы не обратили внимания на некоторые... нарушения цикла?

– Я думала, у меня от переживаний. У меня так случилось, когда мамы не стало, – смутилась Нелька.

– Я вас поздравляю! – торжественно заявил доктор. – И – радуйтесь. Настраивайтесь на счастье. Пусть ваше дитя чувствует, что его любят и ждут в этом мире.

Вот так на свет божий явилась Викуся. Другого имени и не предвиделось. Ведь Нелину маму звали Вика, Виктория.

Конечно, Сана стала крестной мамой. Она обещала всегда и во всем помогать и крестнице, и своей дорогой подруге Нелечке.

Работала, кстати, Неля до шести месяцев беременности. Удалось договориться, что прерывает она свои труды до исполнения ребенку двух месяцев.

Они давно с Саной решили, что потом найдут надежную няню, которая станет работать под неусыпным надзором старшей подруги, если Нельке придется улетать по работе.

Рожать она твердо решила в Москве. Тут ей было не так одиноко. И тут ничто не напоминало о том, что она когда-то называла своим счастьем.

И все опять устроилось как по писаному.

Роды прошли гладко. Ребенок получился крепкий, спокойный, улыбочивый.

И все бы хорошо, но всплыла так и не решенная проблема с той самой комнатой в коммуналке, половина которой по документам принадлежала Неле, а половина числилась за папашей.

С отцом Нелька не виделась, не созванивалась. Исправно оплачивала свою долю платежей за комнату, подумывая, что когда-нибудь дойдут руки, она оформит все на отца. С глаз долой, из сердца вон. Ей не хотелось быть ничем связанной с предателем. Именно так, после истории с Сашей, она мысленно называла двух главных мужчин своей жизни: собственного отца и отца ее любимой дочурки.

И тут вмешался случай. Случаи имеют свойство вмешиваться в самые неподходящие моменты. К ним не подготовишься, не подстелешь соломку...

Получила Нелька свидетельство о рождении Викуси и отправилась ее прописывать. Ей надо было все сделать поскорее, чтобы потом вписать

дителя в свой загранпаспорт и иметь возможность спокойно путешествовать с дочкой, когда это понадобится по работе.

Пришла в паспортный стол. Подала все бумаги. Рядом с паспортисткой ошивался какой-то «мистер полисмен», как про себя называла бывших ментов Неля. И вот этот мистер стал очень пристально смотреть на молодую мамашу, подавать какие-то игривые реплики, хмыкать.

Ей и в голову не пришло, что господин полицейский старается привлечь ее внимание. Не до того ей было, право слово. А ему – как раз до того. И даже очень.

Когда она собралась уходить, он подскочил к двери.

– А я ваш участковый, – представился он гордо.

И увязался за ней, прямо до подъезда дошел. Стал про дочку спрашивать, когда родилась, почему Викторией назвали, кто папа.

Неля почти все вопросы пропускала мимо ушей, торопилась к ребенку.

– Может, в кино сходим? – предложил вдруг участковый у самой двери ее подъезда.

– Какое же кино, что вы? – искренне удивилась молодая мать. – У меня еле-еле получилось время сейчас найти и договориться, с кем ребенка оставить.

– Ну смотри, тебе жить, – нехорошо отозвался полицейский и ушел.

В тот же вечер ей позвонил отец. А ведь он не знал ни адреса ее, ни, соответственно, телефона.

– Здравствуй, дочка, – просто, словно они всего пару часов назад расстались, начал папаша. – С прибавлением!

– Да, – отозвалась Неля. – И что дальше?

Ей противно было говорить. Но важным показалось выяснить, откуда и зачем появился вдруг родитель. Собственно, зачем – понятно и так. Главное – как нашел.

– А тут о тебе твой участковый рассказал.

Он тебя в паспортном столе увидел. Фамилию твою узнал, со мной сопоставил. Мир тесен, дочка.

Он же моей жены младший брат.

Нельку аж затошнило от этой новости. Ей захотелось немедленно бросить все и бежать куда глаза глядят.

Не зря захотелось.

– Давай решим вопрос с комнатой, – строго сказал папаша. – Ты в трехкомнатной, оказывается, обитаешь, а у отца и комнаты целой нет.

Нелька от этого подлого тона даже забыла, что собиралась переписывать эту несчастную комнату на папашу.

– А какое отношение ты вообще имел к маминой комнате? Ты у нее заселился, она тебя кормила-поила, ты паразитировал столько лет... А потом ушел... маму сгубил... И тебе этого мало?

Нелю душила злоба.

Папаша спокойно выслушал и сказал:

– Это после того, что я для тебя сделал, паскуда, ты права еще качаешь? Да надо было тебя тогда в детдом спровадить. И комната вся была бы за мной! И в загранку отпускать тебя нельзя было. Пусть бы сидела тут, в клоповнике своем.

– Что еще скажешь? – прервала его Нелька. – Комнату делить будем, понял? Половина мне, половина – подавись – тебе. По суду. И дело не со мной иметь будешь, а с адвокатом.

– А вот зря ты так. Шурин точно сказал: уж больно ты много о себе думаешь. А ведь он может, если захочет, так сделать, что ты, голуба-душа, на зону пойдешь. А ребенок твой – под опеку мою, родного деда, попадет. А ты его до совершеннолетия и не увидишь... И захочешь потом комнату отдать, да не нужна она мне будет. В твоей трехкомнатной заживу. А тебя на порог не пуцу.

Нелька слушала голос отца, который будто бы, как когда-то, в счастливом ее детстве, рассказывал страшную сказку. Но при этом она прекрасно понимала, что он не сказку поведать звонит. И сейчас отец излагает ей четкий план действий по захвату ее квартиры. И план этот подробно обсужден с этим самым отцовым шурином, участковым...

Она нашла в себе силы посулить папаше несколько достаточно неприятных перспектив его настоящей и загробной жизни, бросила трубку и застыла в ужасе.

Вполне понятно, что против участкового она была почти бессильна. Тот мог при желании устроить ей целую кучу провокаций.

Она заставила себя успокоиться и решила, что главное – получить свидетельство о рождении Викуси со штампом о прописке, оформить ее в свой загранпаспорт и убраться восвоясь из родных краев подброду.

Надо было продержаться. Попросту выстоять все это время, такое короткое, если счет твоей жизни не идет на секунды.

И еще ей стало понятно, что даже если она сейчас и передаст свою часть комнаты отцу, тот от дочери уже в любом случае не отстанет. Будет тянуть дальше и дальше. Ишь ведь, что собрался! Ребенка она не увидит...

Они обсудили все с Саной. Вместе решили, что отступать нельзя.

Наняли адвоката.

Когда Неля шла в паспортный стол забирать Викусино свидетельство с пропиской, участковый был тут как тут. Словно ее ждал.

Она забрала бумаги, и он снова потащился за ней.

– Вот ты зря целку-невидимку из себя строишь. Думаешь, ты вся такая цаца, а я быдло. А разницы никакой. Я тебя опущу, жалеть будешь, что следы мои не целовала.

– Почему вы мне угрожаете? – спросила Неля, стараясь выглядеть спокойной.

– А чтоб свое место знала, – ответил участковый. – Вот придут к тебе вскоре работники правопорядка и обнаружат в твоём доме – что хочешь? Хочешь траву? – Это один срок. А хочешь – партию героина в особо крупных размерах? – Это уже другой срок. Но ребенка – точно говорю – не увидишь. Отсидишь потом по полной. Вернешься старой, беззубой каргой. А все потому, что вежливости тебя не научили. Поняла?

– Поняла, – коротко ответила Неля.

Она действительно поняла все и окончательно. Поняла, что предела подлости человеческой на ее удивительной родине не существует. Отнимут, растопчут, заглотят и не подавятся. Уничтожат ни за понюшку табаку. Просто так, в угоду своему смрадному нутру.

Еще она поняла, что с хищниками нельзя обращаться как с домашними любимцами...

Много чего поняла. И главное: надо было спасаться. Любой ценой. Исчезать из поля зрения папаша, шурина-участкового... Причем решительно и немедленно.

Дома она действовала очень четко и разумно. Позвонила Сане и попросилась пожить в той самой квартире дедушки-бабушки, где останавливалась, когда комнату ее занял отец.

Потом она собралась: детские вещи, свои вещи, документы – все самое необходимое. Сана заехала за ней ночью. Так они решили. Участковый не будет сутками дежурить у ее подъезда. В эту ночь уж вряд ли нагрянет.

На своей машине Неля отправиться не решилась. А вдруг он выследит?

Перебрались. И правильно сделали, как оказалось!

На следующий вечер Нельке позвонил сосед. У них на площадке находилось три квартиры. Одна принадлежала Неле, а две – многодетной соседской семье. Папа, мама и шесть детей. Отец – крепкий бизнесовый мужик, мать, естественно, домохозяйка и ребята в возрасте от шестнадцати

и до двух. Семья Нельку порой даже подкармливала, опекала. Свои люди. Хорошие.

Вот многодетный отец и позвонил.

– Нель, чего происходит? Ты в курсе, что на тебя охота идет?

– Нет, – на всякий случай осторожно соврала Нелька.

– Представь, только домой вошел, ужинать собрались, руки стою мою.

В дверь звонят. Моя открывает. Там участковый с двумя бабами. Сколько раз я ей говорил: не открывай никому и никогда. У нас у всех ключи. Кому надо – заранее позвонят. Остальные не существуют. Открыла. Короче, участковый спрашивает, где, мол, ты... Из двенадцатой квартиры женщина где, у которой ребенок новорожденный... Нам инспекцию провести... Из комиссии по делам несовершеннолетних. Ну, тут я вышел. Почему, спрашиваю, мы должны знать, где она. Уехала, должно быть. Нам дела нет. Это я так специально сказал, чтоб отвязались, раз уж моя сдуру открыла.

– Они ушли? – спросила Неля, просто чтоб что-то спросить.

Ей было просто жутко.

– Нет, ты слушай дальше, что творят, сволочи. Тут мой младший Кирюха выкатывается. Без памперса и босой. Он наловчился с себя памперсы снимать. Не нравятся ему. Ну, выскочил. Бабы эти, которые с участковым, оживились. Мы, говорят, вашу семью сейчас проинспектируем, раз уж пришли. Ребенок, мол, у вас босой, неухоженный, без присмотра бегает. Давайте-ка проверим вашу обстановку. Так, говорю, с какой это стати и кто вы такие, чтоб проверять. Показывают документы: из комиссии по делам несовершеннолетних, КДН. Мы, говорят, за нерадивыми мамашами наблюдаем, как они с детьми обращаются. Я, кстати, весь разговор на телефон стал записывать. Уж очень странно все поворачиваться начало. Участковый бабам этим своим говорит, мол, этих оставь в покое. Мне ту надо добить. Чтоб знала. А бабы заупрямились. Той нету, давай тут посмотрим. Понял я, что сейчас вымогать будут. Видят же, что квартира небедная, все хорошо, бабла срубить можно, если за нервные окончания подергать родителей. Короче. Я с ними разобрался... Запись разговора участкового, который эту самую КДН на тебя науськивал, у меня есть. Но ты лучше тут не появляйся. Ему очень в твою квартиру хотелось. Как будто забыл там что.

– Я знаю, что ему хотелось. Он мне наркотики подбросить обещал. Открытым текстом. За то, что морду от него ворочу.

– Ну видишь. Я все так и просек. Ты сюда ни ногой. Они же упорные. Я их племя знаю. Прицепятся, шакалы...

Как ни странно, Нельке после этого разговора почему-то полегчало. Она поверила в свои силы и в собственное чувство опасности. Она поняла, что может и должна прислушиваться к ощущениям. Они не подведут.

Поддержаться надо было всего ничего: пару недель до отлета на съемки, потом пару недель Сана обещала побыть с Викусей на даче. Потом требовалось время на формальности, связанные с выездом дочки за рубеж. Дела с отцом она поручит адвокату. Квартиру придется тоже продать и купить в другом районе.

Потом Неля размечталась: хорошо бы фамилию сменить. Исчезнуть из всех списков... Ей ужасно захотелось выйти замуж. По-настоящему. Чтоб рядом был нормальный простой человек. Не урод и не красавец. Не выдумщик утех и праздников. Просто человек, готовый поддержать. И который рад, что она рядом. Наверное, такого уже не встретить. Тем более она не одна... С ребенком... Кому они могут быть нужны...

Она договорилась, что Сана заедет за ними, заберет Викусю и отправится с ней на дачу. Нельке на следующий день предстоял полет в Париж.

Они как раз обсуждали всякие мелкие детали по телефону, вдруг Неля услышала мужской невнятный злобный возглас, шум, звуки, которым она даже верить боялась...

Неужели Санин муж?.. Неужели он...

Нелька и думать страшилась о том, что там происходит. Она только поняла, что должна срочно действовать. Ей надо добраться до Саны. А там видно будет. Она засунула Викусю в рюкзачок, схватила сумку, ключи от своей машины, так и оставшейся стоять во дворе ее дома на «Белорусской», поймала такси, въехала на нем в собственный двор. Велела остановиться у своего автомобиля, переложила Викусю в детскую перевозку, закрепленную на заднем сиденье.

Об участковом она даже не вспомнила. Ей требовалось срочно спасти своего единственного друга – Сану. А все остальное: все ее страхи, все предположения, все его угрозы – это потом. Сейчас главное – Сана.

Неля быстро добралась до дома подруги и позвонила снизу по домофону. Терпеливо слушала долгие гудки. Наконец Сана отозвалась.

– Алло, – слабым голосом проговорила она.

– Сана, я внизу, я за тобой! – как о чем-то само собой разумеющемся крикнула Неля.

– Я... спускаюсь, – тихо отозвалась подруга.

Она спустилась сама.

Она могла идти.

Об остальном лучше не думать. Все пройдет. Все будет хорошо. Они выдержат. А что остается?

Сана упрямо сказала, что планы их не меняются. Что на даче все ее синяки заживут в сто раз быстрее. Свежий воздух... И с Викусей она справится. Ничего. Ей не впервой за младенцами ухаживать.

Неля отвезла их на дачу. Захватила с собой собственный багаж. Переночевала, убедилась, что Сана почти в порядке, и уехала в аэропорт рано утром, решив, что оставит машину на стоянке. Еще лучше: прилетит – и сразу к своим.

И вполне Сана и Викуся справились. Вполне.

Только иногда повторяла про себя Сана заветную фразу: «Скорей бы Нелька приехала...»

Господин самовар

Летний вечер подошел незаметно. Солнце еще светило вовсю. Только тени иначе ложились. И цветы запахи умопомрачительно, словно набравшись за день сил от солнышка.

Настало время самовара.

Накормленную и умытую Викулю уложили спать в отведенной девицам-гостям комнатке по соседству с верандой.

На веранде накрыли стол. Дед принес с огорода салат, пучок укропа, петрушку. Птича велела сварить яйца вкрутую. Нарезали полную миску салата, заправили душистым подсолнечным маслом. К блинам нашлось варенье. Приличный дачный ужин получился.

Чай из самовара и правда обладал чудодейственным запахом и вкусом. Птича чувствовала себя счастливой, как только в детстве бывало. Полный покой.

В минуты покоя ей всегда хотелось рисовать. Видимо, просыпалось стремление остановить прекрасное мгновение, как того требует творческая душа. Она достала из своей сумки-торбы альбом, карандаш и принялась вглядываться в детали прекрасного вечернего сада. Застекленная со всех трех сторон веранда давала прекрасный обзор. Хорошо просматривалась круглая клумба, разбитая еще Генкиной бабушкой, за ней ворота и калитка, забор в зарослях дикой малины, высоченная ель, газончик, березки...

– Будет у меня время, обязательно поселюсь на природе, – проговорила Сабина, быстро водя по бумаге карандашом.

– А что сейчас тебе мешает, детка? Ты же свободна в выборе, – поинтересовался Генкин дед.

– Что мне мешает? Надо подумать... Ну, скажем так... Мешал... Муж бы не согласился... Ему каждый день на работу надо. Пробки... И потом – пришлось бы жить у его родителей. У них дача огромная. Сюда бы ехать отказался... Да и радости никакой не было бы...

– И ты столько лет жила не по-своему. Так? – разозлился Генка.

– Да. Сейчас вижу: именно так. Тянула время. И, Ген, давай сейчас не будем. Все ж решено.

– Ладно. Прости, Мухина. Не будем, конечно. Все бы ничего – тебе жить. Но синяки твои перед глазами... Молчу. Все.

– А ты сам-то? Сам разве не тянул свое время непонятно на что? – обратился дед к внуку.

– Да. Сам тянул. И долго тянул. Что говорить.

– Как «что говорить»? Нет уж! Говори! Ты про мою жизнь все знаешь, а про себя молчишь, – вредным девчоночьим голосом велела Птича.

– Я, Мухина, был женат. По большой, чистой и бескорыстной любви. Так я думал. Смотри: ты взяла и вышла замуж... Что мне оставалось? Только полюбить. Глубоко и бескорыстно. На веки вечные.

– А я... почему мое замужество тебя побудило? Вот новости!.. – ошарашенно прокомментировала Птича. – Можно подумать, ты меня звал, а я отвергла...

– Ну, тут такое дело... Я в детстве был почему-то уверен, что между нами все и так ясно. Зачем нам лишние слова? Рыцарь защищал Прекрасную Даму чем мог. Что тут говорить. Рыцари абы кого защищать не берутся. Я полагал, что мы с тобой вырастем и поженимся.

Птича улыбалась совершенно дурацкой улыбкой.

Можно было, конечно, начать кокетничать, жеманиться, вопрошать, с чего это он все так решил... Но перед Генкиной откровенностью и обычной его детской открытостью все кокетство выглядело бы ужасной фальшью.

– Знаешь, я какое-то время тоже думала так, как ты сейчас сказал... Вырастем – и все... А потом... Может быть, мы сами не заметили, как выросли? И забыли себя? Подумали, что взрослым детские планы ни к чему?

– Нет, я так не думал... У меня планы были железные. Я просто не ожидал, что «жизнь внесет свои коррективы». Я прямо ошалел, когда узнал. Но что было делать, Мухина? Смирился. И потом встретил свою «половину». Милая такая, нежная, трепетная. Ну, думаю, ладно. Мухину теперь другой защищает. А мне досталась своя судьба. У нас же в семье такой настрой: верность до гроба. Да, дед?

– Да, Геннадий! – веско подтвердил дед. – Только мы пристально приглядывались к той, которой собирались хранить верность.

– Деда, не приглядишься... Не те времена. Вам с временами повезло, вот что я тебе скажу.

– О! В самую точку! Тебе и не снилось, как повезло, – хмыкнул дед.

– У вас свое было, понятно. А у нас – свое. Короче, Мухина, я женился. И очень быстро понял, что оказался женат на жучке.

– На ком? На жучке? – не поняла Птича.

Дед засмеялся.

– На жучке. Жуки такие, знаешь, бывают? Грызут и грызут себе потихоньку. Так всю жизнь, грызя, и проживают. Вот я и жил с таким жучком. Милым, упорным в своем стремлении грызть.

Жучку я нужен был как объект для грызения. И – мало того! Такого, каким я давал себя грызть, жучку не хотелось. Жучок еще и переделывать меня стремился. Ежедневно и неустанно.

Я все делал не так.

Если я лежал с книгой – я делался подлым лентяем. А мне бывает нужно с книгой полежать. У меня в эти моменты лучше всего идеи рождаются, понимаешь?

Я, конечно, неудобный для совместной жизни. Я много зарабатываю, как ни странно. Но в остальном я чудовище. Я все теряю. Забываю вещи. Юбилейные даты. Разбрасываю носки. Одеваюсь не по протоколу. Мне нужна тишина иногда. Чтобы думать. Я не могу весь день, как канарейка, свистать «я тебя люблю»...

Вообще не знаю, как меня земля носит. У меня все неправильно. Не так, как надо. И мой жучок ежечасно мне об этом напоминал. Я поначалу даже как-то старался соответствовать. Не читал при ней. Слушал ее разговоры. Пытался даже в них участвовать как-то. По мере разумения... Но... Не пошло у меня... Не хватило выносливости. Не выдержал я, дед, испытания верности...

– Изменил? – ахнула Птича.

– Нет, Сабиночка, это он на мои пристрастия намекает. Это ирония, – вздохнул дед. – Я тут вчера ему фильм показывал. «Испытание верности» называется. Вот он и шутит так. А мы тогда, в пятидесятых, засматривались. Мы к жизни серьезно относились.

– И мы – серьезно, – вздохнула Птича. – Только она к нам не всегда серьезно относится.

– Вот послушайте, какие слова там в песне поют, – велел дед.

Зазвучала музыка. Знала Птича эту песню. Как и многие песни той поры – с детства на даче звучали они. Бабушка ставила пластинки. Имелась у них радиола...

Не забывай родные дали...^[4]

– Это Дунаевский, – сказала Птича.

– Слушай, слушай! – приказал дед.

– Не забывай, – улыбаясь, подпевали все втроем прекрасной песне... –

Не забывай...

– Меня дед этой песней уже который день лечит, – признался Геныч.

– Помогает?

- Сама видишь. К тебе мыться пошел. Не к кому-то. О тебе думал.
- Спасибо, – засмеялась Птича. – Ты вовремя...
- Все и всегда в жизни происходит вовремя. Пока человек сам до чего-то важного не дойдет, не созреет, оно и не случится, – подытожил дед.
- Это точно. Вот я созрел. Сначала – до понимания, что с жучком всю жизнь не протяну. Или помру от постоянного грызения, или освобожусь.
- Получилось? – с огромным интересом спросила Птича.
- Помереть – не получилось. Как видишь. Стало быть, осуществился второй вариант. Освободился.
- Легко? Твой жучок легко тебя отпустил? – не поверила подруга детства.
- Нет. Так не бывает. Сама знаешь. Она ж приспособилась грызть. То плакала, то в больницу ложилась, а в конце концов подала в суд. На раздел имущества. Требовала заплатить миллионы. Представь, подсчитала, сколько я ей должен за каждый день совместной жизни. За готовку пищи, уборку помещения, стирку в стиральной машине, покупку продуктов, глажку постельного белья и рубашек. Сказала, что считала по расценкам не самым высоким, хотя за высшее качество может поручиться. А я и не знал, что на работу ее принимал, когда женился...
- И что суд?
- А суд решал... Представь, чуть ли не год все это тянулось. Жучок сказала общим знакомым, что хочет полностью разбить мою жизнь... Она почему-то решила, что, если отнимет у меня машину, квартиру, деньги, моя жизнь будет разбита окончательно. В этом весь ее жучкизм.
- Суд был на ее стороне?
- Да не в том даже дело, кто на чьей стороне... Просто время у меня отнимали. Мне делом надо заниматься, а тут полная ерунда. В итоге – вот – я свободен! Машина – жучку, квартиру поделили, ей большая часть – я себе однушку купил. Какой-то еще моральный ущерб выплатил... Двести пятьдесят тысяч морального ущерба почему-то. Правда, она миллион просила.
- А какой ты ущерб нанес?
- Нервы у жучка разболелись. Она справки принесла. Мол, до всего того была здорова, а потом сделалась больна нервами. Мне кажется, судье хотелось от нее отвязаться. А я – на все согласен. За собственную дурость всегда отвечать приходится. Сам нашел, сам женился. Никто не заставлял.
- Сам женился – сам развелся... – снова вздохнул дед. – Легко живете...
- Нелегко, дед. А по-другому не получается.

– Я тоже думала, что на всю жизнь выхожу... И мысли другой не допускала. А теперь вот... – горько вздохнула Птича.

Дед опять поставил свою любимую песню и жестом показал: «Подпевайте».

– Не забывай, что после вьюги всегда опять приходит май, – многозначительно глядя на внука и его подругу, молодым голосом пел академик.

И правда – легче становилось от музыки. Или от слов?..

– Короче, Мухина, видишь, что получается, – задумчиво проговорил Генка. – Получается: за тобой теперь слово и дело.

– Не поняла юмора, – откликнулась Мухина. – Чего «за мной»?

– Ну, твоя очередь, твой ход теперь.

– В смысле?

– Ну, в самом простом и прямом смысле. Давай разводись, исправляй ошибки молодости. А потом восстановим справедливость. И будет нам счастье.

– Я, Геныч, сказала: разведусь. У меня в этом отношении быстрее все прокрутится. У нас брачный договор. И делить нечего: все, что на его имени, – ему. Все мое – мне. А ты про какую справедливость?

– Ну, как какую? Мы ж с тобой пожениться должны? Это когда еще понятно было. Вот и восстановим справедливость.

Птича засмеялась. Как-то легко у него все выходило. Прямо так раз – и все проблемы решены. Разве так бывает?

– Ты серьезно?

– А сама как думаешь? Я ж чего к тебе пришел сегодня?

– Я думала – мыться, – смеясь, отвечала Мухина.

– Мыться – само собой. А еще разобраться в твоей личной жизни и предложить тебе пойти за меня замуж. Погуляла, и хватит, – решительно заявил Генка.

Птича вспомнила, в каком наряде явился к ней утром «жених», и снова зашлась от хохота.

– Это ты вот так – в валенках и трусах – свататься приходил, оказывается? – уточнила на всякий случай она.

– Какая разница, в чем... Да, я иногда, вернее часто, хожу в валенках и трусах. Мне так уютно. Это меняет дело? Ты, кстати, не о том сейчас... Ты от главной темы не отходи... Не забалтывай вопрос. Я тебе что сейчас сказал? Выходи уже наконец за меня замуж. Слышала?

Сана заметила, с каким вниманием смотрит на них Генкин дед, и только тут поняла, насколько все серьезно. Генка не шутит. Он на самом

деле зовет ее, замужнюю даму, замуж. Вот чудеса-то! Вот оно как, оказывается, бывает! Случается вдруг... Нагрянет, когда ничего совсем не ждешь...

Она понимала: надо отвечать. Честно, серьезно, как полагается взрослому и ответственному человеку. И – хватит смеяться! Птича вдохнула, задержала дыхание, чтоб остановить вскипающий внутри смех. Заросшая физиономия Генки, его майка, трусы-шорты, валенки вдруг встали перед ее внутренним взором.

– Ах! – промолвила Прекрасная Дама, понимая, что не в силах удержать скопившийся внутри смех. – Ах-хахахаха... Знаешь что, Геныч... Знаешь... Сейчас... Подожди... Ах-хахахаха...

– Ну! – грозно вымолвил Рыцарь, при этом тоже почему-то улыбаясь. – Отвечай!

– Да! – выдохнула Мухина быстро, чтобы смех не помешал ей произнести заветное слово. – Да!

– Дед! Ты слышал? Ты свидетель! Мухина сказала «да»! Все – решено и подписано!

– Слышал! И не тяните! Вам детей пора...

– Все будет, деда... Все будет... Все решим постепенно...

Птича, отсмеявшись, посмотрела на Геныча внимательно, словно пытаясь убедиться, что все это сейчас ей не показалось.

– Думаешь, у нас получится? – жалобно спросила она.

– У нас все получится. Уж нас-то я знаю, Мухина. Мы не подведем! – убежденно произнес Генка. – Ты мне верь.

И она кивнула, что, мол, верит.

Ей только надо было как-то все в голове уложить... Или – ну ее, голову? Хоть раз в жизни сделать что-то просто так... Смеясь и ничего не опасаясь...

Она так и сидела, все еще держа на коленях альбом для зарисовок, машинально вырисовывая некое платице, пришедшее в голову, пока звучала любимая песня Генкиного деда.

– Я хочу следующую коллекцию сделать по мотивам фестиваля. Того, что был в пятидесятые годы, – вдруг совсем не в тему заговорила Птича. – А вы помните то время? Как на самом деле одевались? Что люди чувствовали?

– Время помню. Как одевались – это тебе жених твой с чердака подшивку журнала «Работница» принесет. Бабушка его собирала. Ничего не позволяла выбрасывать. Поищи там, Ген, за пятьдесят седьмой год подписку.

– Может, завтра? Я сегодня мытый, а там пыль, – огорчился Генка.
– Да, пусть завтра. Вы лучше сами мне расскажите, что помните, – попросила Мухина.
– Я за модой не слежу. Но тогда, помню, все покупали такие яркие пышные юбки. Назывались «фестивальные». Красиво выглядели.
– Вот так? – спросила Сана, показывая свой набросок.
– Почти. Еще пояс широкий нарисуй. Талия узкая, юбка широкая...
– А цвет? Основной тон какой?
– Красный. Это точно помню. И на красном фоне полосы, зигзаги... Да он завтра тебе все найдет... Отдохни. Чайку еще хочешь?
– Вот так – похоже? – Сана снова показала исправленный рисунок.
– Почти один в один. Молодец, девочка! Настоящий профессионал, – похвалил дед.

Они снова принялись неспешно «гонять чай», словно привыкая к тому новому, что только сейчас родилось из смеха и слов.

Вроде ничего и не произошло. Но – слова были сказаны. И обещание было дано. Значит – все поменялось. И они стояли у начала новой дороги. Понимали, что пойдут по ней. И – не спешили. Переводили дух.

Вечер еще оставался светлым. Только слегка посвежело.

Тишина стояла удивительная. Такая, что издалека, со стороны деревни за рекой, слышалось мычание коров, которых вели по домам с пастбища.

А вот донесся звук приближающейся машины. Этот рокочущий шум разрушил естественную благодать живых природных звуков. Все трое, сидящие на прогретой дневным солнцем веранде, посмотрели на дорогу. Мимо их ворот медленно-медленно проползла машина, показавшаяся Птиче знакомой.

Нет, не может быть...

Она даже слегка тряхнула головой, отгоняя возникшую мысль.

Генка чутко отреагировал на это едва заметное движение.

– Это твой поехал, – почему-то шепотом проговорил он.

Не спросил, а вполне утвердительно произнес.

– Нет, – отозвалась Птича. – У него совсем другая машина. А на чужих машинах он принципиально не ездит. Брезгует, говорит. Пахнет там как-то не так. Но эту машину я знаю. Правда, этого не может быть...

– Ладно. Подожди. Разберемся, – пообещал Генка и устремился к воротам.

И вот через совсем короткое время (сколько потребовалось машине, чтобы развернуться и подъехать к Генкиному забору), Птича увидела того,

кого ну уж никак не ожидала тут повстречать.

– Не может быть! – сказала она громко и побежала ему навстречу.

Приятный ужин у воды

– Ну что? Соскучился без нашей жены? Веселей!

Габриэлла впорхнула в прихожую такая свежая, благоухающая, словно и не стояла эта немислимая жара. Она наверняка сама чувствовала, как хороша сегодня, оттого и была весела и легка.

У Славика словно гора с плеч упала при виде этой Санкиной подруги. Хороша! На самом деле хороша.

Вот он как-то совсем недавно думал об их жизни с женой. О том, что она его словно приворожила, околдовала. Он все эти годы никого не хотел. Именно так, по-мужски, – никого не хотел, кроме собственной законной жены, которая вообще, похоже, никого не хотела. И чем меньше хотела она, тем яростней оказывалось его желание.

Иногда он думал, глядя на своих коллег, слушая их рассказы о похождениях на стороне, что неплохо бы и ему... Нашел бы себе какую-нибудь телочку, заселил бы в съемной однушке и заезжал бы в любой момент, как желание одолеет.

Однако – все дело оказывалось именно в желании. Не возникало это проклятое желание – иметь какую-то паршивую, всегда готовую бабу, когда рядом с ним находилась жена. Доступная. И – недоступная совершенно.

Он же не чурбан. Он чувствовал. И даже порой понимал, почему и каким образом она стала с ним такой, как сейчас. Но мыслить в подобном направлении Слава себе позволить не мог. Слишком горькие получались рассуждения.

Он сказал себе: я такой.

У меня такой характер.

Я – глава. И все будет по-моему. Менять себя я не собираюсь.

А от нее – что от нее нужно? Пусть остается такой, как есть. Пусть. И ребенка я ей все равно сделаю. Врачи говорят: все в порядке. Стало быть – получится этот ребенок, куда денется. А уж потом... Потом дудка точно окажется в моих руках. И плясать ты, женушка, будешь под мою музыку.

Порой ему очень хотелось ее разлюбить. Вернее, нет... Перестать хотеть. Вот! Чтобы она стояла для него наравне со всеми, чтобы он брал не одну ее, а и других. А к ней появилось бы равнодушие...

Не выходило равнодушия. Вспышки гнева – да. Сами собой накатывали. А так – чтобы вот плюнуть, растереть и разрядиться с другой, на все готовой... Нет! Не выходило никак.

– Ну, что, верный муж? – лукаво спросила Габриэлла, глядя, как поправляет Ростислав волосы перед зеркалом, берет ключи от машины. – Проголодался?

Она так произнесла это «проголодался»... Так двусмысленно.

Славик подумал, что мог бы сейчас, прямо тут, в прихожей взять ее.

Лето, платье на ней – смех один.

Он подумал, отогнал мысль, но она вернулась.

– Проголодался! – ответил он вполне в духе вопроса и распахнул перед гостьей дверь.

Замечательное местечко выбрала Габриэлла для дружеского ужина с чужим мужем. А что ж! Опыта ей не занимать. Он же должен на что-то пригодиться?

Они сидели в тишине, их ресторан-кораблик чуть-чуть покачивался, от воды веяло легкой прохладой, вдали кричали утки...

Салат, легкое белое вино в запотевших бокалах, спокойный, ни к чему не обязывающий разговор.

И вокруг – никого. Все на дачах, а то и у моря... Это же безумие – в такую жару в городе торчать. Впрочем, именно в это время года в городе как раз очень даже хорошо живется: пусто, пробок нет, газоны, цветы... Можно даже отправиться гулять на всю ночь по Бульварному кольцу, как когда-то в юности... Идти, целоваться, шутить...

Габриэлла мило, деликатно ведет беседу.

– Ты в последнее время немножко... сам не свой, я бы сказала... У тебя все в порядке, Слав?

– Да... В порядке, – не очень уверенно отвечает Ростислав, глядя на свою спутницу сквозь стекло огромного бокала, в котором ему подали вино.

Габриэлла меняет свои очертания, становится то очень худой и извилистой, как кобра, то круглой, как Колобок из сказки, который от всех уходит, укатывается, убегает... Да еще и песенку поет, про то как от всех «и давно ушел...».

– Ты чему улыбаешься? – интересуется подруга жены.

– Тебе, – отвечает муж подруги.

Тонкая игра. Плетение сети. Главное – чтоб незаметно, но крепко, надежно сплетены оказались путы.

– Уже хорошо. Главное, чтоб улыбался.

– Да. Это так. Это, пожалуй, главное...

– Хорошо тут, правда? Люблю на воду смотреть... Мечтается у воды замечательно...

Габриэлла выглядела сказочно. Настоящая мечтательница-фея, умеющая исполнять желания тех, кто ей дорог. Взгляда не оторвать... Нежные руки с бледно-розовыми перламутровыми ноготками, шелковое струящееся платье, густые светлые волосы, душистые, пахнущие чистотой... Зарыться бы в них... Косметика подобрана идеально, ничего лишнего. Молодая свежая кожа, тонкая шея, цепочка с крестиком...

Смотреть бы и смотреть...

– О чем же ты, фея речная, мечтаешь?

– Ах, если бы фея... Я не фея, Слав. Я – девушка. Земная вполне девушка. И мечты у меня земные, не волшебные.

– Так о чем же мечтает земная девушка? Поделись, вдруг я исполнитель мечтаний?

Габриэлла загадочно и чуть горько улыбнулась. Помолчала.

Ростислав опять подумал, что вот ее бы – ее бы он взял. Прямо тут. Или в машине. Или... Когда они вернутся домой... Хороша. А главное – желанна. Жуткое желание вызывает, колдовское. И непонятно, чем. Сегодня она и одета неброско, и тиха, задумчива... Нет ничего вызывающего... А желание появляется мучительное.

Он сделал несколько глотков ледяного вина. Голова закружилась. А на сердце – на сердце воцарился покой, веселье...

Легкость Габриэллы передалась ему.

Вот с кем возможно счастье! Вот оно!

Еще бы он так не думал! Он – просто мужчина. Обычный и ничего не понимающий в ювелирных тонкостях плетения паутины профессиональными кадрами, которые на этом делают все: и деньги, и квартиры, и карьеры...

Габриэлла почуяла: клюет!

Раньше не клевал. Никак. Просто – гранитная скала на Крайнем Севере. Никакие сигналы не принимал.

Но сегодня! Сегодня – ее день. Главное – не пережать. С точностью до микрона.

Ничего лишнего.

Шажок за шажком.

И медленно-медленно.

Торопиться некуда. Время теперь работает на нее. Он уже раскрыл пасть, плывя к наживке на крючке. И вот сейчас... Сейчас надо, чтоб наживка эта показалась ему самой главной целью всей жизни...

Ах, как бы он сейчас взял ее... Притянул к себе, посадил на колени...

И прямо тут...

У Ростислава кружилась голова, сердце билось что есть силы...

Не может быть, чтобы и она не чувствовала его зов. Не может быть, чтобы отказала... Но она не из этих... Недоступная давалка... С ней все иначе... Но... От нее с ума сойти можно... Нежная, милая... Чистая... Глаза, как озера... Вот, в чем утонуть...

Он осушил бокал до дна.

Габриэлла заботливо подлила. Сама она не пила. Назад-то ей за рулем придется быть... И, кроме того, сейчас, именно в этот момент необходим самоконтроль. Полный. Сапер ошибается лишь однажды...

– Может быть, еще вина?

Официантка подскочила некстати.

Всюду чужие глаза...

– Несите еще, – велел Ростислав.

– Не много ли? – с мягкой улыбкой заботливо спросила Габриэлла.

– Легкое вино. Жажду утоляет... От легкого вина ничего плохого не будет, – ответил Славик, не понимая, что его уже развезло достаточно сильно.

– Ну, смотри сам, – девушка опять повернулась вполборота, глядя на воду.

– Так ты не сказала о своей мечте. Поделись.

– Но и ты о своей не сказал...

– Я первый спросил...

– Ты действительно хочешь знать?

– Конечно, иначе зачем спрашивать?

– И ты хочешь, чтобы я тебе честно ответила?

– Честно-честно!

– И не будешь потом говорить, что я дура, раз о таком мечтаю?

– Ты никогда не казалась мне дурой!

– А если на этот раз покажусь?

– Нет. Этого не будет. Не бойся.

Габриэлла снова задумалась.

Он ждал. Вполне расслабленно.

Подошла официантка. Открыла новую бутылку. Налила. Исчезла.

Он снова глотнул.

Улыбнулся ободряюще:

– Ну же! Я жду...

– Хорошо. Слушай:

«Кабы я была царицей, —
Третья молвила девица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря...»

Славик умилился. Неужели? Неужели – она мечтает о...?
– Ты... Ты о ребенке мечтаешь? Я правильно тебя понял?
– Да, – кивнула, потупившись, Габриэлла. – Дура, да? Ты это подумал сейчас?
– Ты дурочка, что свою мечту глупой считаешь, – возмутился Славик. – Нет, конечно, не дура.
Он помолчал и решил:
– Это ведь и моя мечта тоже! Вот такое странное совпадение произошло... Бывает же!
– Но тебе-то что мешает! Тебе-то!
– Ничего не мешает, – помрачнел Ростислав. – А вот, сама видишь...
– Вижу... Вижу идеального мужа...

Габриэлла замолчала. Наступал ответственный момент. Тут лишнее слово – и все. Сорвется добыча с крючка. А добыча серьезная... Нельзя, чтоб и малейшее сомнение закралось в ее искренности, незаинтересованности. Так. Друзья встретились. Случайно оказались в городе в московскую жару.

И вот – у каждого свое... Своим делятся... А с кем же еще делиться, как не с друзьями?

– Ты, прости, Слав... Я о своем задумалась... Я недавно с любимым человеком рассталась. До сих пор болит.

Габриэлла опустила голову низко-низко и судорожно вздохнула. Вполне можно было подумать, что она прячет слезы. Вполне.

– Я детей от него хотела. Только и всего. Просто – любила. Потому и детей хотела. – Она старательно перевела дух, чтобы показалось, что борется с волнением и болью.

Взяла салфетку, чуть промокнула веки под глазами, подняла голову и с полуулыбкой промолвила:

– Ладно, проехали. Он не захотел себя связывать. Хотя... Чем связывать? Я не предлагала замуж... У меня же все есть, мне от него

ничего не надо. Только ребенку хотела жизнь дать. Нашему с ним ребенку. Это что – преступление? Как ты считаешь?

– Идиот он, твой любимый, – такая девушка рядом, а он... Да я б мечтал...

– Но у вас-то что? У вас никаких проблем быть не должно, чтоб мечты сбывались, – сочувственно промолвила «друг семьи».

Она уже понимала: все идет по ее плану. И все осуществится так, как ею и было задумано.

– Вот и я не понимаю, почему, – подтвердил Славик.

Он видел сочувствие в глазах собеседницы, видел понимание, чувствовал ее чистоту, неиспорченность, бескорыстие.

Такие явные редкие качества, как чистота и бескорыстие, обычно свидетельствуют о крайнем цинизме и расчете того, кто так умело их демонстрирует. Но мир так хитро устроен, что мы скорее верим тому, что нам кажется в данный момент, а не каким-то там изречениям и чужим выводам.

В данный момент Славик верил Габриэлле безоговорочно. И она это ощущала всеми фибрами своей души.

– Я не знаю, чем Сана твоя недовольна, – вымолвила осторожно чистая и бескорыстная девушка.

– То есть... Что значит – недовольна? Она... жаловалась тебе? – напрягся Славик.

– Ну, практически да. В общем, говорит, в постели ее что-то не устраивает... И вообще... – Да что я буду разносить чужие слова – это не в моих правилах... – пропела Габриэлла.

Славик ее услышал!!!

Это она учуяла сразу и возликовала. Услышал именно то, что ей и надо было.

– Значит, это ЕЁ в постели что-то не устраивает? Спасибо, что сказала, Габи. Ты настоящий друг. – Славик сделал сразу несколько больших глотков из бокала. – Да я тебе скажу, кого из нас это должно не устраивать. Она же фригида! Понимаешь? Ей ничего не нужно! Лежит как... ствол березовый. Она после свадьбы фату на березу напялила. Дизайнер! А мать моя в ужас пришла: примета, говорит, плохая. И точно: примета! Ни детей, ничего!.. И еще обсуждает это! Ну, это мы посмотрим...

Гнев охватил Ростислава нешуточный.

Габриэлла таким его никогда не видела и несколько встревожилась. Может, не надо было о таком? Так сразу? А характер у добычи... да... прямо скажем. Впрочем, и не с такими могла она совладать.

– Славик, миленький! Прости меня! Что я наделала! Это же не она, это все я! Я виновата! Зачем я? – Она принялась всхлипывать.

Плечи ее дрожали, губы тряслись...

Женские слезы творят чудеса...

– Нет, тебе как раз спасибо! Глаза мне открыла. Ну, перестань плакать, малыш. Перестань.

Славик, умело переключенный на девичьи слезы, сочувственно взял ее руку, погладил.

– Нет, я правда... Я виновата... Зачем я...

– Все... все... будет... Спасибо, что сказала... И – не плачь. Все же хорошо.

И правда – все было именно хорошо!

И река, и утки, и вино холодное, и девушка напротив...

Он вдруг успокоился и почувствовал, что счастье где-то близко. Где-то рядом... Радость, надежда...

Ему стало так замечательно. И тонкая девичья рука так доверчиво покоилась в его ладони.

– Все еще будет! Все будет! И у тебя. И у меня... Мечты сбываются, – заговорил он.

– Ты в это веришь? – прошептала девушка.

– Да. И ты поверишь. Увидишь сама, – убежденно произнес Славик не очень хорошо слушающимся языком.

И вот теперь – пора! Пора заканчивать этот волшебный ужин, пока он тут не уснул за столом... Потому что программа вечера, спланированного Габриэлой, была выполнена лишь наполовину. И если остальное не удастся, то и эта половина окажется совершенно напрасной тратой времени.

– Знаешь, что-то меня познабливает, – пожаловалась она спутнику. – Может быть, расплатимся и поедим?

– Конечно, поедим, заяц, а как же! Ты у меня сегодня капитан! Ты – рулевой. Я, видишь, расслабился с тобой, девочка...

– Я рулевой... Капитан у нас ты, – заворковала Габриэлла, – я нас довезу в целостности и сохранности, капитан может быть спокоен.

Из ресторана они вышли в обнимку. Как будто так и надо. Как будто это само собой разумелось.

Никаких лишних слов. Он прижимал ее к себе, она не отстранялась.

Нежная, хрупкая, теплая, беззащитная. Птаха.

Она чувствовала его желание и решимость. Она ликовала. План сработал. Впрочем, тьфу, тьфу, тьфу... Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь...

В машине Габриэлла уселась на водительское место. Он – рядом. Положил ей руку на коленку. Сжал.

Она старалась ехать побыстрее. Вдруг пыл его пропадет? Надрался все-таки... Может задряхнуть тут, и все сорвется.

Хорошо, что в летней ночной Москве было пусто, как в мечтах о любви.

Ей было совсем не до того, чтоб его хотеть. Хотеть – это забыть, это – отвлечься... А у нее должно все пройти без сучка, без задоринки. Ей вполне достаточно, что он ее хочет. Жаждет. И – разумеется – получит. И получит так, что не забудет, как получал... А если забудет, напомним...

Доехали. Поднялись на лифте. Он держался за нее как приклеенный.
Йес! Все равно ты будешь мой!

Она ликовала.

– Милая! Девочка! Ты... Будешь моей? – спрашивал он ее, зная, что да, что конечно, не веря себе, что вдруг это сокровище, это чудо оказалось в его объятиях...

Вошли в гостиную.

Пусть все произойдет здесь. В чужую спальню ей не хотелось. Не тот случай. Потом еще угрызения совести его одолеют. Нет-нет. На фиг надо.

Габриэлла включила полный свет.

Пусть любовь свершится, как на театральных подмостках. Пусть он – единственный зритель, он же участник, видит и наслаждается увиденным. И чтоб потом не говорил, что во тьме перепутал.

Нет! Пусть запомнит все-все.

Все и свершилось. Довольно быстро, скучно. Но какая разница? Какая половая разница, в конце концов? Речь-то совсем о другом! Речь – о будущем. Светлое будущее – оно всегда в наших руках...

– Ах, что ты со мной делаешь, что ты со мной делаешь, – бормочет опьяненный ласками Славик.

Что я с тобой делаю... Сказать бы тебе, идиот! Ребенка я с тобой делаю! Ты ж хотел ребенка. Ну, вот я и стараюсь. Давай-давай, любимый... Мой нежный, мой ласковый, мой необыкновенный...

Несколько секунд могут решить всю оставшуюся жизнь человека – вот

ведь как! Рраз! И судьба свершилась!

И наконец Славик вопит, производя финальный аккорд:

– Я тебя люблю, Сана! Саночка!

Вот тут-то Габриэлла и возненавидела ту, которая никогда не причинила ей зла. Возненавидела активно, окончательно и бесповоротно.

Ты за все ответишь, гад!

Женька весь вечер думал, что же он-то сам может поделывать.

Догадки лезли в голову одна страшнее другой.

Убил этот гад свою жену или нет?

Если не убил, где она?

Обычно ее можно было найти в интернетном поиске. Набрал имя и фамилию, выбрал новости на последние 24 часа и – пожалуйста: вот интервью, вот презентация, вот фото, вот упоминание о ней.

А тут – вообще ничего! Ни слова!

Он даже решился, позвонил в ее офис, представился журналистом.

– У нее отпуск, – ответили. – Свяжитесь с ней по электронной почте.

Отпуск – это уже обнадеживало. Ну, могла же она и вправду поехать куда-то отдохнуть?

Он бы принял эту версию с чистой совестью, если бы не видел своими глазами, что этот гад творил с ней тогда. Она же и пропала именно после этого.

Как тут не волноваться?

Он даже написал Сабине Мухиной сообщение в Фейсбук, попросился в друзья... Просто в надежде, что она ответит. Уже даже если предложение о дружбе отклонит – и то весть от нее будет.

Но она ничего не отвечала.

Отпуск?

Хорошо бы – отпуск. Лишь бы так...

Гад поорал, побесновался и, похоже, свалил из дому. Вдруг тело перепрятывать поехал? Хотя вряд ли... Он нарядный был, переоделся, как на праздник.

Может, она в больнице? И этот поехал навещать?..

Нет-нет... Чего б он тогда орал там, у себя...

Женька засел у окна, ожидая возвращения убийцы. То, что муж Сабины – убийца, он почти не сомневался.

Почему-то ему казалось очень важным дожидаться возвращения этого подонка, чтобы потом окончательно решить, что же предпринять.

Он отлучался только воды попить да в тубзик. Есть не хотелось – жара.

Как всегда, когда что-то его сильно напрягало, Женька взялся за книгу. Были у него любимые книги, от которых спокойнее становилось на душе.

Сейчас рука сама вытянула с полки «Карлсона».

Вот оказался бы у него друг Карлсон... они бы устроили этому уроду. Обосрался бы – кроме шуток.

Женька увлекся своими мыслями о том, как залетели бы они с Карлсоном в окно к гаду. Правда, у того стеклопакеты. Трудно попасть будет. Ничего. Они взяли бы по молотку. У бати замечательный набор инструментов. Они взяли бы оттуда по молотку и вломились бы к сволочуге. Карлсон парил бы над его головой и орал бы: «Говори, гад, где тело твоей жены?»

Интересно, на каком языке вопил бы Карлсон? Ну, ладно, пусть на своем родном, шведском. Можно и перевести. Так бы они ему мозги полоскали в два голоса: по-шведски и по-русски. Еще страшнее.

Женьке стало смешно. Он даже есть захотел и принялся прикидывать, успеет ли отбежать к холодильнику, схватить кусок колбасы, булку и вернуться на свой наблюдательный пункт?

А если как раз в этот миг тот вернется? Пройдет через гостиную, и все. И ожидание впустую.

Однако голод все же взял свое.

Женька, как пантера – в три прыжка, – достиг цели, уцепил колбасу, хлеб и нож, вернулся на свой наблюдательный пункт.

Нет, конечно, ничего он не упустил. Две секунды туда и обратно.

Он принялся нарезать колбасу, хлеб. Сооружал бутерброды. Книжка про Карлсона стоймя стояла на подоконнике, не заслоняя главного: вида на противоположное окно.

Его испугал резкий звонок во входную дверь.

Ну, кто там еще?

– Жень, Кот опять пришел, забирай, – послышался голос соседки.

Ну да. Кот. Котьяра чумовой. Творит чего захочет. Личность сильная, видите ли.

Женька открыл дверь и впустил Кота. Тот, входя, пихнул дверь лапой, чтоб пошире ему было.

– Пришел, я на балконе цветы поливала, – пояснила соседка. – Сел. Сидит. Сидел-сидел, потом говорит: «Все, выпускай, нагостился».

– Спасибо, тетя Маш, я побегу. У меня там колбаса. Он, наверное, из-за колбасы пришел, – заторопился Женька.

– Да мне-то что. Пусть приходит. У нас дружба, всегда рада.

Кто не знает Женькиного Кота, обязательно решит, что соседка-пенсионерка умом тронутая. Ишь, как выражается: «Кот сидел, а потом и говорит...»

А вот кто знает, все поймет правильно.

Кот говорит. Молча, не раскрывая рта, или пасти – как правильнее сказать?

Как он это делает – вопрос, конечно, интересный. Но не главный. Потому что в разговоре главное – что?

Взаимопонимание!

А оно у Кота с собеседником устанавливается просто фантастическое.

Кот появился у них крохотным котенком.

Женька с мамой тащили в дом сумки из «Ашана». Вышли из лифта – у их двери сидит жалкое дрожащее существо. Вернее, не так. Тело его дрожало, но непреклонная воля проступала с первой секунды знакомства.

– Ой ты, маленький, что ты тут делаешь, бедненький? – склонилась над малюткой Женькина мать.

– Вас жду, – ответил Кот, – ну чего стоите, открывайте!

Кот толкнул тощей котеночьей лапой их дверь и даже «мяу» не сказал. Зачем мяу-то? Он же по-человечески к ним обращался и все, что надо, вполне понятно велел!

– Он что? У нас жить собрался? – неуверенно обратилась мать к сыну.

– Ну, видишь же сама, – ответил Женька, четко понимая, что решение Кота окончательное и никаким обжалованиям не подлежит.

Они открыли дверь. Кот (всем сразу стало понятно, что зовут его Кот и никак иначе) вошел первым, обернулся на хозяев и сказал:

– Ну, чего встали? Жрать собираетесь давать или что?

– Он кушать хочет, – прокомментировала мама жалостливо.

– Пойдем, молока тебе дам, – предложил Женька.

– Наконец-то, – вздохнул Кот.

Так и сложились их семейные отношения.

Главным человеком в жизни Кота стал тот, кто первый понял, чего ему надо. То есть – Евгений.

Второе место поделили мать и отец. К ним Кот относился ровно, вежливо, но несколько отстраненно. Правда, если у кого из родителей что болело, он без разговоров запрыгивал на больное место и лежал на нем, пока не становилось легче.

Поначалу у неопытных родителей имели место попытки стряхнуть с себя неумную животину, поскольку и так тошно, отстань. Но Кот плевать хотел на чужую глупость. Он врачевал. И даже не считал нужным вступать в пререкания.

Довольно быстро (даже странно) родители сообразили, что после лежания Кота на больном месте происходит облегчение с последующим

исцелением. Поэтому Кот мог беспрепятственно и без всяких там лишних слов залезть на голову к тому, у кого она в данный момент болела, лечь воротником вокруг шеи, если шею продуло, обвиться вокруг горла, если начиналась ангина...

Кота зауважали. О любви можно не говорить – полюбили его, можно сказать, с первого взгляда, еще хлипким котенком. Но любовь без уважения – чувство зыбкое и проходящее. Не очень надежное. В лучшем случае такому любимому грозит «покровительства позор».

А вот любить и уважать – это дело серьезное. Ну а Кот и был серьезным, основательным существом.

Он очень быстро и незаметно вымахал, став крупным, самостоятельным и всепонимающим членом семьи.

И вот, что интересно: он, похоже, решил, что судьбой ему определено жить при Женьке. Скажем, Кот любил дачу. Ну, он там мышковал, охотился, хотя никогда пойманную дичь не жрал: приносил отцу с матерью – пусть, мол, сами решают, как поступать с добычей. Еще он почему-то любил сидеть на крыше дачного дома у печной трубы. Садился – солидный такой, аккуратный, ростом чуть не с эту самую трубу, и смотрел на звезды. Часами так сидел и смотрел. Такая у него шла личная жизнь.

Но на свою любимую дачу Кот соглашался ездить только с Женькой. Едет Женька – едет Кот. Женька остается – Кота ни за что не уговоришь ехать.

Опять же – настаивать не стали: Коту виднее.

И родителям почему-то делалось спокойно, когда сын оставался в московской квартире с котярой. Мистика – но они почему-то верили в сверхъестественные способности Кота, хотя, кроме целительства и телепатических разговоров, Кот больше никаких способностей не проявлял.

Некую симпатию испытывал Кот к соседке. Весной и летом он обычно ловко забирался к ней на балкон, граничивший с балконом его хозяев, и некоторое время наблюдал за тем, как она ухаживает за цветочками: поливает, удобряет. Слушая задушевные разговоры тети Маши с цветами, Кот принимался урчать, показывая тем самым, что голос женщины ему приятен и действует на него расслабляюще.

Наслушавшись тети-Машиных причитаний над растениями, Кот вставал и говорил беззвучно:

– Ладно, пойду я...

Уходил он всегда через входную дверь. И поскольку отпирать-запирать замки было не его заботой, тетя Маша обязательно препровождала гостя в

его законное жилище.

Женька, говоря соседке про Кота и колбасу, мягко выражаясь, лукавил.

Это был просто предлог, чтобы распрощаться побыстрее и занять место у подоконника.

Никакую колбасу Кот не стал бы есть даже под страхом смертной казни. Нюхал, презрительно морщился, иногда даже плевался... И чтоб это взять в рот и проглотить... Да вы что?

Именно так и выглядел сейчас Кот, развалившийся на Женькином диване, как самый главный босс во вселенной.

– Что ты делаешь? Зачем жрешь эту гадость? – спросил Кот у Женьки, схватившего бутерброд.

– Лежишь, и лежи, – ответил Женька вслух и чуть не подавился, закашлялся.

Кот тревожно приподнялся, готовясь, видимо, исцелять.

– Лежи, лежи, – успокоил его Женька. – Ничего со мной не случилось. Тошно просто жить на этом свете. Кругом одни сволочи.

Окно, за которым он столько времени наблюдал, казалось пустым и безжизненным.

– Слышь, Кот, по-моему, вот там вот – глянь, пожалуйста, один подонок убил свою жену. И я не знаю, что мне делать вообще.

Кот почему-то развалился на спине, лапы врозь и зажмурился.

Как тапка меховая.

И ни слова.

– И чего? Замолчал? Тебя не колышет?

Кот всхрапнул.

– Ну, ясное дело. Нагулялся. Цветочков нанюхался. Тебе по фиг мои проблемы.

Как бы там ни было, в присутствии Кота грустить не получалось.

Женька успокоился, доел свои бутерброды, посидел еще у окна, положив голову на подоконник. Наверняка сегодня уже ничего больше не произойдет. И лучше всего улечься рядом с котярой и заснуть.

Он встал со своего насиженного стула и потянулся. Все! На сегодня хватит. Насмотрелся. Свалил куда-то муженек. Надо действительно завалиться и уснуть.

И вдруг...

Вот почему все долгожданное происходит именно вдруг? В самый последний момент? Когда уже и надежды нет?

Вдруг самый яркий свет зажегся в гостиной Сабины Мухиной.

– Ничего себе! – поразился Женька.

В гостиную вошли двое.

Неужели Сабина? Вернулась к гаду и простила?

Идут в обнимку. Муженек нетвердым шагом. Жена его ведет...

Голубки...

Хотя – стоп! Стоп! Какая там жена?

Козел не с женой домой вернулся! Поддатый и с чужой бабой!

Они начали целоваться, лизаться, как в самой гадской киношке.

Женькина видеокамера работала. Он стоял у окна, в темноте короткой летней ночи и плакал. Сам не знал, почему. Просто – тоска вцепилась в сердце.

– Какое же кругом б-дство! – сказал Женька окну.

Кот слез с дивана, подошел к другу и легко вспрыгнул на подоконник.

– Посмотри, – сказал Коту Женька, – вот нелюди.

– Да ну их, – отказался Кот. – Зачем туда глядишь? Ты чё? Я ж с тобой.

Цени.

Женька гладил теплого Кота и успокаивался.

Голая баба за окном старательно ублажала подлого мужика. Красивая, конечно, ничего не скажешь. Понятно, почему ей при свете хотелось – чтоб этот тварюга оценил. Но тот, похоже, ничего спьяну не замечал.

И тут Женьке показалось, что у голой бабы в руке что-то зажато. Вроде она такая вся самозабвенная, страстная, со снесенной от урагана чувств крышей... А в руке у нее вроде как телефон... Она снимает процесс!!!

Вот это да!

Женька сразу догадался, что девка хочет потом вещдоки мужику предъявить, если тот примется отказываться, что забыл, что не было ничего...

Он аж рассмеялся. Вот, кто друг другу пара! Этот убийца и баба-шантажистка. Явная же сука-шантажистка...

Кот, почувствовав, что настроение друга поднялось, спрыгнул с подоконника и снова залез на диван.

– Шел бы ты спать, – сказал Кот.

– Сейчас-сейчас, – пообещал Женька.

Он просматривал свою видеозапись.

– Тьфу! Ну и пакость! Но теперь он его, гада, припрет к стенке. Теперь понятно, что у него и мотив был для убийства жены. Неужели он все-таки убил?.. Лучше бы нет...

Женька пообещал себе, что, если Сабина окажется жива-здоровая, он пойдет в храм и закажет благодарственный молебен.

А еще – передаст ей все материалы, которые он собрал. И про

избиение, и про измену. Пусть сама решает. Если вдруг забыла и простила, пусть еще разок посмотрит, как ее ногами пинают... Лежачего не бьют... Как же! Всех бьют! И лежачего, и лежачую... Вот такая жизнь пошла...

...Все записалось – лучше не бывает. Он досмотрел, как баба одевалась, как что-то говорила, нежно улыбаясь, вот последний прощальный взмах...

...Исчезла...

Да! Настоящая профессионалка. Оделась, стала вновь такая чистая, непорочная. Воплощение порядочности и высокой нравственности.

Можно было подумать, что она недотрога. С такими и заговорить-то страшновато бывает. Ну, да, все как в анекдоте получается: «У порядочной женщины каждый мужчина – первый».

Женька вновь посмотрел, что там делает этот так называемый муж.

Этот так и лежал на диване со спущенными штанами. Расслабился, видно, на славу.

И тут на Женьку накатило. Подонок наслаждается жизнью по полной программе, а жена его...

Он быстро включил скайп и, пристально глядя на все еще освещенное окно, набрал номер, который помнил наизусть. Пошли длинные гудки.

Женьке все было видно. Вот герой-любовник стал озираться, услышав звонок телефона, вот, подхватив одной рукой брюки, взял другой рукой телефон, попутно глядя, чей номер высветится.

Ха! Номер! Женька потому по скайпу и звонил, чтобы на дисплее обозначилось: «Номер скрыт».

– Але! Я слушаю! – раздался хриплый голос.

– Признавайся, куда дел тело жены! – крикнул Женька угрожающе. – Ты за все ответишь, гад!

– Але! – завыл явно испуганный собеседник. – Але! Кто это?

Но Женька отключился.

Теперь действительно пора было спать. Он твердо знал, что ему делать утром.

Птича, помоги мне!

Птича с разбегу влетела в объятия дорогого ей человека.

– Петр! Какое счастье! Не может быть! – восклицала она, только сейчас поняв, как же она соскучилась по своим, как много ей надо рассказать...

– Чудо! Настоящее чудо! – радостно отвечал Петр, муж любимой сестрички Рысеньки.

– Как ты здесь оказался? Почему? Как Рыся? Как наши? Ничего не случилось? Или случилось? – радовалась и тревожилась Птича, заглядывая в глаза тому, кого любила как брата. – Ты же должен быть у нашей мамы в Швейцарии. Что-то с Юрочкой?

– Нет, успокойся. С Юркой порядок. Все... ничего. Я тебя искал. Встревожился. Звоню уже десять дней тебе – и все никак. Домашний молчит. Мобильный: «Аппарат абонента выключен...» На мейлы не отвечаешь... В конце концов мне это перестало нравиться.

– Но я ведь Рысе позвонила... Петя... Как же? Я тебе столько должна рассказать... Неужели тебе Рыся не дала мой другой номер? У меня все меняется. Все изменилось... И – как хорошо, что ты здесь...

Сана оглянулась и увидела Генку, который, улыбаясь, шел за ними, стараясь не мешать разговору родственников.

– Петь, вы знакомы? Ох, что я говорю, конечно, мы же виделись тут как-то все вместе... Ген, правда же? Ты Петра помнишь?

– Помню, разумеется.

– Петь, вот смотри: я сегодня дала Гене слово, что мы поженимся, – торжественно объявила Сана.

Петр оторопел:

– Подожди-подожди... Что тут у вас происходит? Ты же замужем... Еще две недели назад точно замужем была. Или я что-то путаю? Упустил?

Тут, естественно, на веранду выкатилась коляска с орущей Викусей – дед позаботился, чтобы малютка не рыдала в одиночестве в своей светелке.

– А это кто? – ошарашенно спросил нежданный дорогой гость. – Это чье?

– Это – наше! – гордо ответил Геннадий. – Наше все! Дочь полка.

Сана быстро подхватила «дочь полка» на руки. Та немедленно успокоилась и принялась озираться.

– Не удивляйся ничему. Все в порядке, все хорошо, мы не сошли с ума,

все идет по плану, – быстро говорила Птича, видя, что Петр попросту испуган количеством обрушившихся на его голову новостей.

– Чайку? – галантно предложил дед.

– С удовольствием. И... может, мне умыться, что ли... Я ведь из аэропорта в гараж за машиной заскочил и сюда... Наудачу. Последняя надежда... Хорошо, что ты нашлась.

– Но ведь Рыся знает! – начала опять Сана и сама же себя перебила: – Ладно, Петечка, потом, все потом. Иди умойся, чайку попьешь. Мы тебе все расскажем... И ты нам... Да?

Петр отправился умываться, а Птича, глядя ему вслед, вдруг поняла, что он как-то изменился. То ли осунулся, то ли тоска какая-то отпечаталась на всем его облике... А может, просто устал. Летел, ехал... Мог устать... Нет, что-то тут не то.

Она помнила его еще со своих студенческих времен. Петр Евгеньевич вел у них в институте рисунок. Птича тогда его побаивалась – он иной раз так строго смотрел. Наверное, потому, что молодым был, дистанцию обозначал.

Получилось так, что, в сущности, благодаря Птиче старшая сестра Рыся и познакомилась со своим будущим мужем. И Юрочка, племянник, стало быть, появился на свет тоже благодаря ей, тете Сане. Вот как все завязано!

Вышло так, что Рыся, начинающий психолог, вела курсы для желающих избавиться от лишнего веса. Вот чтобы привлечь на эти курсы клиентов и клиенток, развешивали они всей семьей объявления где только могли. Естественно, Птича у себя в институте на доске объявлений тоже разместила один такой призыв.

А Петр Евгеньевич взял и пошел на эти курсы, хотя никакого лишнего веса у него не было. Он просто искал натурщицу себе для картины. Хотел создать нечто в духе Кустодиева. И никак ему не попадалась настоящая. Такая – гладкая, пышущая здоровьем, пышная... Вот он и смекнул. Решил пойти на курсы и приглядеться. Записался, заплатил за занятия... А сестра Рыся все недоумевала: что такой стройный и подтянутый мужчина делает на ее занятиях?

В итоге получилось все сразу: натурщицу себе Петр нашел. Именно такую, какую искал. И картина вышла замечательная. Пришлось даже серию сделать – покупатели в очередь вставали.

Но самое главное: Петр встретил там свою любовь! Он влюбился в Рысю без памяти. И Рыся в него. Просто сделались как сумасшедшие, такая

любовь. Побежали в загс как угорелые. И с тех пор живут душа в душу.

Птича вспомнила, как обалдела, увидев Петра Евгеньевича за ручку с Рысей на пороге их квартиры. Вот смех-то! Какими они тогда выглядели невероятно счастливыми. Сияли...

И все эти годы, глядя на них, Птича чувствовала себя счастливой. Есть она, любовь! Настоящая, которая через годы проходит и только ярче сияет.

Но почему же все-таки Петя вернулся? Он же собирался пару месяцев пробыть с сыном и женой в Швейцарии, недавно совсем улетел. Что там у них стряслось?

Все здоровы – это точно. Это он бы сразу сказал. Да это бы и Рыся сообщила. Что ж такое-то?..

Петр вышел к столу вроде бы немного посвежевший.

«Может быть, просто устал?» – с надеждой подумала Птича.

– Ну, рассказывайте, что тут с вами происходит, – довольно весело велел гость. – Что вы тут такое затеяли?

– Петь, я развожусь с Ростиславом. Мне тяжело жилось. Но... Я боялась с ним расстаться. Он грозил, что в случае чего у него на всех компромат есть, что он всех уничтожит... Деньку, тебя... Ну, я не хотела никого подставлять...

– Она сама подставлялась зато, – зло вмешался Генка и велел, обращаясь к Птиче: – Ты просто так не болтай, ты свои «ордена и медали» покажи!

– Какие «ордена и медали»? – явно боясь своей догадки, спросил Петр.

– Желтые и синие. На спине и на руках. Ты покажи, покажи, что уж теперь...

– Вот, – Птича сняла кофточку, оставшись в своем девичьем сарафанчике, и повернулась к Петру спиной.

– Это он? Твой муж? Он тебя бил? – незнакомым голосом проговорил Петр.

– Она должна была побои снять. Зафиксировать. В тот же день. А вместо этого сюда уехала, – сквозь зубы ожесточенно произнес Геняч.

– Все, – велела Птича, – Ген, прекрати. Какие побои, куда фиксировать, если я еле встала? Нелька с Викусей заехала, мы ж заранее договорились, отвезла нас сюда. И здесь я была все это время одна. Она мне свой старый аппарат отдала с резервной симкой. Я не хотела никого волновать. Мне нужен был покой. И точка. И то, что я из его дома ухожу навсегда, это я осознавала, когда документы все забрала. Шмотки – пусть... На память. Плевать. Дверь закрылась. И та жизнь закрылась. Единственно, что я хочу:

обезопасить всех своих родных. Вдруг он не врал? Вдруг накопал что-то?

– Вот для этого и надо было побои зафиксировать, Птич, – объяснил Петр, – это же чистойшей воды уголовщина. И он бы побоялся в этом случае что-то предпринимать...

– Так и я о чем, – поддакнул Геныч. – Ну, ладно. Ты права. Куда тебе было. Чудо еще, что с младенцем управлялась одна.

– Я найму адвоката. Пусть он всем этим и занимается, – твердо сказала Птича.

– Я всем займусь. Я же с тобой, – заявил Рыцарь.

Петр смотрел на них с невольной улыбкой. Птича заметила эту недоверчивую улыбку и поспешила высказаться:

– Петя, ты думаешь, мы тут сумасшедшие, да? Все так за полчаса решили – развожусь-женюсь... Но... какие бы мы ни были – а мы так решили и пообещали. Все.

– Ты что? Мысли уже взялась читать, да? – удивился Петр. – Вот представь себе, подумал с точностью до наоборот. Подумал, что вы оба выглядите так, как будто родные сто лет.

Генка протянул руку Петру и с чувством пожал протянутую в ответ ладонь.

– Ты извини, – смутилась Птича, – это нервное. День такой, наверно... Новости за новостями. Вот – ты прилетел. Я ж понимаю – это неспроста. А ты молчишь. И вижу – что-то случилось.

– Я затем и приехал, Птиченька, чтобы понять, случилось или не случилось. Искал тебя, чтобы поговорить. Не мог там у твоих оставаться в таком состоянии. Мне с тобой кое-что обсудить надо.

– Вы тут оставайтесь, – велел понявший все Геныч. – Мы с дедом ребенка уложим.

– Ее накормить надо сначала. И памперс сменить. Ты справишься? Я вот сейчас бутылочку приготовлю...

– Я и бутылочку приготовить смогу. Там же все написано, а я читать умею, Мухина. С давних пор. Сиди уж, говори по делу.

– Мы тогда... Мы на улицу пойдём, да, Петя? Спасибо тебе, Ген.

Сана понимала, что просто так, из-за пустяка не полетел бы Петр в Москву. Она тревожилась, ожидая плохих вестей.

Уселись в шезлонги.

– Помоги мне, Птича! Очень прошу, помоги, – сказал Петр отчаянным голосом.

– Петечка, милый, я всем тебе помогу, что в моих силах, обещаю, –

горячо отозвалась Сана.

– Не обещай зря. Ты, может, и видеть меня не захочешь, когда я тебе все расскажу. Скорее всего, так и будет. Но другого пути у меня нет.

Петр явно собирался с духом. Сана молчала, ожидая его слов.

– Случилось вот что... Хотя... Нет, я не с сегодня и не со вчера начну... Тут надо сначала начинать. Только помни: я очень люблю твою сестру. Она – часть меня. Сердце мое. Про Юрку даже молчу. Но Ры... Она – моя совесть. Ну, ладно. Хватит просто слов. Все никак не решусь, хоть за этим и летел к тебе.

Слушай. Я до женитьбы жил, любви не зная. Ну, женщин было хоть отбавляй. Понимаешь, художник, модель... Все доступно, просто, легко... Чувств настоящих не испытывал. Влекло – получал. Нет – тоже плевать, другую найдем.

Ты помнишь, как я попал на эти курсы к Регинке? Искал толстуху в модели, и все не то. Вот нет такой дебелости, гладкости и – наглости... Знал, что хочу, знал, что востребуется, если найду точно то, что ищу... Но уж отчаялся найти.

Увидел это твое объявление, дай, думаю, попытаю счастья. Что я теряю, в конце концов? Деньги за курс обучения для меня доступные, толстушек там должно быть много – а вдруг?

И пошел.

Увидел твою сестру – глазам не поверил. Моя!

Но мысль эту отогнал. Я ж за другим туда шел. За делом. Заставил себя успокоиться. Подумал, главное – дело. А наша гуру – Мухина Регина – никуда от меня не денется.

И вот – второе чудо. Вгляделся во всех учениц, вижу: сидит та, которую я уж и отчаялся отыскать. Сидит моя гладкая толстуха, наглая, злая... Просто – сажай ее в мастерскую и твори.

После первого же занятия я ей и предложил этот вариант. Зачем, говорю, вам худеть? Вы ж себя не цените, вам равных нет по фактуре.

Она сначала мне и не поверила. Но я уболтал. Пригласил зайти, картины глянуть для начала. Чтоб хоть поверила, что я художник, а не трепач обычный.

Зашла, посмотрела, согласилась.

И на следующий день сразу после курсов пошли мы с ней в мою мастерскую уже работать.

Разделась она. Я ее усадил в подушки.

Смотрю – роскошь. Все по всем статьям то, что я искал.

Ну, что я тебе рассказываю...

В общем, после первого сеанса между нами состоялась... Ну, связь, понимаешь?

Я не удержался. А она... Она – простая, как две копейки. Так я думал. Давай, говорит, залезай на меня... Раз уж я тут голая. Чего добру пропадать? И я со смехом, вроде как подурачиться и полез. Ничего я всерьез не принимал и не думал принимать.

Ну вот так дело и шло. Я работал, потом развлекался. По-скотски. Какое-то скотство во всем этом было. И мне именно это скотство и нравилось.

Портрет я закончил. Получился такой, каким я и замышлял его сделать. Яркий, сочный...

Ну – все. Попрощались. Вроде даже легко так. Спасибо – пожалуйста. Разбежались. Я ей заплатил. Еще даже духов купил – порадовать. И с концами.

И потом... Ну, потом Регина. Заноза в сердце. Я-то знал, что люблю ее... Просто до боли...

– А как это, Петя, прости... Я не понимаю – это так можно: любить человека до боли и вступать в связь с другой? – спросила совершенно ошарашенная Птича.

– Да, так можно. Наверное, некоторые из нас так устроены. Кто-то – иначе. А я... Думал об одной, а возбуждался при виде другой... Я тебе все как есть рассказываю. И просто слушай сейчас, хорошо?

Короче... Я себя ненавижу... Были моменты такие... Ну – сказал себе: все, портрет кончен. Встречи кончены. Я понял, что Регина станет моей женой. И когда пошел ее провожать после курсов... Ну, понимаешь, все совпало. Все совпало – нашлась моя вторая половина. И никто мне больше не был нужен. Никто и никогда. Мы же тут же... Тянуло друг к другу неудержимо... Даже сейчас вспоминать – и то сердце заходится. И буквально на следующее утро я ее в загс повел заявление подавать...

– Я помню, – с улыбкой кивнула Сана. – Вы оба так смешно выглядели... Сразу видно: влюбленные дурачки. Правда... Ой, прости...

– Да, влюбленные дурачки. Я так и остался по отношению к своей жене – влюбленным дурачком. Удивляюсь всему в ней: и уму, и тонкости душевной, и характеру, и красоте... Да что там говорить. Ты сама все знаешь и видишь. В ней моя жизнь и мой свет. Это не для красного словца. Это так и есть.

И, казалось бы, что еще надо? Ты получил подарок свыше. Даже не подарок – Дар! Таковую я больше не встречал.

И все шло – лучше не бывает.

Что потом?

Прошло где-то месяцев восемь. А я работал как заведенный. Я не хотел от жены отставать. Я же видел, как вы все пашете... Ну, мне надо было себя хозяином в доме чувствовать. Я и туда, и сюда... За все берусь... Сделал серию обнаженок с этой... толстухой моей. Идут – на ура. Деньги за них отдают, не считая. И я подумал: надо бы мне эту модель позвать. Новенькое что-то с ней соорудить. С натуры оно – сама понимаешь – качество другое. И энергетика у картины другая. Живая картина получается.

У меня уже к тому моменту все-все поменялось в жизни. Я даже думать забыл, что когда-то ее хотел и все такое... Остыл напрочь, даже если на свою же работу, ее портрет, смотрел, не помнил, что между нами что-то было. Причем телефон ее тоже найти не мог. Мой мобильник, где ее номер был, сперли у меня... Ну – и канула девушка с концами. Так я подумал.

Но только я так подумал – опа! Сама мне звонит. Надо повидаться, говорит.

Отлично. Приходи, говорю. Заодно и поработаем.

Пришла. Еще толще, чем была. В остальном – та же.

– Ну, раздевайся, – говорю.

Разделась.

Стал я работать. Она лежит, от нее жаром так и пышет.

– Что делал это время? – спрашивает.

– Жил, – говорю, – работал.

– Смотрю: кольцо у тебя обручальное. Ты, никак, женился?

– Женился, – говорю.

– По любви?

– По большой любви.

– Я, – говорит, – сейчас угадаю, на ком.

И, представь, точно мне сказала: на Регине. Я отрицать не стал.

Тогда она мне и заявляет:

– Поздравляю. Только ей не мешало бы знать, что у меня сын от тебя родился недавно.

Я прифигел.

– Как так «недавно»? Что за ерунда? Девяти месяцев не прошло... И быть не могло...

– Быть все может, раз родился. А девять месяцев – это не всегда. Он недоношенный. Можешь посмотреть, папаша.

И ржет злорадно...

Я не поверил. Ни на секунду. И еще знаешь почему? Вот тогда, когда первый раз мы с ней повстречались как художник и модель, я обратил внимание, что у нее грудь выглядит как у беременной. Я много беременных писал. Знаешь, тогда спрос и на такое пошел. Богатые мужья старались своих жен в положении запечатлеть... И так все оформлялось... по принципу «все прикрыто, все целомудренно, только чуть наготы для особой красоты». И вечно просили грудь изобразить. Одну хотя бы. А живот в такой полупрозрачной вуали. Вот я и насмотрелся. И первая мысль, когда та разделась в первый раз, была: беременная небось. Но тут мне дела не было вообще.

И вот она через чуть больше чем семь месяцев сообщает, что у меня якобы родился сын.

Я подъехал, посмотрел. Абсолютно доношенный толстый парень. Ничего моего вообще. Ну, успокоился. И думаю, ладно, мели, Емеля, твоя неделя. Сделаю серию портретов, какие от меня ждут, дам этой денег – все-таки одна с дитем... Пусть. А остальное – на ее совести.

Так и вышло. А тему, чей ребенок, я заострять не стал. Просто поленился.

И повелось у нас с ней, что время от времени я ее в разных позах изображал. Картины продавал. Денег ей подкидывал. Она, наверное, решила, что я все ее байки принял за чистую монету.

Да и правду скажу. Каждый раз, когда встречались, я не удерживался. Меня к ней не тянуло. Но когда встречались, между нами все было.

– Ты изменял Рысе? И говоришь, ты ее любишь? – с тоской спросила Сана.

Она теперь не могла смотреть на Петра. Ей было нестерпимо больно. И все тут.

«Почему так происходит, – думала она, – почему ни одна пара не может спокойно себе жить и радоваться друг другу? Почему обязательно вклинится какая-то дрянь, пакость... Неужели нельзя без этого?»

– Да, я изменял. Но не считал это изменой. Я вообще о той не думал. Кончался сеанс, я уходил из мастерской и тут же забывал о той. Любил и люблю я только свою жену. И глубоко ее уважаю. Суди меня, как хочешь, я все тебе честно рассказываю, потому что это важно.

Прости. Я вижу, что у тебя у самой проблемы нешуточные. Тяжкие. И корю себя, что я раньше не был внимательным к тому, что у тебя происходит с этим твоим Славиком. Мне на него плевать, что бы он ни предпринял. Я должен вас всех защищать...

И я бы не стал тебе ничего говорить. Но сейчас речь идет о

существовании нашей семьи. И я просто в ужасе. Прости.

Я должен тебе все досказать. А дальше решай сама, будешь мне помогать или прогонишь насовсем. Пойму тебя, как бы ты ни поступила.

Слушай.

Так длилось все эти годы. Бывали большие перерывы. Бывало, год с толстухой не виделись. Я временами передавал ей деньги. Так, по привычке. По дружбе, можно сказать. В ее жизнь не вникал и не собирался. Иногда, если появлялся заказчик, звал ее, делал картину... Тогда она обязательно провоцировала меня на близость. А я уже привык... Все так легко... Да – да, нет – нет. И не надо.

И при этом, представь, был уверен, что не изменяю жене. Что то все – просто рабочие моменты. Она про них никогда не узнает. А это – так, пшик. Мне с этой не было ни интересно, ни весело, ни тепло. Так, как в бане побывать, что ли.

Ничего это от жены, от семьи не отнимало.

Мне так казалось.

И недавно – совсем недавно – я снова встретился с этой бабой. Причем я жене сказал, что буду на день позже (я по делам улетал). А сам прилетел и пошел с натурщицей в мастерскую. Я первый раз так сделал, ну, насчет даты прилета соврал. Дело в том, что мне, во-первых, надо было закончить портрет, ни на что не отвлекаясь. Во-вторых, я хотел с этой моей моделью все закончить раз и навсегда, Какая-то тревога меня начала точить. Словно что-то подсказывало, что я доиграюсь.

Там, в мастерской, все шло как обычно. Я работал. Она меня всячески подначивала. Провоцировала. Ну, естественно, я опять имел с ней секс. Потом она начала уже в открытую над женой издеваться. И говорила, что все жене расскажет, что у меня с ней сын...

Я ей высказал все, что о ней думаю. И о сыне, который не мой и моим никак быть не может. Я, кстати, еще раньше как-то ей сказал: давай сделаем генетическую экспертизу, все установим, если все так, как ты утверждаешь, я, конечно, своего сына признаю и всем о нем расскажу. Говорил я так, потому что ни на секунду не сомневался, что она врала мне. Ну, она на мое предложение тогда вяло оскорбилась, вопрос вроде закрыли. А тут она опять... Короче, я понял, что все. Точка. Порезвился, и хватит. Плохо все может кончиться.

Я ей все по полочкам разложил. Выпроводил ее, вернулся в мастерскую. И тут меня охватил жуткий страх. Никогда такого не было в моей жизни. Мне стало казаться, что кто-то на меня смотрит. Я и на второй этаж поднялся, все обошел. Конечно, никого. Но ощущение не проходило.

Дальше – другие чудеса. Оказалось, Рыся со мной полететь не сможет. У нее какое-то там срочное дело, какая-то клиентка богатая в горах худеть собралась, она отправилась к ней. И никак у меня не получалось с женой словом перемолвиться. Ну никак.

Такого у нас никогда не было за все годы семейной жизни. Мы любой ценой, где бы ни находились, старались каждый день друг с другом поговорить.

С одной стороны, все вроде как спокойно, логично. И мама ваша подтверждает насчет этой клиентки. Но я же чувствую! Я прямо шкурой чую, что какая-то беда случилась.

Стал думать: могла та тварь Рысе все сообщить? А почему и нет? Тем более она тогда учуяла, что я решил всерьез все закончить. Я понимал, что она видит: я не играю, не пугаю. Я ее в такси посадил. У нее денег не было (так она сказала). И у меня рублей с собой не оказалось. Так я пошел с ней, вытащил из банкомата деньги, машину поймал, оплатил, усадил.

Ну, она такая, что могла и позвонить. По принципу: ей плохо, пусть и другим будет плохо.

– А у нее что? Рысин номер есть? – спросила Сана.

– Не должен бы. Но... при желании любой номер узнать – дело пяти минут. Ты ж понимаешь.

– Да, – безнадежно согласилась Птича, – дело пяти минут. И... наверное – да. Рыся как-то узнала. Потому что она говорит не так, как раньше, она невеселая. Но ничего мне не рассказала. Правда, может, мне только показалось... Не знаю.

– И я ничего не знаю. Я так и не смог с ней поговорить. Мне хотелось все ей рассказать, чтобы, если та еще ничего не успела сделать, лучше пусть я расскажу. Умолю простить. Пусть она от меня услышит, лишь бы не от этой бабы. Но у меня чувство, что она что-то знает.

– Ты прилетел, чтобы я помогла тебе с Рысей связаться, да?

– А у меня другой надежды и нет. Я хотел с тобой поначалу просто по телефону поговорить. Не вдаваясь в подробности. Сказать, что повздорили, чтоб ты помогла... Никак тебе дозвониться не мог. Я уже говорил. Встревожился. Стал думать, что вы все от меня отвернулись. Места себе не находил. И вот прилетел. Сюда поехал из последней надежды. Мне и сейчас кажется чудом, что я сижу, вижу тебя, с тобой разговариваю. У меня надежда появилась. Я понимаю, ты меня презираешь. Я тебе кажусь не тем, что раньше. Но просто поверь! Я лучше, чем раньше! Я понял, что могу все потерять. Вот так – одним махом. Была семья, и нет семьи. И ничего тогда нет. И не нужно ничего. Зачем тогда я?

– Ох, Петя, что ж это творится... Мне страшно... Скажи, а увидеть тебя с ней Рыся не могла? Вот, допустим, захотелось ей пойти в мастерскую... Ну, не спалось, например... Она пошла, а там вы идете...

– Я и об этом думал... Если она меня на улице увидела, страшно то, что я якобы еще не прилетел, а сам вот он я... Больше ничего страшного. Я с этой дамой даже не разговаривал. Деньги вытащил, машину остановил, и все. Единственно, что с датой возвращения обманул.

Но почему потом, когда я в мастерскую вернулся, было у меня это жуткое чувство, что кто-то смотрит прямо на меня? Даже сейчас это ощущение вызывает ужас, представь!

Птича сидела в оцепенении.

Длинный день... Очень длинный. Устала она за сегодня. И как-то... Повзрослела, что ли. Чувствовала она себя старой, никчемной... Зачем все это? Все усилия, старания, напряги... Если в результате – ни у кого счастья не выходит. Ничего не выходит, как ты ни бейся... Ей душу грела мысль, что у сестры с мужем все так хорошо, крепко, по-настоящему... Все эти годы она только их примером и держалась. А теперь – что? Пшик... Пустота...

– Слушай, – произнесла она осипшим голосом. – Слушай... А вот зачем? Зачем ты мне все это рассказал? А? Зачем эти подробности? Мне – зачем? Я тебе не священник, грехов не отпущу... Как мне жить с этим, ты хоть подумал? И – как сестре жить с тобой, если она все видела?

– Как – все? – с выражением ужаса на лице спросил Петр.

– Откуда я знаю, как... Ты вот говоришь, что чувствовал в мастерской взгляд. А если это ее взгляд был? Что тогда? Если она все-все видела? Как ей жить, если мне так хреново от всего, что дальше некуда?..

– Нет, нет! Там не было никого! Я все обошел, в шкафы заглянул... Это точно...

Петр бормотал, как лунатик во сне.

– Ладно, не будем гадать, – подвела итог Сана, стряхнув с себя оцепенение. – То, что сестра что-то знает, – это я уверена. Каким образом узнала – вопрос второй. Или та твоя пассия сообщила, или она что-то видела. Кстати, я почему-то думаю, что второе скорее всего. Потому как она так тебя любит и так тебе верит, что если кто-то бы и позвонил, она бы просто послала это существо далеко и навсегда. И еще тебе бы рассказала, чтоб вместе посмеяться.

– Точно, – подтвердил Петр.

– Значит, второй, худший вариант, наиболее вероятен. Я ей позвоню. Скажу, что ты здесь. И дальше посмотрим, да?

– Нет, ты просто с ней поговори. Да-да, конечно, скажи, что я прилетел, что я тут. Но она со мной говорить не будет, а тебе что-то скажет.

– Хорошо. Позвоню. Только завтра. Просто у меня на телефоне денег очень мало. А положить я не могла. Я ж тут с ребенком и без машины.

– Я завтра с утра съезжу в поселок и кину тебе много денег на телефон, – горячо пообещал Петр. – И поверь...

– Ладно, Петь... Мне-то что... Мне лишь бы все между вами утряслось... Давай спать укладываться... А то на мне ребенок... Устала я.

Птича пошла тяжелой старческой походкой в дом. Спать! Лишь бы Викуся поспать дала!

Геныч сидел на веранде уткнувшись в книжку. Рядом с ним стояла коляска с мирно сопящей Викусей.

– Птич, ты иди поспи одна у себя. Я ее к себе возьму. Мне ничего не станет. Я ее, если что, подкачаю. А тебе выспаться надо.

– Правда? Ты сможешь?

Сана почувствовала, что ей захотелось улыбаться. Просто ни с того, ни с сего стало легче и веселее.

– А чего тут мочь? Иди, спи, Мухина, не мешай нам!

– Спокойной ночи! А ты правда мой жених?

Вопрос выпрыгнул из нее случайно, сам собой.

– На другое и не рассчитывай.

Как же хорошо ей спалось той ночью! И это после всего того, что... Значит, устала по-настоящему!

Звонки

Проснувшись, она даже не сразу поняла, где находится.

Села на кровати и принялась оглядываться, Викусю искать.

Потом сообразила: она же у Генки. Добрый Рыцарь дал Предкрасной Даме хорошенько отоспаться. Неужели сам справился?

Сана вскочила, наспех умылась-причесалась и отправилась к людям. На веранде вовсю уже гоняли чай. Стол был уставлен таким количеством деликатесов, что аппетит пробудился богатырский. Викуся сидела на руках у Геныча и озиралась по сторонам.

– С добрым утром, люди! – удивленно провозгласила Птича – Как вы тут без меня? А Викуся ела?

– Конечно, ела Викуся, а как ты думаешь! – голосом заботливой няньки отозвался дед-академик.

– А как вы смесь сделали? – продолжала тревожиться Птича.

– А мы, деточка, читать умеем. Прочитали на коробочке и размешали, – успокоил ее дед.

– А вот еда... стол такой... Это все откуда?

– Да садись уже ешь наконец. Все добыто абсолютно честным и законным путем. Мы с Петром съездили и закупились, – пояснил Геныч, – нас же теперь много. А будет еще больше, как я понимаю. Скоро Нелька твоя вернется.

– Верно! Молодцы какие!

Птича принялась завтракать с детским беззаботным аппетитом. Давно она не чувствовала себя так спокойно! За ней не подсматривали, не выискивали ошибки, просчеты. Ей просто радовались, и все тут.

Вот оно, счастье!

Все болтали ни о чем... И Викуся агукала, вмешиваясь в общую беседу. Это всех веселило и настраивало на особый, добрый и радостный лад. Стали вспоминать собственное детство...

– Я дико боялся Мойдодыра, – рассказывал Генка. – Он на картинке такой грозный. Просто оружие массового уничтожения...

– А я Федориного горя боялась... Как от нее все убегало...

– Так и в «Мойдодыре» тоже все убегали...

– Теперь понятно, чему я обязана...

– Вот ты о чем... Что я вчера к тебе заявился? Ну да – позорно бежал от Мойдодыра! А ты – смышленная.

- Только сейчас заметил?
- Агуууу, – веселилась со всеми Викуся.
- Чайку подлить? – заботился дед.

Только Петр сидел, не участвуя в их беззаботной болтовне. Улыбался, прихлебывал чай, но, похоже, мыслями витал где-то далеко.

Птича вдруг отчетливо вспомнила весь их вчерашний разговор. Сердце ее ухнуло.

Сегодня предстоит разговор, который сделает ее сестричку несчастной. И Петр уже сам себе не рад. Расплата за измену? Ну, хорошо, а сестра за что должна платить? Она никогда не изменяла, трудилась на благо семьи... Но говорят же: муж и жена – одна сатана. Если они единое целое, то и за грехи одного платят вместе. Вот ужас-то!

Только сейчас до Птичи дошло, что это значит, когда на венчании говорят: «И станут одна плоть...» Да – единый организм. Вот поранил левую руку, рана нагноилась, заражение попало в кровь – болеет весь человек, обе руки, обе ноги... Надо все вместе лечить. И скорее, скорее...

– Петя, ты деньги положил мне на телефон? – спросила она, вставая из-за стола.

– Да, много денег положил. И вот – карточку еще купил, чтоб с мобильного звонить за границу.

– Тогда пойдем, я готова. Ген, давай, я Викусю возьму, мы на улице позвоним, а я ее покачаю.

– Иди, иди, я сам покачаю, – не согласился Геныч.

– Мы тренируемся, – поддержал внука дед, подкатывая к нему коляску, чтобы уложить Викусю баиньки.

– Какие же вы молодцы, – невольно заулыбалась Птича, – вам надо штук пять нарожать, чтоб тренировки даром не пропали.

– Мы на тебя рассчитываем в этом плане, – уверенно провозгласил Генка.

Птича с Петром направились к выходу, когда мелодично забормотал телефон Петра.

– Минутку, – сказал тот, доставая аппарат и вглядываясь в номер. – Непонятно, кто по мою душу...

Он быстро сбежал по ступенькам крылечка, чтобы разговором не помешать укладывать малютку, и откликнулся:

– Алло? Да, я. Я вас слушаю.

Собеседник Петра, видимо, говорил что-то очень удивительное.

– Как вы сказали? Исчезла? Пропала? Откуда вы знаете? Ах, вот оно что!

Петр жестом подозвал Птичу к себе. Они отошли на несколько шагов от дома. Петр включил громкую связь.

– Повторите, пожалуйста, еще раз, я на улице, тут помехи, не все услышал, – попросил Петр.

– Я живу в доме напротив. Напротив того дома, где Сабина Мухина живет. Я видел, как ее избивал муж. Очень сильно. А потом она исчезла. Я боюсь, что он ее убил. Он домой вернулся, а ее нигде нет – я искал. Прошло уже много дней. Надо в милицию. А от меня не примут. Я чужой. Вот, я по всем номерам звоню, которые у меня есть. Всем, кто имеет отношение. Вы – муж сестры. Вот – я нашел ваш номер.

Птича слушала, совершенно пораженная. Какой-то совершенно чужой человек ее потерял!

И волнуется! Вот чудеса-то!

– У меня камера работала, – слышала она юношеский голос. – У меня все это избиение записалось... Так что доказательства есть. Если вы мне не верите. Я понимаю – я совсем чужой. Но это не розыгрыш. Все зафиксировано.

«А Генка возмутился, что доказательств нет, – пронеслось в голове у Саны, – вот, доказательства сами плывут в руки, топают. Грозные, как Мойдодыр».

– Нам надо встретиться и лично все обсудить, обо всем поговорить, – ответил Петр. – Я сейчас за городом. Вы не могли бы подъехать? Тут недалеко, сорок минут на электричке. А на станции я вас встречу. Спокойно поговорим.

Петр все правильно делает, надо же, умный какой, заужала зятя Птича. А вдруг это все-таки розыгрыш? Вдруг это фанат какой-то безумный? Зачем сразу все карты раскрывать? Пусть подъедет, пусть покажет свои доказательства... А там можно его и успокоить: жива Сабина Мухина! Но – вряд ли он болтает просто так. Про избиение-то он откуда узнал?

Ха – от Славика! Вот откуда! Славик его подослал! Ищет ее, а самому звонить ее родным неудобно. Вот и все дела! Он хитроумный, Славик! Сколько раз ей говорил, чтоб знала: все будет так, как он хочет, как он решит, как он пожелает. Конечно! Кто, как не Славик! Тут и думать нечего!

Птича понурилась и вздохнула, опустив голову. Ей хотелось плакать.

Петр тем временем диктовал вокзал, название станции и даже примерный график движения поездов.

Парень записывал.

– А простите... Можно вопрос? – спросил вдруг «посланец Славика».

– Конечно, можно. Спрашивайте.

– Можно ли я к вам приеду с котом?

– В каком смысле «скотом»? В маске скота? – не понял Петр и невольно засмеялся.

А Птича поняла сразу. Парень на том конце спросил про кота! Можно ли ему приехать со своим котом.

Она зажала рот рукой, чтоб не слышен был ее смех.

– Нет, не в виде скота, – терпеливо пояснил говорящий, – а со своим котом. Он не любит один быть, сердится. Он любит на свежий воздух... Родители поехали на дачу, а он захотел со мной остаться. А теперь я поеду за город, а ему в духоте сидеть. Несправедливо. Он разозлится.

– Конечно, можно с котом! Конечно, – горячо отозвался Петр, широко улыбаясь. Договорились.

Я вас буду ждать.

Почему-то разговор о коте совершенно избавил Птичу от подозрений по поводу того, что звонил Петру подосланный Славиком агент.

– Ну – ничего себе! Тебя бог любит! – воскликнул Петр, закончив разговор. – Ты прости, я не стал ему говорить, что ты здесь и жива-здорова. Подумал: вдруг это Славик развлекается. Кто его знает. Ищет тебя наверняка. Посмотрим на парня, на доказательства его, решим.

– Я тоже так подумала, представь! Мне аж плохо сделалось. А потом, когда тот про кота спросил, отпустило. Это не Славин партнер. Тот таких чудаков и близко не подпустит.

– Мы с тобой и мыслим одинаково! – с грустной улыбкой вздохнул Петр. – Меня тоже именно кот обнадежил. Ну что ж! Парень обещал прибыть часа через полтора. Дождемся. Посмотрю на него. На его материалы. Если внушит доверие, привезу сюда. Поговорим.

Теперь оставалось одно: звонить сестре. Звонить и пытаться помочь что-то склеить, если действительно она что-то каким-то образом видела в тот злополучный день.

Ухищряться с сестрой Птича не умела. Она знала, что спросит, как дела, скажет, что Петр приехал... А там видно будет.

Она решительно нажала на кнопку вызова, и Рыся тут же отозвалась, очень оживленно и радостно.

– Птичуша! А я только собиралась тебе позвонить! Как ты? Что нового?

Сестры не говорили друг с другом несколько дней. Но столько всего за вчерашние сутки произошло, что непонятно было, с чего начать.

С этого Сана и начала:

– Рыся, столько всего случилось. С чего начать, не знаю. Ну, про себя я потом... Все хорошо. Даже очень. За меня не волнуйся. Но вот... Я о тебе. Сюда, на дачу, Петя приехал. Прилетел из Швейцарии и приехал сюда, потому что найти меня не мог. Он этого номера не знал. Еще чудо, что нашел меня, потому что я как раз была у Генки. Мы машину увидели Петину, как она к нам едет, Генка побежал и сказал...

Птича тараторила, чтобы заполнить жуткую пустоту на другом конце провода. Но что-то уж очень там тихо... Разъединилось?

– Алё, Рыся...

– Я тут, – отозвалась сестра. – Он сказал, зачем приехал?

Все она знает. Все она видела. Это Сана поняла с тоской.

– Да, он сказал. Он мне все рассказал, Рысенька. Он думает, что ты знаешь. Тебе кто-то позвонил? Тебе что-то наговорили?

– «Весть летит со всех сторон, Лысый, лысый Джакомон», – процитировала сестра стишок из их любимой детской сказки про Джельсомино в Стране лжецов. – Да, Птич, мне позвонили. Вернее, позвонила... Одна гадина. Но я к тому времени все знала и мне, в общем-то, было на этот звонок плевать с высокой горы. Главное – другое. Он там? Тебя попросил позвонить... Трус...

– Нет, Рысь, он не трус, – вступилась сестра. – Он сам много раз пытался, ты же с ним не говорила. А он хочет все объяснить. Сам. Но у него не получается. Понимаешь?

– А что тут объяснять? Он тебе все-все сказал? Про все свои похождения?

– Да. Мы долго говорили вчера. Он мне рассказал, в чем виноват перед тобой. Он очень боится тебя потерять. Очень. Он очень жалеет о том, что так произошло.

– А ты его защитница? – горько установила Рыся.

– Нет. Я – твоя защитница. И Петю я люблю. Я хочу, чтоб ты его простила. Вот что.

Птича вдруг сама поняла, чего она очень сильно хочет: чтоб сестра с мужем помирились, чтоб все стало как раньше.

На том конце раздалась всхлипывания.

Рыся плакала.

И почему-то это внушило Птиче какую-то надежду.

– Не плачь, – попросила она на всякий случай.

– Передай своему Пете (имя было произнесено особенно иронично), передай своему ненаглядному Пете: я все видела. То, что эта его сука звонила, это все детский лепет. Я с ней так поговорила, что она скорей яду

выпьет, чем решится мне еще раз звонить. Она думала, я цветочек из гербария. Или, как там, вобла сушеная... Недооценила... Но с ней – фиг. А вот другое – передай: я была в мастерской и все видела.

Телефон давно уже работал с включенным звуком. Слышно было хорошо. Петр стоял белый, как мел.

– Соскучилась. Не могла одна дома сидеть. Не спалось. Пошла к нему в мастерскую, улеглась у лестницы на втором этаже. Ну а потом пришел он с этой... И я все видела. – Рыся говорила короткими фразами, переводя после каждой дух.

– Бедная моя, – прошептала Птича.

– Я сама виновата: мне надо было сразу, как только они вошли, сказать: «Привет, Петя, я тут». Но меня как парализовало. Мне неудобно было. Стыдно за него. Он же сказал, что вернется в другой день. А тут – вот те раз – он в Москве. Да еще не домой пошел, а в мастерскую. Да еще с этой... Гадкой бабой... Он знал мое к ней отношение. Она у меня на курсах училась. Тогда же, когда и он. Он слышал, как она мне хамила. Совершенно немотивированно хамила. А я проглатывала. Просто, чтоб не раздувать. Пропускала мимо ушей. Но он все это видел. Короче, мне не хотелось с ней никоим образом общаться. Я сначала поняла так: он поработает, сделает эскиз с нее... Ну и все... Мало ли что... А оказалось, там не только по работе... Ну что? Грязно очень и пакостно на душе. Все рухнуло. Внутри все сгорело. Как дом – знаешь – сгорает? Стены есть, а внутри ничего. Только запах гари и головешки. Хорошо, хоть они не тлеют, не горят, не дымят. Это прошло. Осталась пустота и разруха.

– Ты что-нибудь решила? – на всякий случай спросила Птича сестру, хотя прекрасно понимала, что состояние пустоты не может привести ни к какому решению. Время нужно и покой.

– Время нужно и покой. Но главное – время, – словно эхо, откликнулась на мысли сестры Рыся.

– И знаешь, ты вот сказала: стены есть. Стены – остались? А все остальное – можно вернуть...

– Да. Может быть. Я тоже так думала. И думаю. Я не хочу горя Юрке. Он должен расти с отцом, в покое и уверенности, что родители у него нормальные, приличные люди, с которых можно брать пример. Без этого ему очень трудно будет жить и справляться со многим. Мы ж с тобой по себе знаем, как это, когда отец слабак...

– А может быть, Рысенька, ты как-то попробуешь с ним хоть чуть-чуть поговорить? Ты же сама понимаешь, он тут рядом. Он очень страдает. Поверь, я знаю.

– И я знаю, что он рядом. Естественно. Я и говорила это все сейчас ему...

Тут Петр взял у Рыси трубку, выключил громкую связь и сказал:

– Прости...

А больше Сана ничего не слышала.

Она скачками бросилась к дому, желая только одного: чтобы Петя как-то сумел подольше поговорить с женой. Чтоб все наладилось...

А еще ей хотелось рассказать Генычу и деду про странное обстоятельство – про этот удивительный звонок, предшествовавший разговору с сестрой, про парня с котом, который скоро к ним придет, про то, что вот Генка ругался, что она не зафиксировала побои, а доказательство все равно нашлось...

Вот сколько всего произошло за каких-то несколько минут. А они сидят рядом с коляской со своими книгами и в ус не дуют.

Рассказывать приходилось шепотом, чтобы не потревожить младенца. Генка восхищался, убежденно заявляя, что придет к ним честный посторонний свидетель, а не Славкин ставленник.

– Бывает такое стечение обстоятельств. Бывает, и не раз! Везуха пошла, – радовался он.

– Ну, посмотрим, недолго ждать осталось, – на всякий случай сомневался дед. – Но я бы не советовал так сразу предъявлять ему Сабину. Сначала надо все очень детально выяснить...

– Вы выглядите, как жалкая кучка заговорщиков, – весело прокомментировал Петр, возвращая Птиче ее телефон.

– Может, и кучка, но не жалкая, – гордо улыбнулась Птича. – Мы – сила! Сам видишь!

– Вижу! Еще какая сила!

Глаза его смеялись. Птича поняла, что после беседы с женой у него появилась надежда.

– Как там? Уговорил? – спросила она.

– Не совсем. Но – она со мной разговаривала. И разрешила звонить со своего номера. Обещала подходить. Сказала – время нужно.

– А ты так в Москве и останешься?

– Да, несколько дней побуду. С тобой надо разобраться. А потом... К своим полечу. Я соскучился. Жутко соскучился. Но... ей нужно время. Я понимаю... Буду ждать.

Подошло время собираться на станцию за гостем. Пошутили на тему

кота. Что там за кот такой, что сам решения принимает? Решили, что Сана на станцию с Петром не поедет. Поедет Геннадий.

Мужчины вместе посмотрят на обещанные доказательства и примут решение. И в любом случае – бояться им нечего. Просто нервы лишний раз трепать не хочется. Только и всего.

С тем и отправились.

Гости

– Птича, выходи на свет божий! Тут все свои! – раздался зычный Генкин призыв.

– Не вопи, ребенка же разбудишь, – автоматически отреагировала та, выскакивая навстречу обещанным «всеим своим».

Она в этот день опять надела свое девчачье платье с рукавчиками-фонариками и кармашками с рюшечками. Когда-то бабушка шила это платье на глазах внучки и объясняла ей, как просто делать эти самые рюшечки. Давно это было! А вот – платьице цело. И даже чуть велико... Голубое платьице в меленькую белую клеточку. Ситчик. Легкий приятный материал...

Птича бежала к машине босиком по мягкой газонной травке, коса ее, небрежно закрученная узлом утром, сейчас расплелась... Жаль, она не видела себя со стороны, как хороша сейчас.

Вылезший из машины молодой человек с объемной сумкой в руке смотрел на нее во все глаза.

– Мяу! – раздался приказ из сумки. – Хватит унижать! Выпускай!

– Там кот! – обрадовалась Птича. – Он обижается, что в сумке сидит.

– Мяу! – подтвердил Кот.

Он вышел из своего переносного дома, отряхнулся, распушился и принялся придирчиво оглядываться.

– А он не убежит? – испугался Геныч.

– Ну, он не дурак. Зачем ему бежать? – уверенно ответил гость. – Пойдет осмотрится, если захочет. Потом вернется. У него свои дела.

– Вот, Птич, знакомься: это Евгений. Свидетель наш, – представил Петр молодого человека.

– Очень приятно, – отозвалась Птича, протягивая гостю руку.

Тот осторожно пожал ее ладонь, словно сам себе плохо веря.

– Вы гораздо красивее вблизи, – сказал он заворуженно.

– Правда? – обрадовалась Птича, победно посмотрев на Генку и Петра, чтобы учились, как надо делать комплименты.

– Правда! Точно! – нестройным дуэтом подтвердили те.

– Слушай, Птич! – приступил Геныч к делу, – Женька – друг. Точно. Он профи. Снимает все, что стоит и шевелится... И тебя признал давно – он в твоём мире тоже, бывает, крутится. А живет точно напротив тебя. Окно в окно. Ну, вот и глянь... Хотя... Может, тебе и не стоит смотреть... Ты все и

так знаешь... Просто поверь нам на слово: там вся сцена избиения твоего. Мы еще на станции глянули. Фрагментарно.

Опять тоска ухватила Птичу за самое сердце. Ей не хотелось вспоминать. И думать о том, что произошло недавно, но кажется, сто лет назад, ей нельзя было никак.

– Я не буду смотреть, можно? – спросила она, изменившись в лице.

– Нет, нет, тебе не надо! – воскликнул Петр.

– Я так рад, что вы нашлись! – не совсем к месту торжественно провозгласил Евгений.

Кот подошел и потерялся о Птичины ноги.

Она засмеялась оттого, что ей стало щекотно.

– Какой же ты хороший, кот! – сказала она. – А как тебя зовут?

– А так и зовут – Кот, – сказал Женька.

– А давайте-ка все на веранду, самовар, чаек, релакс, – пригласил Геняч.

На веранде дед читал, покачивая лежащую в коляске Викторию.

Кот обошел коляску и улегся на сетку между колесами.

– Решил ее охранять, – пояснил Женька. – Он такой. Выберет себе, кого надо охранять, и все. Ходит потом вокруг да около.

– Мудрое создание! – похвалил дед, сразу же переставая покачивать коляску.

– Вообще – волшебник, – подтвердил Женька. – А она – чья? В смысле – ребенок...

Птича засмеялась.

– На Викусю у всех буквально одна реакция. Первым делом все спрашивают, чья она. Она – дочка моей подруги. У той такие обстоятельства, что необходимо было уехать по делам. А ребенка оставить оказалось не на кого. Вот я и решила помочь. Из-за этого и возник конфликт, который вы из своего окна наблюдали.

– Он был против? – спросил Женька.

– Он был против того, что я говорю по телефону с мамой этой девочки. Я должна была сначала попроситься с ним, проводить и все такое. Я очень старалась так делать обычно. Но в тот раз не получалось. Форс-мажорная ситуация. Вот и вся суть, собственно.

– Птич, я адвокату звоню. У меня адвокат отличный по этим делам. Он все сделает, тебе не надо об этом думать. Согласна? – спросил Петр.

– Да, звони. Конечно, согласна. Мне главное – Славу не видеть больше, и все.

– А ты, Жень, можешь у нас тут остаться, – предложил Геняч, – места

полно. Там еще у Мухиной целый дом пустует. Шашлыки сделаем вечером, я с утра закупился... Вот Нелька приедет, Викусына мать, пойдём вместе за речку, к бабе Нине, на теленочка смотреть. Коту твоему теленочка покажем. Там вообще всего навалом: куры, индюшки, утки, гуси... Козы еще. Мухина, чего еще у Нины есть?

– Все, что хочешь, есть. Ноев ковчег просто. Кролики. Может, и лошадки... Надо сходить и глянуть.

– Мы правда можем остаться? – радостно спросил Женька.

– Ты имеешь в виду себя и Кота? Конечно, правда, – подтвердил Геныч свое приглашение.

Кот расслабленно валялся на багажной сетке коляски, всем видом показывая, что свое пристанище он обрел и пока расставаться с ним не собирается.

– Смотри, как он тут улегся! – удивилась Птича. – Прямо сразу так и пошел... Как будто за этим и приехал.

– Он такой, знает, чего хочет, с детских лет, – подтвердил Женька. – Значит, понравилось ему тут.

Птича впервые за долгие годы чувствовала себя совершенно в своей тарелке. Она находилась среди своих, от которых не надо закрываться, таиться... Ей было легко, словно она избавилась от тяжелой ноши.

– А можно я пойду подремлю в шезлонге? – спросила она.

Ей просто хотелось убедиться, что можно все.

– Иди-иди, мы тут кое-что еще досмотрим, обсудим. Викуся под защитой. Ее видишь кто охраняет. Иди. А позже шашлыки будут. Спи, отдыхай...

Парни ее говорили наперебой.

«Солнцы мои», – подумала Птича, подхватила книжечку и отправилась на отдых.

Улечься она решила не в шезлонг, а на раскладушку, чтоб удобнее было. Оттащила ее подальше, в самую глубину участка. Здесь, среди кустарника, сооружали они каждое лето огромный шалаш. Он у них назывался замком. Возле этого замка и шли самые эпохальные баталии в защиту Прекрасной Дамы. Рыцарь рубил лопухи, произносил длинные захватывающие речи, Прекрасная Дама призывала к осторожности и предупреждала врагов, что в любом случае победа достанется Рыцарю...

Хорошее место. Давно отвоеванное у Сил Зла в пользу Сил Добра.

Сейчас оно все поросло лопухами, крапива кустилась чуть ли не в человеческий рост. Укромный уголок.

Птича прочитала всего насколько строчек и уснула. С таким удовольствием и так крепко, что пропустила много чего интересного.

Проснулась, совершенно не понимая, который час. По летнему солнцу разве определишь?

А какая разница, день сейчас или вечер? Ее никто не попрекнет, не съязвит, не примется поучать...

Какое счастье – быть свободной именно в мелочах повседневной жизни! Ведь из них складывается то главное, что в нас есть, – наше внутреннее равновесие и желание радоваться миру, ожидая от него приятных сюрпризов, а не очередных гадостей.

Птича поскакала на веранду, свежая и довольная.

И кто же там сидел за щедро уставленным всякой вкуснотой столом?

– Нелька! – тихо, чтобы не испугать Викусю, но очень восторженно произнесла Птича.

Нелька собственной персоной!

– Но ты же собиралась завтра! Ты... как дела? И как ты поняла, что мы тут, а не у нас на даче?

– Все хорошо, – улыбалась подруга. – Узнала очень просто. Позвонила на твой номер. Подошел Геннадий. Сказал, где вы все есть. Найти нетрудно.

– Ох, да! Я ведь телефон на столе оставила! Как хорошо! Викуся у нас ангел. Друг высшей пробы. Характер золотой. Ела, спала, улыбалась. Сегодня ее надо обязательно искупать... У нас тут такие дни... Такое происходит...

– Я вижу. И знаю, – подтвердила Нелька. – Мне уж многое рассказали.

– Ну а ты? Устала? Нароботалась там? Новости есть какие-то?

Нелька опустила глаза.

– Устала. Нароботалась. А новость есть... Пока ехала сюда, адвокат позвонил. У папаши инсульт. Из-за этого на суд явиться не может. Жена его орала адвокату, что это я отца довела. Во всем и всегда виновата я получаюсь. В общем, состояние тяжелое. Что дальше будет, непонятно. А мне хочется плюнуть на все, оформить Викусины документы и... Хотя и там... Тут ты... Устала я одна. Совсем что-то устала...

Нелька старалась улыбаться, но получалось у нее плохо.

Кот вылез из-под коляски и вскочил ей на колени.

– Как это ты одна? Ишь, чего удумала, – проворчал он, устраиваясь поудобнее. – Ишь, тощая какая, не помещаюсь я.

Но все-таки разместиться ему удалось, потому что Нелька обняла его и

прижала к себе.

– Какой же ты милый котик, все ты чувствуешь, понимаешь...
Пожалел меня...

– Мяуууу, – сказал Кот. – Кончай эти глупости. Одна она. Глаза раскрой.

– Слышала, что Кот сказал? – строго спросила Птича. – Ничего ты не одна. И все хорошо. И ты правильно все сделала. А мы все вместе. С Викусей легко. Вырастет – не заметишь. Ну? Хватит кукситься!

Но Нелька и правда улыбалась. Словно тучка прошла, и снова ясное небо без единого облачка. Вот, в кого такой характер у Викуси.

– Завтра с утра к бабе Нине пойдем. Там теленочек, молочко. Там хорошо... Увидишь...

– Да... Все хорошо.

– Поживешь пока на даче у нас. Квартиру твою обменяем. Переедешь. Будешь жить спокойно. Никто тебя не тронет. Все хорошо. Главное – вместе. Главное – мы все здоровы. И все. Да?

– Конечно. Все так.

Кот утробно заурчал.

– Ему нравится у тебя на руках. Он доволен, – пояснил Женька. – Он редко когда урчит. А тут уж просто распушился, распыхтелся. Самовар.

– И мне с ним хорошо. Спокойно. Он это чувствует, да, котик?

– Урррррррррр, – затрепал Кот с новой силой.

– А ты знаешь, что у нас тут еще было, пока ты спала? – начал Петр.

– Мне как, начинать бояться? – спросила Сана.

Какое-то предчувствие тревоги заставило ее сердце забиться чуть чаще.

– Нет. Бояться в любом случае надо прекращать. Но просто знай: приезжал Ростислав.

Она непроизвольно ощутила привычный холодный ужас. Куда девалась недавняя спокойная радость?

– И что? Прямо сюда заходил? Что говорил?

– Да не волнуйся ты так. Сразу испугалась. Как же он тебя доводит все эти годы!

Петр взял Птичу за руку, погладил.

– Ничего страшного не произошло. Сначала промчался на всех парах мимо нас. Я машину его узнал – редкий экземпляр. Ну, мы деда выслали к воротам. На всякий случай. Решили: увидит, что у вас там никого нет, уедет – и ладно. А если надумает что-то у нас тут выведать – пожалуйста, у калитки дед, спрашивайте – отвечаем.

– Он остановился?

– Да, представь себе. Я, признаться, не ожидал. Он же гордец. Но – остановился.

– И вы с ним говорили? – жадно спросила Птича у деда.

– Говорил. В меру своих сил. Я глухим ему представился. Ну, он спрашивает, не приезжал ли кто на ту дачу. Я долго-долго расслышать не мог. Потом говорю: никого, мол, не видел. А что? Он, кстати, выглядел очень растерянным. Даже, я бы сказал, испуганным.

– Это я его напугал, – горделиво встрял Женька. – Я как увидел его этой ночью с бабой, так вообще убить был готов. Ну, и позвонил. Чтоб ему не особо ночью спалось, гаду такому.

– С какой бабой? – не поняла Птича. – О чем ты?

Женька с опаской глянул на Петра, как бы сожалея, что проговорился.

– Он эту ночь с женщиной какой-то был у вас в квартире, – пояснил Петр. – У Евгения все записано. Можешь глянуть, если захочешь. Правда, я не советую. Смотреть не на что. Просто поверь: было дело. Впрочем, глянь на ее изображение, может, знаешь девушку.

«Ничего себе, – думала Птича, – ничего себе!» Она почему-то была уверена в Славике. Она верила, что он никогда не изменял ей. И даже, помнится, слегка мечтала, чтоб изменил. Может, тогда стал бы не таким придирчивым, что ли...

Евгений между тем показал ей фото: Славик и Габриэлла. У них дома.

– Ой, ну это же Габриэлла! – воскликнула Птича. – Мы учились вместе. Ее тогда Наташа звали. Нет, она просто так, наверное, зашла. Может, меня потеряла.

Петр вздохнул:

– Она зашла не просто так. Уж поверь. Там вся запись есть. Тебе это важно сейчас, кто к нему зашел и что было?

Птича мгновение подумала.

– Габриэлла меня все про Славика расспрашивала. Что у нас да как. И почему детей нет. И что он любит, что не любит... Я еще подумала: неспроста она. А потом думаю: вот бы она его охмурила. И сразу бы все решилось. Значит, охмурила...

– Значит, охмурила, – подтвердил Петр.

– А что ты, Жень, говоришь, сделал? Почему он испугался? – вспомнила тему разговора Сана.

– А я ему позвонил, когда эта... Габриэлла... ушла. Он дрыхнуть собрался. А я-то был уверен, что он убийца... Ну, я ваш домашний номер набрал (давно еще узнал его). Он подошел. Я сказал, что он гад и за все

ответит.

Птича невесело засмеялась.

– И что он?

– Испугался. А я отключился и спать пошел. А утром решил вот Петру звонить.

– Да! Дела! Как же он теперь-то? Где искать будет? – спросил Генка задумчиво.

– Ну пусть повертится. А завтра я в Москву отправлюсь. С адвокатом встречусь. Поговорим. И для Славика ясность наступит. Полная, – подытожил Петр.

Утром Петр отправился в Москву, а вся компания, за исключением деда и почему-то Кота, пошли в деревню к бабе Нине.

Викусю засунули в рюкзачок. Генка предложил нести на себе «дочь полка».

– А можно я? – попросил Евгений.

– Пусть. Неси ты, – разрешила Нелька.

Птича видела: тревога гложет подругу. Умом можно все понимать, и успокаивать себя, и надеяться. Но страх за ребенка, неуверенность в будущем – вот, что больше всего подтачивает силы.

Геныч чуть обнял Сану за плечи.

– Ой, – вздрогнула она.

– Тебе больно? Все еще больно? – с состраданием спросил ее друг детства.

– Скоро пройдет, Геныч, ничего. Уже проходит.

И правда: все проходило потихоньку.

Генка взял ее за руку.

– Ты помнишь, что ты мне обещала?

– Конечно помню, Геныч. Еще бы.

– Тогда скажи, когда?

– Вот разведусь... И тогда ты сделаешь мне официальное предложение.

– Я уже сделал. И ты сказала «да», – настойчиво напомнил Генка.

– Хорошо. Я повторяю – да! Ты месяц подождешь? Дождешься?

– Месяц – да. Но не больше.

– Ты – хороший, – сказала вдруг Птича.

– А ты – самая лучшая.

И дальше случилось как в дурацком кино: они повернулись друг к другу и неловко поцеловались. Как подростки.

Их спутники шли чуть впереди, ничего не замечая.

– Никому тебя больше не отдам, слышишь, Мухина? – тихо-тихо проговорил Геныч.

– Не отдавай меня никому, пожалуйста, – попросила она.

– Прямо с этого дня, – велел Геныч.

– Прямо с сейчас, – согласилась Птича.

– Пришли, мои голубчики, – встретила компанию баба Нина.

Викуся засияла навстречу ей.

– Ну, что, красавица? Дождалась мамку с папкой? Соскучилась? Ой, дай-ка я посмотрю, на кого ты похожа... Ну, копия папки. Счастливая будешь. Хотя, что это я – будешь! Ты уже счастливая. Родители молодые, красивые, сильные... Что еще надо?

Женька с Нелькой молча улыбались.

Никто не захотел разубеждать бабу Нину, рассказывая о реальном положении дел у счастливой Викуси.

Посмотрели на теленочка, на умильных новорожденных козляток, играющих друг с другом как в мультике. Они выглядели совершенно игрушечными, бодались, топали ножками, спотыкались, догоняли друг дружку.

Сана отвела бабу Нину в сторонку – решать деловые вопросы.

– Неля у нас останется пока. Вы ей привозите и молоко, и творог, и сметану.

– А зелень с огорода? Не надо? На салатик?

– И зелень с огорода...

Нина все старательно записывала.

– Куда возить-то? К Геннадию или к тебе? – уточнила она.

– Я позвоню. Решим. Мне в Москву надо в ближайшие дни. Дела утрясать.

– Разводиться-жениться? – проницательно усмехнулась Нина.

– Разводиться прежде всего. Остальное приложится.

– Приложится только хорошее, не сомневайся. Я уж сколько лет всех в округе знаю. И кто что любит, и сколько ест, и сколько пьет, и кто скупердьяй, а кто щедрый. Вы с Геннадием – один в один друг для дружки. Вы добрые, простые, они такие же. Заживете душа в душу, вспомнишь меня.

– Я тогда позвоню, куда все привозить. Мне бы лучше, чтобы они не одни были. Им у Гены с дедушкой будет веселей.

– У деда пусть остаются, – подошел к ним Геныч, – всем веселей. А я в

Москву с тобой. Нечего тебе там одной.

– Там Петя, – уточнила Птича.

– Петя – это хорошо. А Гена – гораздо лучше, – веско произнес Геныч.

И кто бы спорил!

На обратном пути они остановились у речки. Всем хотелось искупаться.

– Мы ж купальники не взяли, – расстроилась было Сана.

Но Нелька скинула платье и побежала в воду – настоящая Артемида-охотница. Ни следов беременности, ни живота, ни растяжек. Грудка маленькая. Хороша!

Сана вспомнила о своих жутких синяках, расстроилась и решила просто посидеть на берегу с Викусей.

– Идите поплавайте, я с ребенком побуду, – велела она парням.

Женьку уговаривать не пришлось. Он мгновенно разделся и резво сиганул с тарзанки.

Геныч остался сидеть рядом с Птичей.

– Пойдем сплаваем, – попросил он сочувственно. – Все ж все знают. Женька вон все записал. Видел по многу раз. Нелька тогда тебя от дома забирала. И я... Ну что, из-за этого гада Славика себя радостей лишать?

– И купальника нет, – пожаловалась Птича.

– Это кого-то волнует? Посмотри на Нельку...

– Ладно... Уговорил... А смешно, как Нина их папой-мамой определила. На папу, говорит, дочка похожа.

– Ведь и правда похожа. Я посмотрел. Глаза, улыбка. Бывают чудеса на свете...

– Вот бы он на Нельку запал. Она хорошая. Правильная. Но одной невозможно. Уж очень тяжко. Я вот на несколько дней одна осталась и поняла: о себе не подумашь. Тебя не остается. Только ребенок – и о ребенке. Не с кем слова сказать... Страх непонятный как вдруг подступит...

– Не торопи события, Мухина. Не сглазь... По-моему, уже запал. Вон, посмотри, как плещутся, настоящие дельфины! Радуйся тому, что сейчас. Вот смотри: мы есть, все здоровые, живые. Лето.

И еще долго будет лето. Все, кому надо, западут на тех, на кого надо. А не надо – значит не западут. Просто радуйся солнышку, тому, что уже есть.

И не спеши.

Капля камень точит

Габриэлла и не собиралась сдаваться. Еще чего! Ну, прокричал там имя этой дуры в экстазе... Ладно. Утремся до поры до времени. Главное – не сдаваться. Решила ковать железо? Куй! Оно куется! Оно вполне горячо. Раз уж основополагающее событие произошло... Главное, действовать по-умному.

О себе напоминать как о чем-то само собой разумеющемся теперь в его жизни.

Было дело?

Было!

Она приличная девушка, не из тех, кто всем дает по первому зову?

Приличная и не из тех!

Стало быть – дала по любви. По сильному влечению и увлечению. Потеряла голову рядом с любимым человеком. Ну, вечер вместе, вода, утки, романтика, все дела.

И теперь... она же не может позволить вот просто так плюнуть в свою любящую душу! Она за любовь поборется. Ведь любовь – это все! Любовь – это... Как ему вообще-то сказать? Стихами бы хорошо... Хорошо бы стихами, так, невзначай.

Вот так вот они встретятся... Она будет грустна... Молчалива... Не печальна, не угрюма – это нет... Но – не оживлена... И, взяв в руки бокал с белым вином, она внятно, как бы из глубины души, произнесет...

Что именно? Надо потрясающее найти. Такое сильное...

Габриэлла полезла в Интернет и набрала в поиске тему – «стихи о любви».

Ох, ёпрст! Ну, тут и стишищ! Тыщи!

Ну, много муры... Так – сопли в сиропе... Не поразишь. Надо ж такое, чтоб сердце дрогнуло – ах, и все!

Он же явно не готов к новым серьезным отношениям. Он ту все еще любит. Ну, привык к той. Но это не значит, что не отвыкнет. И не значит, что надо останавливаться на полпути.

Ничего. Любит – разлюбит. Главное, чтоб шел на контакт!

Думая свою серьезную экзистенциальную думу, Габриэлла шарила по стихотворным строчкам, отражающим чувство, благодаря которому можно очень хорошо, уютно обустроиться в этой беспокойной действительности.

Оп-па! Нашла! Сгодится... Лишь бы запомнить все это...

...И море, и Гомер – все движется любовью...^[5]

Так вот это сказать... Так – весомо и задумчиво... И посмотреть... Серьезно-серьезно. Глаза в глаза.

И главное: там, в стихе этом непонятном, вроде даже о любви не сразу... А так... Вроде как печально... Красиво... А потом, под конец, – «все движется любовью»! И глянуть на него...

Услышит?

Может, и не сразу услышит. Но – эхо останется! Отзовется потом.

Главное, встретиться. То-се... Разговор... Повернуть на то, что та его, Мухина распрекрасная, вечно им недовольна. И категорически не хочет детей.

Ну, и любовь...

Да! Тут важно! Любовь – сначала... Стихи, приятные взгляды – это сначала. А про Мухину уже потом. А то он разозлится на женушку свою распрекрасную и стихи уже не воспримет.

Вот так.

А любовную сцену в постели воспримет на злости! Ого! Возжелает отомстить. Почувствует себя в своем праве.

Габриэлла потренировалась, почитала стихи перед зеркалом. Выучила первое четверостишие.

И решила – пора звонить. А то клиент простынет.

– Алло! Ну где ты, мой хороший? Что у тебя, душа моя? Я – знаешь – соскучилась...

– А... Привет!

Голос «ее хорошего» звучал несколько отстраненно. Нерадостно. Даже тревожно. Нехорошо звучал.

– Слушай, Слав, у меня к тебе дружеское предложение. Я одна есть не умею. Грустно уж больно. Я тебя приглашаю ко мне в гости. Буду тебя кормить. А? Ты же наверняка не ел?

– Я не ел, угадала.

О! Оживился, болезный. Процесс, стало быть, пошел-поехал. В нужном направлении.

– И тогда? У меня есть надежда снова увидеться с тобой?

– Диктуй адрес, – вполне человеческим голосом велел Славик.

Она обстоятельно продиктовала, уточнила кое-что в плане: что ем – что не ем. Время назначили через час.

А ей и меньше хватило бы! У нее все есть! Закрома полны!

Главное – чтоб всюду была чистота и порядок. Он, судя по всему, любит чистоту и порядок. Свежие простыни. Запах хвои.

Где накрыть? На балконе? Нет, слишком жарко... И бегать туда-сюда замаешься.

Габриэлла все обустроила за считанные минуты. И принялась ждать, подучивая найденный стих. Он легко учился – охота пуще неволи. Надо!

Ее вдохновляла мысль о том, что Слава сразу согласился. И даже оживился. То есть он не против того, что между ними произошло. Скорее всего – даже очень за.

Теперь главное – чтоб понял: она девушка серьезная. Любит – так любит. И простые трахи с ней не пройдут. Только по большой любви, по святому чувству. И с последующим оформлением этого чувства в стенах официального учреждения, именуемого ЗАГС.

И еще вопрос: как его встретить? Сразу с порога поцелуем? Мол, я помню вчерашнее и принимаю его... Или сначала накормить, а потом постепенно, слово за слово...

То, что все осуществится, она не сомневалась. Главное – как сделать красиво и умно. И чтобы путей к отступлению не оставить. Чтоб понял человек: его любят. Ждут. Ценят. Даже – мечтают о ребенке с ним, от него.

Может быть, с порога... Прильнуть?

Как к самому долгожданному?

Прильнуть не получилось. Не в тему было бы. Славик вошел такой озабоченный, усталый... Как запыленный...

– Ты что это? Совсем с лица спал? Тебе одиночество не на пользу.

– Я... по делам ездил... За город, устал, жара...

– Иди умойся и к столу!

Габриэлла инстинктом хищницы поняла, что о жене спрашивать не надо. Захочет – скажет что-то, нет – не надо.

Пусть сейчас поест, попьет... Порезвится... А там видно будет.

– Хорошо у тебя тут, красиво, – одобрил Славик, появляясь.

Умылся, посвежел. Обрадовался, увидев красиво накрытый стол.

– Ну-у, ты, оказывается, замечательная хозяйка.

– А что? По мне не скажешь?

– Ну, да. Ты такое создание – воздушное...

– Рыбки себе положи. Вот салатик возьми... Только нарезала... Какое я воздушное создание, Славик! Или – да, пусть воздушное... Но мечтающее стать женой, матерью. Я, конечно, молодая еще, все понимаю... Но вот что я могу поделать – хочу ребенка. Дура, да?

– Никакая ты не дура, – сказал Славик убежденно. – Иди ко мне, глупышка.

– А еда? Ты же голодный, – пискнула Габриэлла.

– А еда не убежит. Ты же хозяйка. Да? Ты тут хозяйюшка?

Габриэлла поддавалась, ликуя.

Он захотел! Сразу. Не пил, не ел... А вот... Видимо, правильно она акценты расставила... И стихи не понадобились. Зря зубрила, хотя...

– Пойдем в спальню, любимый, – позвала она торжественно.

Славик прильнул к ее губам.

Все так осознанно произошло. На трезвую голову.

– ...А если... Ты не боишься, что будет ребенок? – пролепетала Габриэлла, словно бы в полузабытьи.

Она-то знала: ребенок будет! Так что – бойся – не бойся, все будет! Она позаботилась. Ей хотелось просто посмотреть на реакцию Славика. Вот что он сейчас скажет?

– Ну, если бы это было так просто, – вздохнул Славик.

Удачно вздохнул!

– Это, знаешь, у кого как. У твоей Мухиной, может, и сложно. Когда не любишь и не хочешь, все сложно...

Габриэлла позволила себе обидеться... Пусть, пусть послушает. Он свое получил... Пусть...

– Она тебя просто околдовала. Вот ты благородный человек. А слышал бы, что она о тебе говорит. И как!

– Да что уж она такого говорит? – хотел было свести все к шутке Славик.

– Говорит, что ни под каким видом не хочет от тебя ребенка, вот что!

Габриэлла злорадно и нагло врала, не догадываясь, что произносила вслух именно те самые мысли, которые уже давно и прочно поселились в мозгу у ее ненавистной Мухиной.

– Ладно. Все, – сказал Славик металлическим голосом и рывком сел.

Да что ж такое-то! Что ж она все перебарщивает! – тут уж Габриэлла рассердилась сама на себя. Давно ли дядечку своего упустила из-за его бабки поганой, так еще и этот оскорбится...

– Любимый, – проворковала она нежно. – Милый... Ты – волшебник... Мне хочется доставлять тебе только радость. Только радость. Проголодался, мой удивительный мужчина?

– Да, съел бы сейчас что-нибудь, – довольно мирно согласился Славик.

Она больше проколов не допускала. Кормила, поила, ворковала. Пусть расслабится. Ничего. Недели через три узнаешь о ребеночке. И запоешь по-

другому.

Хотел? Хотел!

Получите, распишитесь.

Только чтоб ребеночек числился вашим, папаша, вы на мне сначала женитесь. И потом получите нас в одном флаконе. Молодую красавицу-жену с наследничком внутри. Без обмана.

Видно было, что Славика что-то беспокоит. Ничего. Злее будет. Небось о жене своей ненаглядной думает. Вот той будет сюрприз, когда вернется! Где она там, интересно, окопалась? Вернется, ничего. А Славик уже не ее... Она уже бывшая... Саночка-поганочка...

Они засиделись за столом. Вполне по-семейному. Мило так общались.

Потом Габриэлла предложила Славiku остаться на ночь. И тот – вот чудо! – согласился. Легко согласился.

Знала б она, почему...

Хорошо, что не знала.

Славик боялся, что ночью снова позвонит ему незнакомец и пообещает, что придется за все отвечать. И еще – он на самом деле стал бояться, не совершил ли он тогда что-то непоправимое. Где Сана? Вдруг в больнице? И там... В коме... А то и хуже... Нет, лучше о таком не думать.

Вот почему он так легко и с удовольствием принял предложение Габи переночевать у нее. Он даже позволил себе подумать со злостью, что, если Сабина отыщется, он ей устроит веселую жизнь. И, кстати, хорошо подумает, не остаться ли ему с женщиной, которая явно его любит. С той, чья голова лежит сейчас у него на плече... Хороша... Ничего не скажешь... Молодая, желанная, полная надежд на материнство...

Утром их разбудил звонок. Славик спал так крепко, что не сразу сообразил, где он, с кем, что за звук ему мозг буравит. Он довольно сердито и зло буркнул:

– Трубку возьми, Сана, слышишь?

– Это твоя трубка верещит. И я не Сана, я Габриэлла, – услышал он ответ и окончательно проснулся.

Габриэлла почувствовала удар – словно нож ей в спину вонзили. Снова накатила волна ненависти к Мухиной. Сколько это будет продолжаться: спит с ней, а думает о той?

Она не слышала, о чем говорит Славик. Старалась побороть злость, совладать с собой. Сейчас он закончит свое бла-бла-бла. Надо ухитриться ласково улыбнуться и спросить, что он хочет на завтрак. И – кофе или чай?

Славик раздраженно швырнул трубку на подушку, вскочил и принялся

лихорадочно одеваться.

– Случилось что-то? – осторожно спросила Габриэлла.

– Поеду разбираться.

– Кофе? По-быстрому? Эспрессо?

Что у него там случилось, хотелось бы знать... Уж не Мухина ли его потеряла? Приехала ночью домой, а муженька нет...

– Ничего не надо. Я дома переоденусь, там что-то соображу.

– Проблемы у тебя, солнышко?

– Посмотрим.

Она никогда не видела его таким мрачным.

«Характер у нас, похоже, крутой, – вздохнула она про себя. – Ну, ничего. Это задачка номер два. Номер один – как сделать, чтобы он вернулся».

– Я вернусь, – сказал у порога Славик, словно прочитав ее мысли. – Разберусь с делами и вернусь. И поедем посидим куда-нибудь.

– Возвращайся к нам скорее, – прильнула к нему Габриэлла.

– К нам? – удивленно взглянул на нее Славик.

– Да! К нам! Я уверена, что уже не одна... У нас с тобой такие ночи были...

– Фантазерка, – усмехнулся Славик.

– Возвращайся к нам, – проворковала загадочно Габриэлла и чмокнула его в щеку.

Прощание прошло – лучше не придумать, о лучшем не мечтать!

Вернется, куда он денется!

Настроение у Габриэллы поднялось. Только где-то в глубине души шевелилась темная злоба. И злоба эта нашептывала одно лишь имя: «Мухина. Мухина. Мухина».

Трудно объяснить, что именно сделала ей Мухина. Ну, если только то, что все еще была женой ее, Габриэллы, законно выстрадавшего Славика.

Правда, злилась она совершенно напрасно. И женой Славика числиться оставалось Мухиной недолго. Собственно, именно по этому делу и звонил Ростиславу адвокат, нанятый Петром.

Только откуда было это знать бедной одинокой девушке?

Вот она и переживала...

Она спустя пару месяцев даже сама удивлялась, как легко у нее все выстроилось. Видно, карта так легла. Удачная карта. Козырная.

Не пришлось долго копать, нудить, играть сцены горя и тоски по любимому ради того, чтобы подточить до основания его брак с Мухиной.

Он почему-то сам, без лишнего шума и пыли, тем же вечером вернувшись, объявил, что разводится с женой. И что вопрос решен окончательно и обжалованию не подлежит.

– Квартиру делить будете? – как бы невзначай любопытствовала Габриэлла.

– Квартира моя. Мы на договоре. Брачном. Что на меня записано – мое, что на нее – ее. Родственничек ее предложил, мамочкин муженек, когда мы женились. Меня резануло тогда... Что за дела? Брачный договор... А сейчас вижу – отличная штука. Делить нам нечего. Шматье свое заберет – и свободна. Пусть кукует одна.

В голосе Славика звучала явная досада.

Странно. Ведь это он сам принял решение. На что злиться? Что-то там произошло непонятное... Хотя – ей до этого дела нет. Радоваться надо.

И так все просто получается. Все остается при нем. Уж очень Габриэлле нравилась квартира Мухиной... Хотя – какой-токой Мухиной? Это квартира ее, Габриэллиного жениха. Ее мужчины. И жить там ей.

И это желание исполнилось. Как по мановению волшебной палочки.

Она нашла в себе силы дожидаться развода. Ни словом не упоминать. Создавать атмосферу покоя и нежности. Месяц продержалась. Это не особо трудно, если цель близка и ты ее практически видишь.

А через месяц, отпраздновав развод, заодно уж и порадовала будущего папочку справкой из женской клиники. Вот, полюбуйся, тебя ждет желанное прибавление, как я и обещала, любимый!

Естественно, через месяц сыграли свадьбу. Скромную, но достойную. Чужих, пришлых, – никого. Случайные встречи совсем ни к чему.

Теперь можно было расслабиться и вкушать плоды трудов своих.

Фестиваль

– Санка, иди посмотри! Дерево установили! Все так? Давай со светом решать!

Ох, ну сегодня и денек.

На части рвут.

Но ничего не поделаешь.

Случаются такие дни в жизни. Нечасто, но случаются.

И тогда за каких-нибудь десять-двенадцать часов происходит так много всего, что потом вспомнишь – и кажется, не день прожила, а целый год...

Сегодняшний день – из таких.

Никто ничего не знает, все думают, что готовится очередной показ очередной коллекции.

И это, конечно, так. В том числе.

Но самое главное событие этого дня – все же не показ.

Они этот день собираются отмечать потом всю оставшуюся жизнь. Потому что сегодня рано утром они поженились. Птича и Геныч стали официально мужем и женой.

Должны были бы раньше, намного раньше, но у невесты имелись свои мотивы. Ей требовался именно сегодняшний день. И все тут.

Жених и невеста, подавая заявление, попросились на самый ранний утренний час, который только можно было назначить.

– Вы жаворонки? – улыбнулась девушка, принимавшая заявление. – У нас все просятся попозже, ближе к вечеру. Первый раз такую пару вижу.

– Мы – непонятки, – объяснил Геныч. – Мы такой день выбрали, в который надо впихнуть сто дел. И все жизненно важные. Вот и стараемся по времени уложиться.

– Смотрите, могу на девять записать? Приедете?

– Примчимся! – пообещали оба.

Им не хотелось никаких церемоний, специальных нарядов... Их праздник будет позже. Сейчас – просто официальное оформление отношений. Штампы. И все дела.

Они и обручальными кольцами решили обменяться потом. В конце дня, когда вечером все завершится и можно будет остаться друг с другом наедине и спокойно, уютно праздновать их личный, собственный особенный день именно так, как им того хочется.

А пока никто ни о чем не знает. Пока надо все наладить и предусмотреть каждую мелочь. Чтобы вышел настоящий чудо-праздник...

...Вот сейчас надо смотреть, как установлено ее заветное чудо-дерево.

– Ну, это вы называете «установили»? А как девушки будут выходить? Они же все платья о ветки изорвут, пока на подиум выйдут!

– И верно! Не подумали... Эй, давай двигать, так не годится, вы чем думали-то?

И так пустяк за пустяком... Все на ней...

Она все задумала давно. Несколько месяцев ушло у Саны на серьезный труд, которым она была полностью поглощена. Она готовила особый показ своей новой коллекции. Ей хотелось, чтобы модели не просто прошли в ее нарядах, промелькнули – и все. Она мечтала устроить спектакль, праздник, в котором рассказала бы о своей любви к жизни, к небу, воде, птицам, музыке, доброму смеху, детским улыбкам, к будущему...

Она наконец-то чувствовала себя свободной. И эта свобода диктовала свои законы. Для Сабины свобода оказалась прежде всего возможностью бесстрашно выразить все, что накопилось в ее душе.

Темой ее коллекции стал фестиваль, яркий свободный праздник, когда все собравшиеся вольны веселиться так, как им хочется.

Мысль устроить буйное проявление радости родилась у нее в тот особый, незабываемый летний день, изменивший все-все.

Они с Генычем называли этот день баннным.

Ну да. Птича тогда сидела с Викусей, а Генка пришел к ней помыться, потому что у них с дедом отключили электричество. И не было горячей воды. Вот и все.

И в тот самый день Генкин дед рассказывал о фестивале в конце пятидесятых... Как все выглядело ярко, чудесно, празднично. Как отовсюду слышался смех, музыка... После стольких трудных, страшных и серых лет...

Она придумала, что девушки-модели превратятся ее стараниями в удивительных чудо-птиц в пышных разноцветных юбках, с легкими крыльями. Каждая из них будет выглядеть к тому же невестой. Не серьезной, основательной традиционной невестой в белом пышном одеянии с фатой и шлейфом. Нет, все произойдет как будто понарошку, не всерьез... Так, как маленькие девочки мечтают о своих свадьбах, когда до

этого еще далеко-далеко.

Жар-птицы – невесты – в многоцветных радужных нарядах. У каждой фата. У кого-то в виде маленького хохолка, ярко-красная, как гребешок у курочки. У кого-то – синяя прозрачная вуаль... Ведь Синяя птица – символ счастья...

Столько вариантов веселых уборов для сказочных невест удалось ей придумать! Сама радовалась и смеялась своим придумкам, как маленькая.

Каждая девушка-птица выходила под особую музыку. Ту, что больше всего подходила именно ей. Пройдя по подиуму, модель возвращалась к дереву, с которого начинался проход, снимала свою фату и вешала ее на ветку.

Откуда взялось в ее фантазиях дерево? Ну, конечно же, из раннего детства. От Чуковского.

И еще – от той красавицы-березки из воспоминаний о ее первой свадьбе. Та ее прекрасная фата, которую почему-то нельзя было повесить на тоненькие веточки, то ее удивление, ощущение сжавшейся в комочек души...

Пришло время стать собой и показать всем, какая она. Пришло время выпустить собственную радость – пусть летит, как птичка... Птичкам положено летать.

Нелька выходила самой последней. Единственная – в наряде настоящей невесты. Единственная – в белой фате... Платице – легкое-легкое, коротенькое – до колен, – пышная юбочка, атласный пояс, крылышки из белого пуха. Все сразу поняли: невеста-лебедь. Умела Нелька показать то, что задумал мастер. Одним плавным движением, одним поворотом головы... Топ-модель. Настоящая звезда.

И вот уже ее белая фата красуется на самой верхушке чудо-дерева...

Сегодняшний день – это и Нелькин праздник тоже. Они с Женькой расписались полгода назад.

Кончились Нелькины ужасы будто бы сами собой. Отец ее так и не пережил инсульт, отошел в мир иной. Его безутешной вдове досталась четверть комнаты – все по закону. Суд постановил, что Неля выплатит жене отца стоимость этой самой четверти. На этом поставили точку. А с участковым разобрался Нелькин сосед, оказавшийся человеком злопамятным. Ну, никак он не смог простить эту тогдашнюю «инспекцию», нашлись у него, как у всякого успешного бизнесмена, очень серьезные люди, сумевшие показать стражу порядка, что и ему могут кое-что совсем ненужное подкинуть, и его можно запросто лишить его власти... Очень даже легко...

Так что скрываться и менять место жительства не пришлось.

Тем более Нелькиному жениху необходимо было оставаться в Москве, заканчивать свой институт, да и работа появилась интересная.

Они поженились без пышных торжеств.

Праздник отложили до лучших времен. И вот они настали, эти времена. Будет в их семейном альбоме фото Нельки в белом платье с фатой.

Девушки-птицы вышли на поклон и, возвратившись к дереву, уселись вокруг него. Нелька-невеста вышла напоследок с Викусей на руках, одетой точно, как ее мама. Викуся сияла. А потом, когда они сели у дерева, как и остальные, вдруг вырвалась из рук матери и быстро-быстро поползла по подиуму.

Зал расхохотался. Фотографы только успевали запечатлевать «гвоздь программы».

Птичке полагалось выходить на поклон последней.

Она и вышла. Вернее, выбежала. Скинула туфли, чтоб удобнее было ловить Викуху – та ползала удивительно быстро.

И вот созданся экспромт – удачное дополнение к тщательно отрепетированному представлению. Известный дизайнер Сабина Мухина несетя по подиуму босиком, подхватывает на руки смеющееся дитя и сама хохочет...

Да! Это фестиваль!

Это праздник!

Ее день!

Все вышло так, как Птича и задумала. Даже, пожалуй, лучше. Такой последний проход специально не придумаеть.

Со всех сторон раздавался смех, радостные возгласы, аплодисменты.

Веселый праздник получился. Теперь можно точно сказать – получился!

После всех дневных хлопот можно было расслабиться. Вообще ни о чем не думать. У нее все вышло. Все сбылось.

Она ответила на несколько вопросов для прессы – неизбежная процедура, никуда не денешься. И все, смеясь, спрашивали о дереве с райскими птицами: откуда такая идея, что вдохновило?

– Приснилось, – невозмутимо отвечала Сабина. – Однажды приснилось все-все, я встала и нарисовала.

– Вам снятся волшебные сны! – удивлялись журналисты.

– С некоторых пор – да, – подтверждала Птича.

Но, к счастью, вопросы быстро иссякли: все стремились попасть на фуршет – второе по значимости событие вечера.

Больше всего хотелось ей домой. Улечься на диване с Генычем, прикорнуть, накрывшись пледом... Это и было бы их прекрасное отмечание всех знаменательных сегодняшних событий сразу.

Улечься вдвоем... И еще чаю с лимоном и конфетой... Какую бы конфету она попросила? «Мишку», еще «Трюфель», еще «Раковую шейку». Вот, пока все.

Надо уточнить, есть у них дома именно эта группа товарищей. Ах, да! Еще халву в шоколаде...

Птича думала свои счастливые мысли, дежурно сияюще улыбаясь: вспышки фотокамер все продолжались, репортеры отбегали к буфету, наспех выпивали, закусывали и вновь устремлялись к главной героине сегодняшнего события.

Вдруг кто-то бесцеремонно тронул ее за локоть.

Она оглянулась с прежней улыбкой.

Габриэлла!

Этого еще не хватало. Значит, и Славик тут, поблизости. От кого-то она слышала, что люди эти поженились вскоре после их со Славиком развода.

Бывшие супруги не виделись с тех самых пор... С того дня, как Ростислав ее избил. Разводные дела вел адвокат. Видеться оказалось не обязательно.

Птиче представлялось, что она все забыла. Она очень старалась забыть...

Но сейчас сердце у нее забило сильнее.

Зачем они здесь? Неужели Ростислав соскучился?

Смешно и думать. Скорее всего, парочка пришла позлостствовать, впечатления свежие получить, чтобы внутренний яд активнее вырабатывался.

Габриэлла стояла близко-близко, толкая ее своим огромным животом: рожать ей, судя по всему, полагалось со дня на день.

Что ж! Сбылась мечта Славика! Пусть радуется, пусть будет счастлив наконец, если он умеет быть счастливым. Но Габриэлла – герой. Надо же! С таким животом, а не поленилась. И добилась всего что хотела, а все равно ей нейдет!

– Привет, фригида бесплодная! – услышала Птича.

Она ни на секунду не перестала улыбаться! Это – огромное достижение, потому что сердце ее снова подпрыгнуло и забило часто-часто.

Ей хотелось прежде всего дать Габриэлле по морде – да, именно по морде, а не по лицу – так она про себя и выразилась. А потом крикнуть, что никакая она не бесплодная, что у нее тоже... тоже..! И довольно скоро! Через каких-то четыре месяца! И неужели не видно?..

Так она кричала... Мысленно... Про себя.

Но внешне – стояла молча и улыбалась, как ни в чем не бывало.

Репортеров собралось почему-то очень много, вспышки не давали смотреть. Она хотела подозвать Геныча и просто сказать, что пора... пошли, мол, отсюда...

И еще ей было очень жаль, что в свой особенный день пришлось ей услышать пакостные слова, ощутить злобный посыл от той, которая когда-то казалась доброй знакомой.

Краем глаза увидела она Ростислава с его ироничной миной и явным торжеством на гладком раздавшемся лице.

И тут Птича все поняла.

Вот они зачем пришли! Похвастаться животом!

Ну и пусть бы себе – будьте же счастливы, наконец! Зачем за счет гадостей другим?

Увидела Птича и Геныча, стоящего со счастливой улыбкой, обращенной к ней, довольно близко, за спиной особо ретивого фотографа.

Странно – вся сцена длилась несколько секунд. Но они показались нескончаемыми.

«Я ничего ей не отвечу, я не смогу. И просто не хочу», – думала Птича.

И в этот миг...

В этот самый миг...

– Привет Наташа! – раздался очень веселый пьяный голос.

К ним пробился бодрый мужичок с явными признаками основательного материального благополучия.

«Наверное, из прежних Габриэллиных дяденек», – решила Сабина.

Дядька действительно ухватился за плечо Габриэллы и уставился на ее живот, что-то мучительно соображая.

– Я не Наташа, Я Габриэлла, – строго промолвила гордая будущая мать.

– Наташка, да брось ты, «Габриэлла, Синдирелла, Охуелла...» – развеселился гость праздничного вечера.

И не простой гость, явно VIP... За ним даже телохранитель вроде маячил... Или Птиче показалось?

Она чуть-чуть, на полшага, отошла от гадины.

За происходящим хотелось почему-то наблюдать слегка со стороны.

А то, что простыми репликами тут не закончится, почему-то казалось ясным, как дважды два.

Внимание репортеров мгновенно переключилось на треугольник «Ростислав – Габриэлла – пьяный дядька».

Видеокамеры тоже подтянулись.

– Да ты, я вижу, мамкаться собираешься... Интересно... Подожди-ка... Это чей же у тебя там наследник растет? Уж не мой ли? Дай подсчитаю... Так-так-так... Вот, значит, ты что решила... Получить хорошие деловые гены – и в кусты! А бог все видит, Синдирелла! От него не спрячешься! И от меня тоже! То-то я смотрю – не признает она меня! Не получится не признавать!

Обиженный высокомерием бывшей содержанки, дяденька-олигарх щедро выкидывал довольным представителям желтой прессы одно разоблачение за другим, без остановки.

– Я от мужа своего беременна! От законного своего мужа! – визжала Габриэлла, разом потеряв свой светский лоск, невозмутимость и загадочную ядовитую улыбку. – Пошел ты на х-й, я тебя не знаю!!!

Лицо Ростислава сделалось похожим на серый камень.

Оно казалось неживым, даже глаза его не двигались. Он не мигал. Смотрел он на свою законную супругу Габриэллу так, как смотрит на невероятное, невысказанное чудовище в фильме ужасов загипнотизированный монстром совершенно беззащитный персонаж.

Почетный гость вечера между тем продолжал:

– Это ты МЕНЯ не знаешь? Фигасе заявы!

А квартира твоя на Тверской-Ямской откуда?

С неба свалилась от волшебника в голубом вертолете? Да я тебя... видал... Но вежливости тебя плохо учили, Мандиньделла! И ребенка – проверим. Это не обсуждается. Ясно тебе?

Мужичок завелся не на шутку, обиделся по-черному. Телохранители его, обозначившиеся теперь явно и железобетонно, готовы были к исполнению любого приказа своего взбаламученного кормильца.

– А муж твой... Это этот? – громыхал, как Зевс, сильный мира сего. – Ба! Знакомые все лица! Славчег! Угораздило! Папашка!!!!

Олигарх театрально согнулся пополам и принялся картинно корчиться от смеха.

– Ну, валяйте, валите отсюда. Беременным тут не место. Приперлась – а зря. Тебе тихо надо сидеть... А то еще претенденты найдутся на плод

чрева твоего, – объявил он, кое-как отсмеявшись. – Родишь, встретимся в суде. Разберемся. Чужого мне не надо, пусть твой му-му...ж радуется. Мой – хрен отдам. Поняла?

Габриэлла стояла, покачиваясь, как заколдованная.

– Виктор, проводи до места проживания и отзвони Крынкину, пусть наблюдает... Инструкции от меня получит потом, – жестко приказал бывший Габриэллин дяденька.

Птиче не хотелось смотреть на них. На эту пару. Она так старалась забыть – все эти несколько месяцев старалась она забыть тот свой страх и ту свою боль, что сковывали ее долгие годы.

Пусть уходят. Пусть живут дальше.

Пусть это будет Славин ребенок.

И пусть Габриэлла теперь сто раз подумает, прежде чем станет перед кем-то хвастаться своими достижениями. У нее теперь настало время расхлебывать кашу, которую она сама же и заварила. Вся ее предыдущая жизнь обернется к ней своей изнанкой...

Но к Птиче это больше не имело никакого отношения.

Ровным счетом никакого.

Она даже с Генкой не будет обсуждать то, что оба они только что видели и слышали.

У Рыцаря и Прекрасной Дамы другие интересы, другие дела...

– Слушай, у нас дома «Мишки» есть?

– «Мишки» точно есть, я проверял.

– А «Раковые шейки»?

– Нет! А тебе хочется? Тебе их надо, да?

– Ужасно почему-то захотелось «Раковых шеек», все время о них думаю...

– Тогда я тут сворачиваю, да? В «Новоарбатский» зайдём. Хорошо, что ночью открыто...

– А вдруг там нет?

– Пошли, сама увидишь – я там тебе все время покупаю...

И Рыцарь, обняв Прекрасную Даму, повел ее туда, где можно исполнить сегодняшнее желание его драгоценной спутницы.

Кстати. Оно исполнилось.

notes

Примечания

1

Даниил Хармс. Из «Голубой тетради» № 12.

Редъярд Киплинг. Благодетели. Перевод с англ. С. Степанова.

Сергей Рыженков. В кн.: Евгений Евтушенко. Строфы века. Антология русской поэзии. Минск – Москва: Полифакт, 1995.

Песня из кинофильма «Испытание верности», 1954 год, музыка И. Дунаевского, слова М. Матусовского.

О. Мандельштам. Бессонница. Гомер. Тугие паруса...